

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

21

МОСКВА

2020

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д. и. н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
д.и.н. О.А. Плотникова,
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,
к.и.н., доц. О.И. Елисеева,
к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),
д.и.н., проф. С.В. Алексеев,
д.и.н. А.П. Богданов,
д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,
д.и.н., проф. Д.Д. Пеньковский,
д.и.н. А.Б. Ручкин
д.и.н., проф. Г.В. Талина,

Историческое обозрение. Вып. 21. М.: НП «Историко-просветительское общество “Радетель”»; Изд-во НИБ, 2020 . — 80 с.

Двадцать первый выпуск ежегодного альманаха «Историческое обозрение» включает статьи, посвященные различным проблемам истории и культуры Руси и России.

© НП ИПО «Радетель», 2020

© Авторы статей, 2020

Издательство Национального института бизнеса
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, к. 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алексеев С.В. Поэтические фрагменты о «Начале земли Русской» в Начальном летописном своде	4
Володихин Д.М. Копейный «ездец» на монетах московских государей	15
Богданов А.П. Баснословие о заговоре Милославского и Софьи во время «Хованщины»	19
Агейчева Т.В. И.Д. Ковальченко. «Хотя история мне очень нравится»	41
Микитчук М.Д. Образ личности и правления Ивана IV в историческом нарративе его младших современников	50
Белов Н.В. Князья Шенятевы — воеводы Московского государства XVI в.	61
Охлопкова В.А. Спорные дела как самоценная составляющая комплекса материалов Генерального межевания	68
Сведения об авторах и аннотации статей	76
Правила представления рукописей авторами	78

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ О «НАЧАЛЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ» В НАЧАЛЬНОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ

На необходимость выявления и реконструкции поэтических фрагментов в прозаических памятниках древнерусской литературы не раз обращалось внимание исследователей. Они рассматриваются как важный признак устных источников летописания, как материал для исследования эволюции восточнославянского эпического стиха. Одним из первых проанализировал следы последнего в Повести временных лет (далее ПВЛ) Н.С. Трубецкой (Трубецкой, 1995: 559–563). Существенное внимание «историческому эпосу», в том числе в поэтической форме, как источнику летописания, уделил Д.С. Лихачев (Лихачев, 1947: 100–144). Сохранению в летописи поэтической и ритмической формы «дружинных сказаний типа былин» придавал большое значение Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 1982: 143–144, 159). Княжеско-дружинные сказания, облеченные в поэтическую форму, выделяет в летописании Е.А. Мельникова (Мельникова, 1999). «Сказовым» и предположительно песенным фрагментам текста уделено большое внимание в комментариях к ПВЛ А.Г. Боброва, С.Л. Николаева и А.Ю. Чернова (Повесть, 2012). Истории древнерусского эпического стиха специально посвящены работы последних двух авторов (Чернов, 2006; Николаев, 2014; Николаев, 2018).

Важность исследования формальных структур повествовательной поэзии как признака ее устного происхождения общепризнана в мировой науке. Применение соответствующих методов позволило конкретизировать гипотезы об устном генезисе различных древних и средневековых эпических памятников (Foley, 1990; Signs, 1999).

Следует отметить, что не со всеми современными реконструкциями древнерусского стиха можно безоговорочно согласиться. Прежде всего, вызывает сомнение стремление некоторых специалистов в реконструкции структуры изначально *песенных* текстов исходить из грамматической «нормы». Между тем, это стремление заметно уже в некоторых работах, посвященных *Слову о полку Игореве*, и оно переносится на разбор стихотворных фрагментов в летописании. Так, делались попытки прочесть *Слово* строго на основе правил древнерусской акцентуации, которые сами еще — предмет реконструкции (ср., например: Колесов, 1976; Николаев, 2014). Между тем, природа «песни» в любом случае закладывает возможность отклонения от правил. К тому же акцентуация, чему много примеров и на восточнославянском материале, весьма варьируется диалектно, а для изучения акцентных различий древнерусских диалектов источников крайне мало (см. лучший свод данных, основанный притом на источниках с XIV в.: Зализняк, 2014)¹.

---

¹ С учетом отсутствия какого-либо бесспорного материала XI–XIII вв. здесь всегда остается поле для сомнений относительно самой «нормы». Лингвистические реконструкции раннедревнерусского ударения могут существенно расходиться, а экстраполяции норм современных диалектов на столь древнюю эпоху сомнительны. Требовать же от устно-песенных по происхождению текстов абсолютного соблюдения норм ударения как живой речи, так и тем более литературного языка, реконструировать акцентуацию таких текстов «по (гипотетическим) правилам», на основе «словаря и собственных познаний» (см. Николаев, 2018), не беря в расчет ритмики и хотя бы предполагаемого напева, потенциала ассонансов и аллитераций, игнорируя разницу между грамматическим и музыкальным ударением, — ошибка. С.Л. Николаев, говоря о былинном ударении, признает, что многие ударения «являются вторичными, заимствованными из текстов, исполняемых нараспев» (там же: 372; формулировка, впрочем, не очень ясна, — былины и исполняются «нараспев»). Однако при этом он же утверждает, что в реконструкции древнерусских стихотворных фрагментов следует исходить только из формальных акцентологических правил без исключений (см. там же: 354). Думается, что сторонники такого подхода к древнерусскому песенному (по самоопределению) стиху неправы. Основанием или следствием их построений является восприятие фрагментов песен как «стихотворений», представляющееся нам неуместным. Для такого рода рекон-

Из других лингвистических проблем на реконструкцию древнерусского стиха влияет решение вопроса о ходе процесса падения редуцированных гласных. На Руси этот процесс затянулся надолго. В древненовгородском диалекте падение срединных еров началось только в первой четверти XII в., а завершилось уже в XIII-м. На юге Руси, а применительно к конечным ерам и на севере это важнейшее фонетическое изменение произошло раньше, в течение XI–XII вв. (см.: Славянские языки, 2005: 420, 438, 441). В то же время в книжной речи, сформированной болгарскими (или знавшими болгарский извод церковнославянского греческими) учителями, слабые редуцированные начали исчезать раньше. Для как минимум некоторых южнорусских книжников они уже в XI в. стали неслоговыми¹. Первые признаки падения еров на письме (третья четверть XI в.) должны были проявиться позже, чем начало падения в устной речи. С учетом всего этого строение рассматриваемых ниже фрагментов может почти на равных основаниях реконструироваться в двух или даже трех вариантах². Следует по возможности отталкиваться в реконструкции метрики отрывков от строк без слабых еров.

В данной статье рассматриваются поэтические фрагменты из статьи Начального летописного свода (далее НС), выделяемого на основании Новгородской первой летописи младшего извода (далее Н1Лм) (см.: Начальная летопись, 1999; Алексеев, 2006). Разбивка на стихотворные строки наша (публ.: Алексеев, Плотникова).

струкций исходно необходим культурологический синтез, выходящий за пределы лингвистических методов. В основе же его должны быть и профессиональное знание всего массива древнерусских источников соответствующего периода (включая нелитературные), и глубокое знакомство с книжностью и фольклором славянских народов.

¹ На это указывают ранние примеры исчезновения конечных еров в рукописях XI в., а также почти последовательное изъятие изолированных срединных, — например, в слове к[ъ]назь. Написание к[ъ]назь в оригинальных записях древнерусских книжников XI в. отмечено только в новгородском *Остромировом Евангелии* 1057 г. (см.: Столярова, 2000: 14). В дальнейшем, начиная с *Изборника 1073 г.*, в собственных записях писцов почти всегда кназь (Там же: 26, 29, 46, 67, 70). Интересен случай с *Мстиславовым Евангелием* начала XII в. Писец Алекса в своей записи употребляет кназь (Там же: 67), но княжеский чиновник Наслав в своей — к[ъ]назь (Там же: 74), что является единственным случаем в записях XII в. Это подтверждает мысль о «социолектном» изначально характере падения еров. В *Успенском сборнике XII в.*, включающем и старо-/церковнославянские, и древнерусские тексты, встречаются обе формы, но кназь чаще и в восходящих к XI в. древнерусских памятниках — *Сказания о Борисе и Глебе*, *Сказания чудес и Житии Феодосия Печерского*. Противоположной тенденцией, в результате переосмысления практики озвучивания сильных еров как *e* и *o*, являлось складывание книжного «истинноречия», при котором и слабые еры в церковном обиходе читались так же. Самым верным будет заключить, что к 70-м гг. XI в. в Южной Руси сложилось представление, что еры в слабой позиции *могут* не звучать, имевшее подкрепление и в живой речи как минимум образованных людей. Данные же новгородских берестяных грамот указывают, что и на Севере падение срединных еров началось в «зачаточной» фазе не позже третьей четверти XI в. (Зализняк, 2004: 58). Что касается конечных редуцированных, то начало их падения в новгородском диалекте «можно теперь более уверенно, чем прежде, относить к XI в.» (Там же: 65).

² А.Ю. Чернов (Чернов, 2006) предполагает сохранение конечных редуцированных в поэтической речи вплоть до времен создания *Слова о полку Игореве* включительно. Его реконструкции и поэтических фрагментов в летописи, и *Слова* основаны на этой гипотезе. Из сохранения всех редуцированных исходит в своей реконструкции неравносложного силлабо-тонического стиха в ПВЛ С.Л. Николаев, на этом основании датируя приводимые им примеры не позднее конца XI в. (Николаев, 2018). Может быть, из-за неудачности формулировок при этом складывается впечатление, что падение являлось одномоментным событием конца XI в. — что, конечно, было бы фантастично. Кроме того, нельзя не отметить некоторого «насилия» над имеющимися текстами в этом направлении — прежде всего, бросается в глаза повсеместная подстановка ера в слово кназь. Если согласится с этим, то получится, что ПВЛ заново пересочинена в XIV в. с последовательной заменой написаний, — но об этом речь не идет, и, как мы видели, кназь вполне нормативно и для XI — начала XII в. Приведенные выше факты, свидетельствующие о начале падения редуцированных в XI в., и основанное на изучении конкретного источника материала мнение А.А. Зализняка С.Л. Николаевым никак не комментируются и не упоминаются. Интересно, однако, что даже в рамках своего подхода исследователь признает возможность «пропуска» в стихе «метрически безударных слогов на конце слова» (Там же: 356) — как правило, с конечными ерами.

В самом начале НС собственное рассуждение летописца о Кие, основателе Киева, и величии города оформлено ритмически. Ритм этого фрагмента близок к свободному стиху литургической поэзии, и логично считать его личным творчеством летописца. В совершенно иной манере сложены поэтические фрагменты о том же Кие и о Рюрике в первой летописной статье 6362 (854) г. Прежде всего, стоит отметить их сюжетную близость между собой, притом что в науке «народное» сказание о Кие нередко противопоставляется «дружинному» о Рюрике. На самом деле тексты параллельны и по содержанию, и по оформлению. Два сказания являются двумя смысловыми центрами единого повествования под 6362/854 г., озаглавленного «Начало земли Руской». Оба повествуют о трех братьях, причем в обоих, что необычно для внимательной к родословиям традиции, у братьев не назван отец. Оба организованы ритмически, причем весьма сходно, с легко выделяемыми строками, аллитерациями, ассонансами, внутренними рифмами и частыми **И** в начале строк.

Говоря о сюжете всего этого двухчастного повествования, стоит отметить, что сказания не столько сопоставляют, сколько противопоставляют своих героев. Кий — автохтон, а Рюрик — пришелец. Кий основывает город, Рюрик садится в существующий. Но после Кия его княжение приходит в упадок, его постигают «обиды», завоевания — пока из Новгорода не приходит сын Рюрика. От Кия «до сего дня» поляне просто называются «киянами», от спутников Рюрика — «до нынешнего дня» тянутся родословные.

Логично заключить, что оба фрагмента представляют собой запись по памяти слышанного, а не собственное творчество летописца. запись по памяти слышанного, а не собственное творчество летописца. Сама успешность такого рода записей подразумевает сколько-то основательное знакомство с принципами построения записываемых текстов. Но в случае с русскими летописями следует ожидать меньшей точности в воспроизведении ритма и размера. Воспроизведение песни человеком, не являвшимся сказителем, в рамках прозаического произведения, не могло быть абсолютно строгим в этих отношениях.

- 1 Живяху кождо с родомъ своимъ
- 2 На свонхъ странахъ,
- 3 Владѣюща кождо родомъ своимъ.
- 4 И быша три братия:
- 5 Єдиному имя Кии,
- 6 Второму же имя Щекъ,
- 7 Третьему же имя Хоривъ,
- 8 А сестра ихъ Лыведь.
- 9 И сѣдаше Кии на горѣ,
- 10 Идѣже нынѣ ѱвозъ Боричевъ,
- 11 И бѣ с родомъ своимъ;
- 12 А братъ его Щекъ на друзии горѣ,
- 13 Ут него же прозваса Щековица;
- 14 А третии Хоривъ,
- 15 Ут него же прозваса Хоривица.
- 16 И сотвориша градокъ
- 17 Во имя брата своего старѣишаго
- 18 И нарекоша имя Киевъ.
- 19 И баше около ихъ лесъ и боръ великъ,
- 20 И баху ловища звѣрье.
- 21 И бѣша мѹжие мѹдри и смысленѣ,

- 22 **И нарицахүса полане,**
 23 **И до сего дне от них же**
 24 **Бүть киянѣ [полане];**
 25 **Бахү же поганѣ,**
 26 **Жрүще озером и кладязем, рощениемъ,**
 27 **Якоже прочии погани.**

(Н1Лм, 6362, с учетом разночтений; см.: Алексеев, 2006: 203–204, в том числе о конъектуре в 24-й строке¹).

Стих здесь тонический 3-иктовый и неравносложный. Притом колеблется он не очень значительно. Только 4 раза (строки 12, 17, 19, 26) даже при условии огласовки всех редуцированных и краткого и в строке более 11 слогов. 5 слогов возможно только в строках 2² и 14; достоверно 6-сложная строка тоже одна (25), еще в 2 случаях (8, 11) очень возможна. Это, кроме 11-й, и единственные случаи, где возможен отход от 3-иктовой нормы. В целом диапазон колебаний — между 7–8-сложником и 10–11-сложником, вполне традиционными для восточнославянской эпикеи. Чередование их, как видно из древнерусских поэм, вполне допустимо.

Структуру ударений восстановить непросто, но, во всяком случае, в строках 22, 24, 25 и 27 оно должно бы падать на рифмующиеся предпоследние слоги³. Как явствует из *Слова о полку Игореве*, в древнерусском эпосе при короткой строке это было еще нередкое явление. Но в большинстве случаев прослеживаются традиционные для эпоса восточных славян ударения на последний и на 3-й–4-й с конца слоги. Судя уже по первым строкам, ритм мог поддерживаться *частичным* произношением конечных еров. При этом допущении в двух первых строках чередуются ударения на 4-й и 3-й с конца слоги. Строка 2 совпадает с 4-й, тоже 7-сложной, ударным слогом: **ст^ранах[о]** — **бра-^тия**, 1-я же совпадает с 3-й большей частью слов и рифмуется. В дальнейшем основным способом поддержания ритмики являются многочисленные параллелизмы и аллитерация. Анафоры используются нерегулярно, но подчас весьма искусно, как в строках 9–11: **И съдаше** — **Идъже** — **И бѣ**. Традиционное **И** в начале строк непостоянно, периодами (9–11, 19–23). Рифмовка в середине строк довольно часта, но «правильные» конечные рифмы не появляются до конца фрагмента (22 — 24 — 25 — 27). В 10–22-й чередование долгих и кратких строк, возможно, намеренное. Звучание текста, видимо, следует реконструировать так (акценты изредка смещены относительно собственного ударения слов⁴ или приходятся дважды на одно слово; неслоговое **и** передано как **й**; слоговые еры передаются в квадратных скобках буквами **о** и **е**):

¹ В этой версии, опровергаемой затем в ПВЛ, утверждалось, что кияне зовутся полянами только со времен Кия и братьев. Текст восстанавливается на основе сравнения Воронцовского и Троицкого списков Н1Лм, хотя порядок слов, скорее всего, лучше отражен (или правильно реконструирован, — см. следующее примечание) в Комиссионном.

При воспроизведении текста по сравнению с изданием Н1Л 1950/2000 г. восстановлено написание **а**.

² При этом можно видеть, что писец Комиссионного списка Н1Лм попытался ее улучшить, вставив слова **мѣстех** и перед **ст^ранахъ**. В данном случае удивительно то, что, судя по всему, оборот был заимствован писцом из какого-то списка ПВЛ (где нет «стран», но есть именно «места»). Восходить к НС вставка не может, поскольку имеется только в одном списке. Это свидетельствует о том, что писец сознавал поэтическую природу отрывка и готов был специально искать способы ее подчеркнуть. Подобные улучшения он производил, как увидим, и дальше.

³ Впрочем, рифма здесь дактилическая, что допускает возможность смещения ударения во всех четырех случаях. Тогда существенного изменения ритмики текста и вовсе не происходит.

⁴ Принимая за норму реально засвидетельствованную с XIV в. и реконструируемую на этой конкретной основе предшествующую (см.: Зализняк, 2014), можно отметить, что наиболее вероятно смещение в **сво́им[о]** (11 строка), **нареко́ша** (18), **мудри́** (21) (подчеркнуты нормативные ударения). В таких случаях, как **со́твориша** (16), **стадо́рѣйшаго** (17), **звѣро́[е]е** (20) сама норма допускала варьирование. «Отклонения»,

1 Живя́ху ко́ждо с ро́дом своим
 2 На́ своих[о] страна́х[о],
 3 Владѣ́юща ко́ждо родом своим.
 4 И вы́ша три бра́тия:
 5 Єди́ному імя Кнй,
 6 Вто́рому же імя Щек,
 7 Третье́му же імя Хорив,
 8 А се́стра их Лывед[є].
 9 И сѣ́даше Кнй на́ горѣ,
 10 Идѣ́же ны́нѣ үвоз Бо́ричев,
 11 И вѣ́ с ро́дом[о] сво́им[о];
 12 А бра́т его Щек на дру́зій горѣ,
 13 Вт него́ же прозва́са Щекóвица;
 14 А тре́тній Хорив[о],
 15 Вт него́ же прозва́са Хоривница.
 16 И со́твориша гра́док[о]
 17 Во імя бра́та своего старѣ́йшаго
 18 И наре́коша імя Кнйв[о].
 19 И ва́ше о́коло их лес и бо́р велик,
 20 И ба́ху лови́ща звѣ́р[є]є.
 21 И вѣ́ша мѹ́жи мѹ́дри и смы́сленѣ,
 22 И нарица́хуса полане,
 23 И до се́го дне от ни́х же
 24 Сѹ́тъ кия́нѣ полане;
 25 Ба́ху же пога́нѣ,
 26 Жрѹ́ще о́зером и кла́дязем, ро́щениемѣ,
 27 Яко́же про́чии пога́ни.

Складывается ощущение, что не только слоговая структура, но и конкретное положение акцентов здесь не столь важно, как их постоянное число и звуковая игра. Вкупе с обилием аллитераций это подталкивает к мысли, уже высказывавшейся в литературе (ср.: Бубнов, 2006; Николаев, 2014) применительно к древнерусской дружинной поэзии. Не имеем ли мы дело с воздействием германского (и скорее скандинавского, чем древнеанглийского) аллитеративного стиха? Ведь смысловое единство обеих легенд о «начале Русской земли» подразумевает северный по происхождению источник информации НС. На новгородского боярина указывает и незнание традиции о том, что и до сея братья вяху полане — то, с чего начинается коррекция рассказа НС в ПВЛ (см.: Алексеев, 2006: 281–284).

Кроме того, с высокой вероятностью, этот фрагмент *вторичен*. Он сложен самими информаторами летописца (скорее всего, из рода Остромировичей — см.: Лихачев, 1947: 103–114; Гимон, 2013) или певшими для них певцами по образцу лучше выстроенного родового сказания «новгородцев от рода варяжска». Сама тема указывает на такую вторичность. Представленный в летописи текст — преобразование в эпическую песнь локального топонимического предания без (проговоренных) героического или генеалогического мотивов.

Но в любом случае речь не о славянизированном «скальдическом» стихе, а об использовании его приемов славянским певцом. Никаких твердых правил аллитерации

как видим, весьма редки, и расстановка «правильных» ударений незначительно скорректировала бы нашу реконструкцию — а концептуально не изменила бы вовсе.

нет, а строки выдержаны в типично славянском эпическом размере. Большая их часть, по нашей реконструкции, в диапазоне 8–12 слогов, с редкими строками по 7 и единственной 6-сложной. Только в конце типичный для «былинного» стиха ритм сменяется иным, но тоже известным из древнерусской эпики. Отход от древнего силлабического стихосложения мог иметь и иные внешние источники, помимо свободного стиха литургической поэзии, но оставался естественным процессом.

Вмешательство самого летописца в текст неочевидно. Ему могут принадлежать некоторые нестандартные усечения и продления строк, естественные при записи по памяти и в прозе. Особенно «под подозрением» слово **своего** в строке 17. Конец (строки 25–27 при нестандартно длинной и содержащей книжный оборот 26-й) о языческих обычаях полян развивает мысль, связанную с образом Кия и во введении. Он, кроме того, хорошо встроен в общую концепцию летописца (крещенные люди разделяют многие заблуждения предков и не обладают их воинскими добродетелями). Но, с другой стороны, песнь и могла породить идею привязать упоминание о смене язычества христианством к первому появлению Кия на страницах летописи. Книжное влияние на эпос, тем более в передаче знатного человека из образованной семьи, к этому времени уже естественно.

Можно отметить некоторые исправления, внесенные в текст НС при создании ПВЛ (см.: Алексеев, 2006: 281–284). Здесь исчезло обличение язычества полян, а «поляне» и «кияне» в тексте поменялись местами, благодаря чему изменился смысл: поляне прозвались киянами от Кия (так в Ип.). Сильвестр, вероятно, не поняв мысль Нестора и не видя его источника, в своей редакции изменил формулировку на **От нихъ же сѹтъ полане Кыевѣ и до сего дни**. В итоге в Радз. и Лавр., следующих этой редакции, смысл оказался потерян, и от НС они ушли дальше. Впрочем, та же ошибка (под влиянием ПВЛ?) проникла и в Троицкий список НС.

Рассмотрим теперь второй поэтический отрывок в статье 6362 г., повествующий о призвании варягов (см. также: Алексеев, 2019):

- 1 **И въсташа словенѣ и кривци**
- 2 **И меря и чюдъ на варагы,**
- 3 **И изгнаша я за море;**
- 4 **И начаша владѣти сами собѣ**
- 5 **И города ставити,**
- 6 **И въсташа сами на ся воевать,**
- 7 **И бысть межи ими рать велика и ѹسوبца,**
- 8 **И въсташа град на град,**
- 9 **И не вѣше в нихъ правды.**
- 10 **И рѣша к себѣ: «Князя поищемъ,**
- 11 **Иже бы владѣлъ нами**
- 12 **И рядилъ ны по правѹ».**
- 13 **Идоша за море к варагомъ**
- 14 **И ркоша: «Земла наша**
- 15 **Велика и шбилна,**
- 16 **А нарада ѹ нас нѣтѹ;**
- 17 **Да поидѣте к намъ княжити и владѣти нами».**
- 18 **Изъбрашася три брата с роды своими,**
- 19 **И пояша съ собою дружинѹ многѹ и предивнѹ,**
- 20 **И приидоша к Новѹгородѹ.**
- 21 **И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ,**
- 22 **Бѣ имя емѹ Рюрикъ;**

- 23 **А** другыи сѣде на Бѣлѣозерѣ, Синеусть;
 24 **А** третен въ Изборскѣ, имя ему Трѣворъ.
 25 **И** от тѣхъ варагъ, находникъ тѣхъ,
 26 Прозвашася Рѹсь,
 27 **И** от тѣхъ словоет Рѹская земля;
 28 **И** сѹтъ новгородстии людие
 29 **До** днешняго дне от рода варажьска.

Как уже говорилось ранее, построение обоих поэтических фрагментов в статье 6362 г. очень сходное. В них даже почти совпадает число строк. Фразы, вводящие братьев, близки фонетически, образуя род повторяющейся звуковой формулы: ***И** быша три брѣтия — **И**зъбращася три брѣта*. Перечисление братьев и их мест оседания строится по одной и той же схеме, хотя не без отличий. Структура повествования, прежде всего в финальной части, тоже идентична. В одной и той же последовательности описаны: размещение братьев, прозвание от них земли или племени, связь братьев с нынешним днем. Всё это делает почти несомненным принадлежность обеих песен одному певцу или по меньшей мере одной «школе»¹.

На «сказовый ритм» летописного повествования совершенно справедливо указывалось как на доказательство его устного происхождения (Повесть, 2012: 241). Некоторые черты фрагмента разобраны в предыдущей статье автора этих строк (Алексеев, 2019). Размер достаточно четко выдержан в начале фрагмента, затем становится более свободным, но в целом остается как минимум «сказовым». Некоторые слова, «продлевающие» строки, могут быть дополнениями как летописца, так и того, от кого он услышал текст. К таким излишним украшениям относятся *велика и ѹсобица* в строке 7, *и предивнѹ* в 19-й. Первый случай особенно показателен, поскольку разрушает рифмованный ряд *воевать — рать — град — правды*. Как и во всех рассматриваемых случаях, о точном воспроизведении устного прототипа речь не идет. Стоит отметить, что в ПВЛ (под 6370/862 г.) метрика фрагмента подправлена и «улучшена» в начале:

И изгнаша варагы за море
И не даша имъ дани
И почаша сами в собѣ володѣти...

— хотя в дальнейшем оказывается размыта пояснениями летописца (в частности, перечнем варяжских племен).

Этот стихотворный текст построен на тех же не совсем обычных для славянской средневековой и народной поэзии принципах, что и предыдущий. Сходство с германской аллитеративной поэзией здесь еще заметнее. Сочетание краткости строк, частых внутренних рифм и аллитераций как будто указывает на источник. Так могла бы выглядеть попытка передать скандинавский или англосаксонский стих IX–XI вв. средствами славянского языка и славянского стихосложения. Но вновь следует говорить скорее об усвоении отдельных приемов аллитеративного стихосложения на собственно славянской почве. Показательна конструкция строк 14–16:

И ркоша: «Земля наша
Велика и ѹсобица,
А наряда ѹ нас тѣтѹ;

Ассонансы здесь почти полностью подчиняют себе аллитерацию. Особенно это заметно в строке 15, где перекликаются три и под ритмическим ударением. Строка 16

¹ Нельзя исключить даже единство текста, в летописи разделенного вставными рассказами (о хазарской дани, походе на Царьград, Аскольде и Дире). Начало повествования о Рюрике (*Въ времена же Кыева и Щека и Хорива...*) в летописи дано периодически ритмизованной, а к концу почти рифмованной прозой, за которой может стоять и тот же эпический стих.

тоже выглядит разбитой на аллитерирующие полустроки, но и здесь ключевую роль играют акценты и гласные.

Стих построен действительно весьма четко. **И** в начале почти каждой строки (1–14, 18–21, 25, 27–28) как бы отбивает внутренний ритм — гораздо более заметный, чем в песни о Кие. Те строки, чья слоговая структура устанавливается с несомненностью, — в основном 7–8-сложные (3, 5, 14–16). 7 или 8 слогов также в строках 8–9, 11–12, 22. Одна строка (4) достоверно 11-сложная и одна же (19), за счет **и предивнү**, 17-сложная. Начиная со строки 17 длинные строки вообще преобладают. До этого, кроме продленной 7-й, нет ни одной которая бы достоверно превышала 11 слогов. После этого рубежа их становится заметно больше: 17–19, 23–24. В то же время именно в этой части встречается единственная сверхкраткая строка (26) в 5 или 6 слогов, — еще одна точная параллель с предыдущим фрагментом, Вместе с тем, в обоих половинах стихотворения есть 9–10-, 10–11-, 11–12-сложные строки, которых почти столько же, сколько 7–8-сложных. За 12-сложный рубеж строки явно выходят лишь трижды (7, 19, 23), и во всех случаях можно подозревать искажение. В строке 7 при пении, видимо, было от 7 до 9 слогов (**И высть межи ими рать**); в 19-й — 12–13, в 23-й без необязательного **сѣде** (ср. о Щеке выше) — 12–14. Можно заключить, что количество слогов в песни в целом колебалось от 7–8 до 12, в известном из *Слова о полку Игореве* и фольклорного эпоса диапазоне.

Стих здесь также 3-иктовый. Иногда (строки 4, 6) при ударении на последний слог в длинной строке может появляться 4-й акцент, как в позднейшем былинном эпосе. Он возможен (на предпоследнем слоге) также в длинных строках 17–18. Акцент падает на предпоследний слог в строках 2–3, 9, 11–16, 26, но это не нарушает общего ритма. В случае со строками 11–16 это, наряду с ускоренным слогом, отмечает прямую речь послов. В 15 строках (1–2, 5, 10, 13, 17, 20–25, 27–29) реконструируется дактилический акцент, еще в 5 (строки 4, 6–7, 18–19) — акцент на 4-й слог с конца. В первых трех случаях это сопряжено с ударением на последний слог, а в 8-й строке акценты на последний слог и 3-й с конца. Анапест встречается в 15 строках (1, 2–4, 6, 8–9, 16–17, 19–20, 23–25, 27). Только в усеченной строке 26 ударение на первом слоге, как и в ее «двойнике» из песни о Кие. В остальных случаях акцент ставится на второй слог. Судя по отмеченным выше колебаниям слогов, особенно в избыточно длинных строках, конечные еры и здесь произносились лишь частично. В отдельных случаях, при метрической необходимости (например, в строках 18, 24, 29) могли скрадываться и срединные еры в слабой позиции. Смещение ударений вероятно в строке 10 (**рѣша, по́нцем**), 24 (**Изборскѣ**), 25 (**вара́г**), 27 (**Рүская**). Фонетически текст может быть представлен так (без упомянутых нами выше вероятных «продлений»):

- 1 **И в[о]ста́ша словѣнѣ и кривци**
- 2 **И мѣря и чүдь на вара́гы,**
- 3 **И изгна́ша я за мо́ре;**
- 4 **И нача́ша владе́ти са́ми собѣ**
- 5 **И го́роды ста́вити.**
- 6 **И в[о]ста́ша са́ми на ся́ воева́ть,**
- 7 **И выст[ε] межи́ ими ра́ть,**
- 8 **И в[о]ста́ша гра́д на гра́д,**
- 9 **И не вѣ́ше в ни́х[о] правды.**
- 10 **И рѣ́ша к себѣ́: «Кня́зя по́нцем,**
- 11 **Иже́ бы владе́л[о] на́ми**
- 12 **И ря́дил[о] ны́ по праву́».**
- 13 **Идо́ша за мо́ре к вара́гом**

14 И ркоша: «Земла́ наша
 15 Вели́ка и шби́лна,
 16 А на́рада у нас нѣтъ;
 17 Да пойдѣте к нам княжи́ть и владѣ́ть нами».
 18 Извѣра́шася три бра́та с роды́ своими,
 19 И поя́ша с собою́ дру́жинѹ мно́гѹ
 20 И прийдѣ́ша к Новѹ́городѹ.
 21 И сѣ́де старѣ́йшии в Новѣ́городѣ,
 22 Бѣ́ имя е́мѹ Рю́рик[о];
 23 А дру́гый на Бѣ́лѣозерѣ́, Сине́у҃с;
 24 А тре́тій в Изборскѣ́, имя е́мѹ Тру́вор.
 25 И от тѣ́х вара́г, нахо́дник тѣ́х,
 26 Прозва́шася Рѹ́с[е],
 27 И от тѣ́х сло́вет Рѹ́ская зе́мля;
 28 И сѹ́т[е] новгоро́дстни лю́дие
 29 До днѣ́шняго дне́ от ро́да ва́ражска

Текст песни действительно гораздо лучше проработан, — очевидно, как сказительской импровизацией, так и долгим бытованием и широкой известностью сюжета, что подразумевало «социальный контроль». Сказание о Рюрике четче демонстрирует механизмы складывания неравносложного тонического стиха русского эпоса. Здесь мы видим длительные периоды в одном и том же или близком ритме, причем деление производится осмысленно, в зависимости от содержания песни, чего сказание о Кие не демонстрирует. Песнь четко распадается на три части:

- 1) Экспозиция об изгнании варягов (строки 1–7, чередуются длинные 11-сложные с короткими)
- 2) Распря, совет и призвание (строки 7/8–16, 7–8-сложник с редкими и, возможно, случайными удлинениями, прямая речь в тексте)
- 3) Приход братьев и устройство Руси (строки 17–29, 10–12-сложник с редкими, подчеркивающими нечто важное по смыслу, усеченными).

При этом все три части искусно, но в пределах возможностей устного пения, друг с другом связаны: первая и вторая рядом рифм и анафор, вторая и третья длинной строкой 17 в завершение прямой речи. С другой стороны, здесь незаметно следов книжного влияния — ни в содержании, ни в лексике. Текст имеет ясное назначение, относясь к разряду генеалогической поэзии, причем по меньшей мере в данной версии объясняет происхождение не Рюриковичей, а знатных новгородцев. Можно допустить, что в «оригинале» песнь имела продолжение, «незаученное» и опущенное летописцем как явно частное по содержанию и не относящееся к общей истории Руси.

Поэтические отрывки о «Начале земли Русской» характеризуют изменения в стихе древнерусской повествовательной поэзии на переходе от силлабического к тоническому стихосложению. Характерной чертой их (а также ряда других летописных отрывков) ритма было чередование размеров в зависимости от содержания песни, обращение к 6–7- и 7–8-сложнику на целые периоды. Таким образом достигалось привлечение внимания слушателей к ускорению действия, прямой речи персонажей, похвальному слову. Этот вариант во многих отношениях ближе к внешним источникам и потому у исследователей напрашивается на сравнение то с церковной гимнографией, то со скальдическим стихом. В дальнейшем тот же стих используется в литературном эпосе Древней Руси.

Грамотное же воспроизведение местами весьма вычурного «смешанного» стиха требовало серьезных навыков либо профессионального «песнотворца», либо хорошего

знатока. Скорее всего, летописцы нашли такового, но от самих летописцев передача услышанного потребовала усилий, и мы не можем быть уверены в точности результата.

Имели ли песни такого рода жанровые отличия от иных эпических сказаний? В большинстве бесспорных случаев употребления «смешанного» стиха, а также в позднейших написанных им поэмах, описываются события так или иначе актуальные. К этому разряду фактически относится и сказание о Рюрике — генеалогический эпос или его начало (а сказание о Кие создано как его распространение, по его образцу).

Фрагменты славянской повествовательной поэзии рассматриваемого периода суммарно насчитывают немногим более 300 стихотворных строк (см.: Алексеев, Плотникова). Ни одного написанного отдельно эпического произведения старше *Слова о полку Игореве* не сохранилось. Даже с учетом *Слова* заметен контраст с некоторыми другими европейскими литературами. Можно вспомнить в этой связи литературу германских народов, где уже первые века развития книжности на родных языках дали тысячи строк эпоса.

Принципиальным отличием славянской литературы от германской или, например, древнегреческой было появление переводной литературной прозы на родном языке раньше поэзии. У греков и германцев литература на родном языке начиналась с поэтических произведений. У славян же книжная поэзия носила в основном заимствованный характер. Ее формы, близкие к ритмической прозе, воздействовали на устную поэзию едва ли не больше, чем наоборот. Поэтические произведения во всех случаях — результат встречи устной поэзии и возникшей независимо от нее книжной, которая влияла и на устную. Всё это, однако, только повышает значимость тех немногих образцов, которые могут быть возведены к устным прообразам.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев С.В. Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI–XV вв. М.: Национальный институт бизнеса, 2006. 412 с.

Алексеев С.В. «Устроение земли» в древнерусской и средневековой южнославянской литературе // *Novogardia*. №1. 2019. С. 5–32.

Алексеев С.В., Плотникова О.А. Указатель сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы [Эл. ресурс] URL: <http://ukazatel.iporadetel.ru/>

Бубнов Н.Ю. «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов. М.: Русская симфония, 2006. 416 с.

Гимон Т.В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 2011. Устная традиция в письменном тексте. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 65–118.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Зализняк А.А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. 728 с.

Колесов В.В. Ударение в «Слове о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Вып. XXXI. СПб., 1976. С. 23–76.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Издательство АН СССР, 1947. 480 с.

Мельникова Е.А. Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М.: Языки славянских культур, 1999. С. 153–165.

Начальная летопись / пер. и комм. С.В. Алексеева. М.: Историко-просветительское общество, 1999. 192 с.

- Николаев С.Л. Лексическая стратификация «Слова о полку Игореве» // Словѣне. International Journal of Slavic Studies. №2. 2014. С. 7–109
- Николаев С.Л. К реконструкции древнерусских стихотворных текстов // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 351–382.
- Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Славянские языки. М.: Academia, 2005. 656 с.
- Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.: Наука, 2000. 543 с.
- Трубецкой Н.С. История. Язык. Культура. М.: Прогресс, 1995. 799 с.
- Чернов А.Ю. Хроники изначального времени. СПб.: Вита Нова, 2006. 525 с.
- Foley J.M. Traditional Oral Epic: The “Odyssey”, “Beowulf”, and the Serbo-Croatian Return Song. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1990. 430 pp.
- Signs of Orality. The Oral Tradition and Its Influence in the Greek and Roman World. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 261 pp.

КОПЕЙНЫЙ «ЕЗДЕЦ» НА МОНЕТАХ МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ

Монетная чеканка в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. напоминает своим разнообразием восточный ковер. Порой совершенно невозможно с уверенностью сказать, какой именно смысл несет тот или иной символ, более того, нередко возникают трудности с локализацией и датировкой монет, несущих его на себе. Фактически это уравнение с множеством неизвестных. Поэтому многое в большей степени «угадывается», вынужденно пребывает в зоне предположений, а не твердого знания. Один из сложнейших вопросов — происхождение, смысл и поводы к появлению в московской монетной чеканке символа «копейный ездец».

Соображения, излагаемые автором в настоящей статье, следует воспринимать как гипотезу, не более того. Состояние источниковой базы по изучаемому вопросу таково, что нет никакой возможности на данном этапе ни полностью подтвердить, ни совершенно опровергнуть выдвигаемую автором этих строк гипотезу.

«Копейный ездец» -- символ, хорошо известный по монетам, а затем по печатям великих князей московских. Автор статьи разделяет позицию тех исследователей, кто видит в нем, как минимум, на раннем этапе, до XVI столетия, изображение святого Георгия, поражающего змея.

Изначально этот символ не являлся наиболее распространенным в монетной чеканке Великого княжества Московского, поскольку до середины XV столетия значительно уступает по частоте использования иным символам московской государственности, прежде всего, всаднику с соколом в руке, петуху, человеку с секирой.

При Иване III (1462–1505 гг.), всадник с копьем, несомненно, становится более популярным и приближается к лидерству среди монетных типов, однако лидером все же не становится. В правление этого великого князя чаще встречаются монетные типы московской деньги с «мечевым» всадником (Гарост, 2012: 32–33). А при Василии III (1505–1533 гг.) «копейный ездец» почти на три десятилетия уходит из монетной чеканки России — до следующего государя, Ивана IV (Там же: 65–90). Лидировать среди изображений на монетах московской чеканки «копейный ездец» начинает лишь с середины XVI столетия, а именно со времен Ивана IV (1533–1584 гг.), и то — в «соревновании» с тем же «мечевым ездецом» (Там же: 95–128). Безраздельное господство «копейный ездец» обретает лишь в царствование Федора Ивановича, никак не раньше (Там же: 132–143).

В период между Иваном III Великим и Федором Ивановичем включительно московский «копейный ездец» и становится одним из известнейших символов государства Российского. Позднее его несут монеты последних Рюриковичей, Годуновых, Лжедмитрия I, 2-го земского ополчения. При первых Романовых он сохраняет абсолютное лидерство в монетной чеканке. В XVIII в. «копейный ездец» переходит на медную монету и, за исключением царствования Анны Иоанновны, постоянно фигурирует на имперской меди от Петра I до Екатерины II включительно, утверждаясь еще и на ордене св. Георгия. Ну а в наши дни без него немислимо государственное бытие Москвы.

Происхождение и смысл названного символа трактуется по-разному. В «копейном ездеце» в разное время специалисты видели «правителя на коне», «воина», «св. Георгия Победоносца», а также некую фигуру, аккумулирующую сразу несколько смыслов из числа названных выше. Как уже говорилось выше, автор этих строк разделяет третью из названных трактовок, поскольку среди монет XV столетия как правило встречаются изображения «копейного ездеца» с хорошо различимым змеем под копытами коня. Лишь более поздняя эпоха (особенно XVI–XVII вв.) знает варианты, где

змеи «убран» монетариями. По всей видимости, произошло либо слияние образа св. Георгия с образом правителя на коне, либо (это более вероятно) «копейный ездец» сделался настолько узнаваемым символом, что его сочли возможным «избавить» от «лишних» деталей, поскольку смысл изображения прочитывался и без них, а резьба мелких подробностей на матрицах для чеканки стала несколько более трудным делом, ведь сама «чешуйка» уменьшилась в размерах. Таким образом, предположение Г.А. Федорова-Давыдова, согласно которому «ездец» (имеется в виду любой «ездец» -- без разбора: копейный или нет) это «символическое изображение самого князя» (Федоров-Давыдов, 1981: 131–135), отвергается.

Возвращаясь к изначальному появлению «копейного ездоца» на московских монетах, автор этих строк видит лишь два обоснованных варианта его происхождения.

Первый из них, менее вероятный, состоит в том, что московские монетарии использовали скверно понятую символику монет Трапезундской империи. Там со времен императора Алексея II (1297–1330 гг.) до правления императора Иоанна IV (1447–1458 гг.) включительно чеканились серебряные аспры с конными портретами св. Евгения Трапезундского и правителя (на другой стороне). Первый из них держит в руке длинную крестовину, второй — скипетр. Притом в XV в. изображения обоих становятся до такой степени грубыми и слабо читаемыми, что и крестовину, и скипетр можно было принять за копьё; этому могло способствовать еще и другое обстоятельство: трапезундская монета мельчает, на сравнительно небольших «чешуйках» позднего чекана порой вообще не очень просто что-либо разобрать. Иконографически оба портретных изображения недалеки от московского «копейного ездоца». Монеты трапезундской чеканки были знакомы Москве, как минимум, по торговым и политическим отношениям с крымским княжеством Феодоро, где трапезундская монета ходила в больших массах (подтверждается археологическими находками). Принятие св. Евгения за св. Георгия не столь уж невозможно на русской почве, что, теоретически, могло повлечь за собой и трансформацию иконографии; но, надо признать, есть в этом определенная натяжка. Поэтому версия с трапезундскими монетами как возможным источником вдохновения для московских монетариев и отрекомендована автором этих строк в качестве «менее вероятной». Она имеет смысл только по одной причине: чеканка собственной монеты Москвой началась во второй половине XIV столетия, следовательно, денежные мастера набирались опыта медленно (если изначально это вообще были *русские* денежные мастера, что вовсе не факт).

Более вероятно другое: можно увидеть в московском «копейном ездоце» вариант западноевропейской иконографии св. Георгия.

Важная оговорка: именно западной, а не трапезундской, византийской, южнославянской и собственно русской. На монетах и печатях Константинопольской империи св. Георгий присутствует как минимум с XI столетия, а в XII столетии его изображения получают широкое распространение на электроновых аспрах Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) и медных тетартеронах Мануила I Комнина (1143–1180 гг.). Да и позднее, вплоть до второй половины XIII столетия, на византийской монете (включая сюда чеканку монетного двора в Магнезии) св. Георгий встречается нередко. На Руси св. Георгий как символ используется в монетном деле с первой половины XI века: на хорошо известных сребрениках Ярослава Мудрого.

Но во всех перечисленных случаях это совершенно иная иконография св. Георгия: либо погрудные изображения, либо поясные, либо ростовые, но ни единого конного портрета. Вообще говоря, конные портреты для имперской чеканки — явление крайне редкое, если не сказать периферийное. Они появляются при Палеологах в середине XIV в., держатся несколько десятилетий и уходят в первой четверти XV в. Среди них — ни одного св. Георгия на коне, как уже говорилось.

Изображения св. Георгия на коне вообще не характерны для искусства Империи, ни, хотелось бы подчеркнуть, для искусства Руси вплоть до XV--XVI вв. К более раннему времени можно отнести лишь фреску «чудо св. Георгия о змие» в Георгиевском храме Старой Ладogi, но там датировка фрески связана с датировкой соответствующего этапа в строительстве самого храмового здания, а хронология его строительства уже вызвала дискуссию между В.Н. Лазаревым и В.Д. Сарабьяновым, поскольку не получила отражения в письменных источниках. В сущности, нынешняя датировка возведения этой церкви (XII век, где-то между 1180 и 1200 годами) основывается на хрупких рассуждениях, связанных со стилистикой зодчества и, весьма возможно, будущие исследования скорректируют ее, отнеся к значительно более позднему времени. Ведь упоминается в письменном источнике храм в первый раз лишь под 1445 годом.

Вариант с конным портретом св. Георгия, ставшим прототипом для московского «копейного ездоца», возможно, был принесен северо-итальянскими денежными мастерами, услугами которых в Москве пользовались неоднократно в режиме откупов, отдаваемых частным лицам. Происходило это, как минимум, при Иване III Великом, т.е. как раз когда «копейный ездец» утвердился на монетах как довольно часто используемое изображение.

Можно предполагать, что определенное влияние на «иконографию» московского ездоца оказала генуэзская геральдика, в частности, вероятно, символика генуэзского банка св. Георгия, известная в Москве, например, по медным монетам Каффы (фолларо) середины XV века, а также по торговым связям с Генуей.

Это произошло ранее правления Ивана III. Вполне допустимо предположение Н.Д. Мец, согласно которому великий князь московский Юрий Дмитриевич, тезоименный св. Георгию, в 1434 году «...на своих монетах помещает изображение всадника с копьем, поражающего змея. Изображение всадника с копьем вытесняет изображение всадника с соколом в чекане великого княжества Московского и остается в нем также после возвращения Василия II в Москву. В дальнейшем ему суждено будет стать основным монетным типом Московского княжества и даже его гербом в образе “ездеца с копьем”» (Мец, 1974: 54).

Предположим, что именно Юрий Дмитриевич призвал генуэзских монетариев из Каффы. Это возможно. Более того, надо отметить, что качество и технология изготовления колониальных генуэзских аспров и фолларо вполне сравнимы с монетной чеканкой как в Крымском ханстве Гиреев, так и в Московском великом княжестве Калитичей. Принципиальной разницы в рабочих процессах нет, как нет ее и в эстетическом уровне продукции.

Правда, мы не знаем, когда именно появились итальянские денежные мастера на службе у великих князей московских: в XIV в.? В первой половине XV? Во второй половине? Любой из этих вариантов может быть правильным... Хотя, конечно, следует сделать оговорку, что тип «копейного ездоца» на московских монетах не станет преобладающим ни при Юрии, ни при Василии Темном; да и при Иване III он займет одно из видных мест в монетных эмиссиях великого князя далеко не сразу.

В.В. Зайцев оспаривает идею Н.Д. Мец, полагая, что сюжет со всадником-змееборцем мог появиться уже в чекане Василия I (1389–1425 гг.), но доказательства его спорны (Зайцев, 2004: 27–28). В частности, он опирается на чекан с «копейным ездоцем», который упоминался еще у И.И. Толстого, приписан великому князю московскому Василию Дмитриевичу А.В. Орешниковым и Г.А. Федоровым-Давыдовым: там круговая легенда вроде бы читается «КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИДМ» (Орешников, 1996: 91, № 472; Федоров-Давыдов, 1981: 29, № 81). Но, во-первых, такая монета известна всего в одном экз.; во-вторых, «ДМ» в конце круговой легенды читается неуверенно, это может быть и грубо вырезанное либо поврежденное «ЛИ»; в-третьих, нигде более

на монетах Василия I не видно странного сокращения имени великого князя «ВАСИ»; наконец, в-четвертых, монета аналогичного чекана явно дает в конце «ЛИ» (Федоров-Давыдов, 1981: 29, 209, № 83), а значит, это мог быть и чекан Василия II, что уже никак не противоречит теории Н.Д. Мец о распространении «копейного ездеца» лишь с 1430-х гг., со времен правления Юрия II и Василия II.

Все же довод о тезоименитстве правителя и святого как поводе для чеканки первых московских монет с «копейным ездецом» звучит веско.

Влияние денежных мастеров-итальянцев на весь строй московской монетной чеканки до настоящего времени является научной проблемой, не получившей сколько-нибудь полного раскрытия, а потому требует углубленного внимания. Интенсивные связи Московского великого княжества с Северной Италией, активизировавшиеся в середине XV столетия, ни для кого не секрет, как и работа в Москве множества итальянских мастеров самого разного профиля. Итальянцы («фряги») привлекались в Московской Руси, среди прочего, и к монетной чеканке. Конечно, это могли быть, в частности, мастера из генуэзских колоний Северного Причерноморья.

О службе «фряжских» монетариев великим князьям московским свидетельствуют, как минимум, два факта, известных из хорошо изученных источников. Это, во-первых, служба при дворе Ивана III «денежного мастера Ивана Фрязина» (Джан Баттиста дела Вольпе из Виченцы) (Федоров-Давыдов, 1985: 138–144); и, во-вторых, появление в Москве монет с надписью «Ornistoteles», ныне убедительно атрибутированных Аристотелю Фиораванти (Таценко, 2015: 158–164). Прочие предположения в этой сфере (что итальянцами были некий денежный мастер «Александр», «Заманин-Замантоний», а также автор надписи на монете «дозор») дискуссионны, однако пока не опровергнуты. В сущности, вопрос, на который пока нет ответа, состоит лишь в том, когда именно Москва впервые призвала к себе на службу первого итальянского монетария.

Хотелось бы в финале повторить: высказанные здесь мысли следует рассматривать лишь как предположение, не более того.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Орешников А.В. Русские монеты до 1547 года. М., 1996.
- Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник (Материалы к сводному каталогу). Ч. 3. М., 1974.
- Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое централизованное государство). М., 1981.
- Федоров-Давыдов Г.А. Монеты — свидетели прошлого. М., 1985.
- Зайцев В.В. Материалы по русской нумизматике XV века. Киев, 2004.
- Таценко С.Н. Кто такой Ornistoteles? // Русское денежное обращение в X–XVII вв. Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова / Редакционная коллегия: И.В. Волков, В.В. Зайцев, К.В. Орлов. М., 2015.
- Гарост С.А. Монеты России. 1462–1717. Каталог-справочник. Мн., 2012.

БАСНОСЛОВИЕ О ЗАГОВОРЕ МИЛОСЛАВСКОГО И СОФЬИ ВО ВРЕМЯ «ХОВАНЩИНЫ»

Выдающийся советский историк Виктор Иванович Буганов, тщательно исследовав источники о Московском восстании 1682 г. и опубликовав многие из них, показал, что это было народное движение с социально обусловленными требованиями. Объяснение событий восстания, раскрытых в его монографии (Буганов, 1969: 11–362), не требовало традиционных отсылок к коварным замыслам и деяниям придворных: боярина И.М. Милославского, царевны Софьи Алексеевны и князя И.А. Хованского. Тем не менее, рассказ о них в книге Буганова присутствует, вызывая у читателя сомнения: это было восстание «снизу», если московских стрельцов и выборных (т.е. гвардейских) солдат можно полагать «низами общества», или заговор «сверху», спровоцировавший что-то вроде «бунта янычар»? Или то и другое вместе, когда часть «верхов» пользуется взрывом народного гнева, направляя его на своих противников при Дворе?

Буганов объяснял свою позицию так. Восстание стрельцов, выборных солдат и вообще всех «служилых по прибору» в Москве и других городах в 1682 г. по своим причинам, хорошей самоорганизации, действиям и целям не нуждается в мотивировке участием придворных заговорщиков. Но о «кабинетных» замыслах разных лиц решить свои проблемы руками восставших рассказывают некоторые свидетели и современники событий, мнения которых прочно вошли в историографию. Просто отбросить их как недостоверные нельзя. Ведь мог же кто-то из рассказчиков о «придворном заговоре» знать что-то, что было неизвестно всем другим участникам, жертвам и свидетелям восстания!

Заинтригованный мыслью, что в исторической науке не всегда можно применить «бриту Оккама», исключив недостоверные сообщения и даже политически ангажированные лжесвидетельства из общей картины событий, в таких домыслах не нуждающейся, я обратился к изучению отраженных в источниках версий Московского восстания. Каждая из них менялась со временем, но по происхождению версий было три. Одна принадлежала участникам восстания и сочувствующим им. Она описывает причины, цели и ход народного восстания, агитационно, но близко к истине. Другая версия, о «заговоре Хованских», была создана борющимся с восстанием правительством (царевны Софьи, В.В. Голицына, Одоевских, Ф.Л. Шакловитого и др.). Она оказалась действенной, но не выдерживала критики без третьей версии, успешно запущенной противниками правительства Софьи из придворных кругов. С ней мы в этой статье и познакомимся, объяснив вначале название оперы М.П. Мусоргского.

Версия о заговоре князей Хованских была в сентябре 1682 г. сочинена и распространялась правительством с целью искоренения охватившего общество убеждения, что вооруженные граждане, стрельцы и солдаты, способны не только поднять восстание, но и победить, взяв власть и наведя порядок в столице, да еще и воздвигнуть своей победе памятник на Красной площади. Возложив вину на скоропалительно казненных князей Хованских, якобы устроивших бунт, чтобы сесть на царство, правительство Софьи снимало вину с восставших и открывало путь к примирению с ними путем компромисса. А по большому счету получало шанс побороть уже весьма популярную среди русских современников идею, будто народ сам может восстать за правду и спасти Российское царство от захвативших власть корыстных «изменников-бояр и думных людей». Постепенно версия восставших действительно была побеждена и вытеснена версией правительства (Богданов, 1984: 131–146).

Московское восстание стало «Хованщиной», хотя в реальный контекст событий 1682 г. версия правительства вписывалась с большим трудом. Даже лояльные к царевне Софье русские свидетели, вроде Сильвестра Медведева или Ивана Афанасьевича Желябужского, предпочитали описывать события так, как они реально происходили, а объявительную грамоту правительства с версией о Хованщине приводить по времени ее появления. Так же поступали знавшие Москву не понаслышке иностранцы. Русские ученые историки, вслед за первым среди них Медведевым, понимали, что версия «заговора Хованского» хромает, и пытались увязать ее с версией о заговоре Софьи и Милославского, будто бы инспирировавших восстание (Буганов, 1969: 139–143).

Именно эта версия, где первоначально в центре стоял коварнейший заговорщик боярин Иван Михайлович Милославский (к которому затем была присоединена Софья, потому что боярин в результате своих якобы бывших интриг ничего не получил, а царевна стяжала власть), произвела наибольшее впечатление на иностранцев, а затем и на русских историков. Она подробно изложена в двух сочинениях, связанных с видным деятелем петровской эпохи графом Андреем Артамоновичем Матвеевым, сыном казненного восставшими экс канцлера А.С. Матвеева.

Первое из них — «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», в которой нас интересует «Объявление о возвращении из заточения ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева и о кончине его» (История, 1785: 367–427) — раскрывает множество тайн московского двора 1670 — начала 80-х гг. Это почти знакомые современному читателю политические мемуары. В их центре — судьба канцлера, правившего в России в последние годы царствования Алексей Михайловича, сосланного при его сыне Федоре, но затем прощенного и возглавившего правительство весной 1682 г., когда после смерти царя-реформатора бояре во главе с патриархом Иоакимом посадили на царство ребенка Петра, обойдя его совершеннолетнего брата Ивана. Едва взявшись подавить вспыхнувшее в Москве восстание ненавистных автору стрельцов, боярин был ими убит.

Автор «Истории», предположительно, учитель А.А. Матвеева, православный шляхтич Иван Лаврентьевич Поборский, отправившийся ссылкой вместе с семьей опального канцлера (Байдин, 2019), сделал повествование захватывающим не только за счет личных впечатлений (такого было много и в летописании XVII в.), но смело раскрывая «корни и нити» скрытых ото всех политических интриг. Последнее было модным в сочинениях западных европейцев о России, в частности потому, что усомниться в достоверности рассказов читатели не могли в силу недостатка информации. Впрочем, соответствие описанных интриг и действующих лиц исторической реальности мало кого волновало. Важнее было ощущение внутренней связи событий, которое в меру своего таланта давал каждый автор. «История» формировала впечатление, что объясняет ход истории России с конца царствования Алексея Михайловича до Московского восстания 1682 г. деятельностью и интригами узкого круга придворных, противников и сторонников опального канцлера.

Сама «История», рассчитанная на русского читателя, была написана свидетелем событий и с использованием письменных источников. Н.И. Новиков утверждал, что в заглавии лучшего списка «Истории», который он публикует, говорилось, будто включенные в текст челобитные опального канцлера «писаны собственною рукою сына его Андрея Артамоновича» (История, 1785: XV). Нельзя совершенно исключить, что и вся «История», завершенная не ранее кончины графа в 1728 г., принадлежит его перу (Самарин, 1998).

Этим участие графа в оправдании отца и защите чести семьи не ограничилось. Видимо, после 1716 г. (Погодин, 1875: 7), граф Андрей Матвеев составил похожие по тональности и позициям (но отличающиеся в некоторых деталях) «Записки» о полити-

ческой борьбе 1680–1690-х гг., связывающие стрелецкие «бунты» 1682 и 1698 гг. одной цепью тайных придворных интриг боярина И.М. Милославского и, в более мягкой форме, его родственницы царевны Софьи Алексеевны (Записки, 1841: 1–94).

По форме «Записки» Матвеева близки к летописным повестям о Московских восстаниях конца XVII в. едва ли не в большей мере, чем «Объявление» в «Истории о невинном заточении». Стойкость этой русской литературной традиции тем более показательна, что оба сочинения были написаны учеником и учителем польского языка и латыни, на которых 13–14-летний Андрей Матвеев читал и писал еще в ссылке с отцом (Байдин, 2019: 206), знатоками западной книжности. Впоследствии (около 1705), но задолго до написания Записок, Андрей Артамонович освоил и французский. Уже в библиотеке его отца было 77 книг на иностранных языках (Опись, 1900: 7–31; Романова, 2005), а в его личном собрании — 724 книги (Библиотека, 1985: 14–16).

Автор «Истории» был в Великом посольстве (1698–1699). Его ученик знакомился со способами описания политических событий с 1699 г. во время службы в Нидерландах, Священной Римской империи германской нации и Франции. При этом даже «Дневник неофициальной миссии ко французскому двору» (Русский дипломат, 1972), составленный Матвеевым по итогам его визита в Париж в 1705–1706 гг., не имеет почти ничего общего с западными дневниками и мемуарами (Алпатов, 1976: 205–212). Это и не вполне статейный список (посольский отчет), с формой которого автор был отлично знаком. Описание Матвеевым Франции с ее государственным устройством, экономикой, вооруженными силами, политикой, жизнью королевского двора, в том числе интимной, культурой, архитектурой, достопримечательностями и произведениями искусства отличается по форме и от традиционных русских «хожений», включая профессиональные путевые записки дипломатов.

«Дневник» больше всего напоминает западные описания варварских государств, вроде популярной и в России книги белорусско-польского историка Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого и жительство его в Константинограде», изданной в Кракове в 1646 г. и выдержавшей в России XVII в. восемь переводов (Чистякова, 1963: 351–352), из которых лучший, сделанный А.И. Лызловым, вошел в его популярную «Скифскую историю» (Лызлов, 1990: 279–342, 444–445). Ирония русского дипломата, вернувшего западным коллегам их форму описания «чужих» стран, показывает нам, что Матвеев, как и его белорусско-польский учитель, составивший «Историю о невинном заточении», понимали своеобразие взглядов иноземных авторов на Россию.

В обоих произведениях, излагающих матвеевскую версию событий XVII в., с удовлетворением отмечается, что о Московском восстании 1682 г. пишут иностранцы. Матвеев во вступлении к «Запискам» констатирует, что правда о «трагедии», связанной с гибелью его отца, «на иностранных языках при цесарском и при королевских европейских дворах подробно печатными книгами изображенная гласится» (Записки, 1841: 2). В «Истории» сказано, что «не токмо на российском, но и на других уже иностранных языках истории не токмо письменныя, но и печатныя с довольным изъяснением о кровавом и ужасном том бунте от разных авторов и описателей достоверных обстоятельно собранныя, не в одном Российском государстве, но и по всему уже вселенные умному свету сказуют» (История, 1785: 425).

Удовлетворение авторов не случайно, ведь речь идет о распространении за границей именно матвеевской версии событий, как наиболее удовлетворяющей потребности западных читателей и отвечающей их взглядам на варварскую Россию. Русские авторы еще долго так писать о событиях в своей стране не могли. При этом в форме, а при внимательном взгляде и в содержании «Записок» и «Истории», много осталось от традиционных русских повременных записей: летописных, хронографических, личных. Оба автора, или, по достаточно популярной в науке версии, один, не могли обойти об-

шеизвестный современникам факт, что «бунты» служивых по прибору возникли как самостоятельные движения «снизу», имевшие практические причины. Адепты опального канцлера Матвеева могли лишь подробно выдумывать участие, которое принял в направлении этих движений ненавистный им и царю Петру Алексеевичу боярин И.М. Милославский, и, намного осторожнее, приплетать к сговору с восставшими старшую сестру Петра, царевну Софью. То и другое было ложью, вызванной ненавистью к якобы властолюбивому Милославскому, которого они обвиняли в ссылке и гибели А.С. Матвеева (боярин в восстании 1682 г. не участвовал и ничего в итоге не получил), и любовью к царевне, которая смогла народное восстание утишить и стяжала временную (1682–1689) власть, оттеснив от нее сторонников Петра, среди которых первым был убитый восставшими канцлер Матвеев.

Но именно эти, приложенные к реальным фактам, измышления, предварительно разогнанные в «Записках» и «Истории» более реалистичным описанием борьбы кланов за место у трона юного царя Федора Алексеевича, и были особенно интересны иностранцам как захватывающее погружение в тайны московского двора. Приводимые русскими авторами (или автором) фактические сведения, мешающие использовать главный сюжет борьбы за власть «в верхах», и даже, по логике, противоречащие ему, западному человеку было легко отбросить. Это восприятие рассказов 16-летнего Андрея Матвеева и его учителя, говоривших на польском и латинском языках, и отразилось в сочинениях иноземцев, независимо от того, накладывали ли их русские собеседники политические инвективы на реальные факты, как сделали впоследствии в своих текстах, или нет.

Самым ранним отражением матвеевской версии стало «Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы ... к нунцию апостольскому при ... короле польском», датируемое по получению в Варшаве 11 октября 1682 г. Оттуда оно было по тайному каналу переслано в Рим, где и сохранилось в папском архиве, пока не было в XIX в. издано (Narratio, 1829) и переведено на русский (Повествование, 1835). Автор послания, по-видимому, учитель в знатной семье (Богданов, 1993: 81), начал записывать события в конце мая, вскоре после взрыва Московского восстания, а затем дополнял рассказ с 29 августа 1682 г., когда царская семья отбыла из Москвы в Коломенское, до 2 сентября, когда царевне Софье удалось увести царей из под носа восставших в дворцовые села (затем в Троице-Сергиев монастырь). Этот учитель не мог быть убежденным православным И.Л. Понтокорским, не только потому, что автор «Повествования» — католический агент.

Передавая в целом матвеевскую версию событий, он украсил ее такими пышными цветами собственной фантазии, на которую ни учитель А.А. Матвеева, ни он сам не смогли бы решиться даже в частной беседе. В «Повествовании» боярин Матвеев вернулся в столицу до смерти Федора, т.е. до 27 апреля, а не 10 мая, по Запискам Матвеева, или 12 мая, по «Истории» и указу о возвращении Матвееву чинов и имущества (Богданов, 1969: 130). Затем он лично, с помощью царицы Наталии Кирилловны и боярина Ю.А. Долгорукова, организовал переворот в пользу юного Петра. Царевна Софья в «Повествовании» обвиняет Матвеева в том, что он отравил царей Алексея и Федора. Она лично призывает стрельцов на помощь. Но виновником истребления бояр оказывается ... виднейший боярин Одоевский, который дает пощечину Нарышкину, одному из родственников Петра, после чего и «закипел бунт». Агент Ватикана не знал, что Софья в итоге возьмет власть, и справедливо указал то, что ему было виднее: «князь Василий Васильевич (Голицын) правит всеми государственными делами» (Богданов, 1989), вместе со старшим Одовским, замечу в скобках (Богданов, Возгрин, 1986: 81–82, 86), «Хованский избран главою бунтовщиков», но вряд ли удержит их в повиновении, а целью

восставших является допуск «простого народа» в Совет, т.е. в Боярскую думу, как на самом деле и было.

Главное же, что не Софья или Милославский выступают в «Повествовании» получателями выгоды от бунта, в котором стрельцы, в отличие от «Записок» Матвеева и «Истории», вообще не являются самостоятельной силой. Зная, что больше всего порадуется папского нунция в Варшаве архиепископа Франциска Мартелли, его агент смачно описывает «страшный суд» над московскими властями, отчаянное бегство бояр, распространение бунта на Смоленск, грабежи башкир и калмык под Казанью, словом, разорение ненавистного Российского государства.

Видимо, папский агент был не одинок в оптимистичных для поляков сообщениях. По крайней мере, польский король в разгар Московского восстания, в июле 1682 г. направил своего секретного агента для организации мятежа смоленской шляхты и нападения польских войск на охваченную бунтом Россию (Богданов, 1989: 199). Пример Смуты был не так уж далек, а претензии Польши неизменны. Им отвечало новое произведение, также отразившее версию московских событий, исходившую из круга юного А.А. Матвеева.

«Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 г. и избрания двух царей Ивана и Петра» был написан «в нынешнем 1683 году». Он лишь в начале XX в. был издан по польскому рукописному оригиналу (Василенко, 1901), хотя использовался как источник еще М.П. Погодиным. Польский аноним использовал рассказы А.А. Матвеева и указал на свою близость к нему известием об обучении сына опального канцлера в ссылке и упованием, что после «успокоения» бунта этот образованный юноша станет «обучать Петра», к которому уже сейчас инкогнито является во дворец.

Нет ничего странного в том, что в дом Матвеевых тянуло иностранцев, особенно любезных боярину Артамену Сергеевичу поляков. Ведь для их спасения от турецкого нашествия канцлер, даже не заключив с королем и Речью Посполитой союзный договор, втянул Россию в тяжелейшую войну с Османской империей (1672–1681), из которой Польша вскоре выскочила, заключив с турками союз против России. Возвращение боярина из ссылки 10–12 мая и восстановление его в качестве главы правительства до казни восставшими 15 мая 1682 г., позволило иностранным агентам в Москве несколько дней лелеять надежду на возвращение России к политике «христианского единства», которая уже один раз дала западным странам возможность сравить русских с турками — и обмануть, обещая военные союзы, но не вступая в войну (Богданов, 2018: 146–155). Османы, как чуть позже прекрасно покажет в «Скифской истории» Лызлов (Богданов, 2003), старательно избегали войны на два фронта, а значит, Западу удалось бы снова избежать их нашествия.

После гибели боярина эти надежды далеко не сразу не увяли, ведь на престоле остался Петр Алексеевич, в котором все иностранцы видели креатуру Матвеева, пребывая в уверенности, что канцлеру не удалось посадить мальчика на престол вместо совершеннолетнего Федора в 1676 г., зато он взял реванш, обойдя совершеннолетнего же Ивана 27 апреля 1682 г. (когда Артамона Сергеевича еще не было в Москве). Уже это показывает наивность ряда иностранцев, не понимавших, например, что Петра мгновенно, «того ж часа» после смерти Федора (Богданов, 1981) короновал открытый противник царя-реформатора, патриарх Иоаким (Богданов, 2015: 273–308).

Разумеется, слухи о наличии при московском дворе партии упомянутых в «Записках» и «Истории» сторонников возвращения к власти Матвеева, которые не были в восторге от реформ царя Федора, не были тайной для иностранцев. Постоянный резидент Нидерландов в Москве барон Иоганн Вильгельм фан Келлер (1676–1696) предсказал возведение на престол Петра за девять с половиной месяцев до смерти Федора Алексеевича. Однако, будучи непосредственным свидетелем восстания в Москве, пер-

вое донесение о котором отправил уже 23 мая 1682 г., никаких интриг знати с восставшими, столь занимавших Матвеева с его учителем и поляков, он не обнаружил. Напротив, резидент в разгар событий 1682 г. докладывал своему правительству, что угроза восстания толкала верхи к консолидации еще до взятия стрельцами и солдатами Кремля 15–17 мая, описывал самоорганизацию восставших и постепенно охватывавшую знать панику (Белов, 1964).

Служивший в Москве с 1679 до 1698 г. датский представитель Генрих Бутенант — с 1688 г. фон Розенбуш (Hughes, 1988: 71, note 26), по-русски Андрей Иванович — на пике восстания оказался в Кремле. В донесениях от 17 и 19 мая, вошедших в его «Правдивое известие»¹, а также в письмах от 2 и 30 мая из Москвы и 23 августа 1682 г. из Архангельска (Лавров, 2000), он четко описал события в Москве, не найдя в самостоятельно организованных действиях восставших следов придворной интриги. В знании московской обстановки, между тем, Бутенанту можно доверять. Он с детства жил в России (с 1630-х), стал здесь крупнейшим промышленником, был лично знаком с представителями всех слоев общества, всеми видными политическими деятелями и администраторами со времен Алексея Михайловича до Петра I.

Не обрел следов придворных интриг и дипломатический начальник Розенбуша, датский посол Гильдебрандт фон Горн, в предыдущих миссиях изучивший русский язык и заслуживший симпатию царя Федора Алексеевича. Он приехал к сбору дворянского ополчения в Троице-Сергиевом монастыре в сентябре 1682 г., предложил царям Ивану и Петру свою шпагу против восставших и завоевал доверие правительства Софьи, Голицына и Одоевских. Общаясь с высшими придворными и приказными, обладая вдобавок информацией резидента, Горн достоверно описал начало восстания до смерти царя Федора и подчеркнул единодушие бояр, которые «не медля выбрали царем младшего принца, Петра Алексеевича», когда царь Федор «стоял на пороге смерти». Это объясняет, почему родичи и сторонники Ивана Алексеевича пропустили момент государственного переворота, находясь у постели умирающего. Лишь возвращение из ссылки и захват власти А.С. Матвеевым и Нарышкиными раскололи Боярскую думу к моменту штурма восставшими Кремля 15 мая. Виднейшим из оскорбленных был боярин В.Ф. Одоевский, но Горн с сожалением отмечает, что нет оснований судить, будто именно он захотел взять «реванш».

Зная, какие сюжеты интересуют датского короля Кристиана V, его великий и полномочный посол упорно искал за описанными им самостоятельными действиями восставших какие-то тайные интриги, собрал немало фантастических слухов, но все их признал сомнительными и недостойными изложения в посланиях королю от 23 октября и 28 ноября 1682 г. (Богданов, Возгрин, 1986).

В первом Горн с сомнением пишет о планах И.А. Хованского захватить с помощью стрельцов власть, излагая версию правительства после казни боярина 17 сентября. Она противопоставлена стремлениям стрельцов закрепить победу восстания, повысив свой статус до звания «надворной пехоты», поставив памятник победе восстания (о памятнике — Богданов, 2005: 145–173) и т. п. Задачей правительства было ложным обвинением Хованского перебить версию восставших о высшей справедливости их поступков с «изменниками-боярами и думными людьми» (Богданов, 1984), заменив ее версией о боярском заговоре. Горн эти мотивы понимал, но всерьез принять объяснение восстания «интригами» Хованского не мог.

Во втором послании королю, после «утишения» восстания в Москве, посол констатировал умножение разногласий между царевной Софьей, стоящей за спиной царя Ивана, которого поддерживала часть знати и «большая часть плебса», и царицей Ната-

---

¹ Издано по списку с оригинала в Копенгагенском архиве (Устрялов, 1858: Приложение VI, с. 330–346) и переведено с этого издания на русский (Погодин, 1875: 38–56).

лией Кирилловной, матери Петра, за коего было большинство бояр и молодых дворян. Это подкрепляло предыдущий рассказ о желании большинства Боярской думы отказаться от реформ царя Федора, чтобы, как верно поняли восставшие, бесконтрольно править при юном Петре. Властолюбие Матвеева и Нарышкиных в начале мая 1682 г. сломало это общее согласие большинства знати, но теперь оно восстанавливалось.

Обзор серьезных политических сообщений иностранных наблюдателей Московского восстания следует завершить донесением шведского резидента Кристофора Коха. Его краткие и точные доклады были известны по публикации текстов 1687–1688 гг., написанных в Москве (Висковатов, 1878). Недавно изданное донесение Коха из Нарвы в Стокгольм королевскому секретарю Йохану Бергенхельму от 10 июня 1682 г. показало, что, даже будучи удаленным из русской столицы правительством царя Федора, засев в Нарве с 1680 г. до возвращения в Москву в 1683 г., швед не потерял связей со своей агентурой. Донесение Коха включает 3 письма его вдумчивого информатора из Новгорода от 2 и 3 июня, с указанием источников сведений (Казаков, 2018).

Опытнейший Кох, работавший в Москве с 1655 г. и собиравший информацию для шведских властей с 1670 г., был в курсе борьбы А.С. Матвеева и его противников за власть, причем пристально следил за судьбой его сына Андрея (Казаков, 2018: 96, 98, 100). уделял внимание и его сыну Андрею. Тем не менее, Кох и его информаторы не сделали даже намеков на причастность каких-либо придворных к восстанию. Справедливо сулили они и о князе Хованском, который «не только пользуется большим уважением среди стрельцов, но даже сумел удержать их от ещё больших бед»; он «многое сделал для того, чтобы всё успокоилось» (Казаков, 2018: 97, 98).

В донесении Коха подчеркнута отличная самоорганизация восставших и отрицаются все версии участия придворных в «разжигании бунта», от обвинений Софьи против Хованского до обвинений круга Матвеевых против Милославского и Софьи. Шведские информаторы рассказывали, в каком прекрасном порядке «15 мая эти стрельцы и солдаты прошли строем с развернутыми знамёнами, заряженными ружьями и несколькими пушками через Москву и расположились в замке, но прежде заняли при помощи своих сообщников весь город». В письмах подчеркнута склонность восставших к дисциплине и общественному порядку. «Стрельцы расправились с теми своими товарищами, которые хотели было заняться грабежом, ведь они накрепко постановили между собой не причинять вреда никому иному, кроме тех, кого они специально оговорили». «Все средства, что были найдены у убитых бояр и приказных служащих, стрельцы снесли в казну его царского величества и ничего не взяли себе». «Всё, что стрельцы конфисковали у убитых, было снесено в царскую казну, и ничего не было украдено». Наконец, «стрельцы расправились с временщиками и посульниками, иначе взяточниками ... Весьма примечательно, что стрельцы не разграбили при этом в городе ни одного дома, и даже несколько дней загодя предупредили всех, чтобы люди оставались по домам и ничего не боялись, ведь гнев стрельцов направлен не на них. Стрельцы также постановили между собой, ничего из конфискованного у убитых не утаивать, но все сносить в замок» (Казаков, 2018: 97–100).

На фоне выверенных донесений голландца, двух датчан и шведа с его агентами, написанный в следующем, 1683 г. «Дневник зверского избиения московских бояр» анонимного поляка выглядит злобным политическим памфлетом против правительства Софьи. Действительно, оно было виновно тем, что смогло мирно утишить восстание в Москве и сорвало реваншистские планы соседей по аннексии Смоленских земель, захватив секретного агента короля и его бумаги, оказавшиеся в Посольском приказе (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 5. Св. 1682 г. № 8, 18). Шпион короля, которому не повезло, должен был работать, в т.ч. в Москве, со смоленской шляхтой, к которой относился Поборский. Уместной выглядит в «Дневнике» и ссылка на Андрея Матвеева, относив-

шегося к той дворянской молодежи, в которой Горн видел активных сторонников Петра, а значит, противников правительства, выводящего Россию из кризиса, и возможных адептов пропольской политики покойного Матвеева. Кроме устной матвеевской версии событий, отраженной позже в Записках и «Истории», влияние на автора памфлета оказало «Повествование о московских происшествиях» агента католической реакции. Вместе с литературным талантом автора «Дневника» это сочетание вылилось в текст большой обличительной силы.

Памфлетист добавил красочные детали к рассказу «Повествования» о попытке канцлера Матвеева «избрать» на царство Петра сразу после смерти Алексея Михайловича, о болезни царя Федора и ссылке канцлера. В рассказе о реформах Федора Алексеевича, не одобренных «приверженцами Артемона», он становится на сторону царя-преобразователя, которого позже будут хвалить и Записки Матвеева, и «История» его учителя. Когда боярин Матвеев возвращается из ссылки, по ходатайству второй жены царя Федора (как в Записках и «Истории», но не 10–12 мая, а 2 июня 1682 г.), он «приезжает в столицу и, согласно прежнему своему замыслу, провозглашает царем Петра». Это выглядит нелепым не только по времени, но и по логике власти: кто такой ссыльный парвеню Матвеев рядом с патриархом, Освященным собором и Боярской думой, посадившими на трон Петра 27 апреля? Но так, по логике автора памфлета и его читателей, все и должно было происходить в «варварской Московии», далекой от политической культуры цивилизованных стран.

Точность рассказа в таком вступлении «Дневника» абсолютно не важна, потому что главное изложено дальше. На похоронах Федора Алексеевича царевна Софья, лично выступая перед народом, разжигает бунт черни, кричит об отравлении одного ее брата и незаконном лишении престола второго, даже о своем желании покинуть Россию и отбыть за границу «к христианским царям». Когда эти призывы пропадают втуне, Софья через две недели (как в Записках Матвеева) составляет заговор с Милославским и Хованским для возведения на престол Ивана Алексеевича. Хованский подготавливает бунт стрельцов, а Софья в нужный момент распускает слух, что Иван Нарышкин убил царевича Ивана. Руководимые Хованским стрельцы бросаются в Кремль и убивают всех, кто мог помешать замыслам заговорщиков.

Яркое описание «зверского избиения московских бояр», многие из которых успешно сражались против поляков, доставило автору памфлета явное удовольствие. Но главное, что именно эти реки крови позволили Софье и Хованскому с помощью стрельцов «провозгласить царем Иоанна». Читателю понятно, что царство Ивана и правление царевны нелегитимны. Усугубляя это впечатление, памфлетист по грамоте правительства описывает заговор Хованского, пожелавшего «сделаться царем», и уничтоженного Софьей, таким образом, прибравшей к рукам всю власть. Но этого мало. Учитывая, что московские власти мирно утишили восстание, поскольку Софья и Иван «были весьма благосклонны к стрельцам», памфлетист не прочь запустить слух, что полторы тысячи стрельцов, разосланных по городам, были казнены.

Этой неправдой кончается текст, который в 1683 г. выражал лишь бессильную ярость поляков, вынужденных вступить в тяжелую войну против Османской империи (из которой царь Федор вывел Россию в 1681 г.), в то время как проклятая Москва не погибла в огне новой смуты. Сочинение оказалось востребованным только в 1686 г., когда поляки, потерпев ряд поражений на юге, принуждены были вести в Москве переговоры о Вечном мире. Их отказ от территориальных претензий к России был условием, которое правительство Софьи поставило на переговорах о вступлении России в Священную лигу Священной Римской империи германской нации, Польши и Венеции против Турции и ее вассала Крыма. Поляки, не смотря на давление союзников и победы турок и татар, стояли за «возвращение» себе русских земель насмерть. Ян III Собес-

ский рыдал, ратифицируя все же подписанный в Москве Вечный мир. А пока этого не произошло, «Дневник зверского избиения» был опубликован на немецком языке, чтобы показать союзникам Польши, на союзе с какими монстрами они настаивают (Kurtze und gründliche Relation, 1686).

Издание сочинения на немецком, без указания его происхождения, было со стороны поляков разумным шагом. Это обеспечивало воздействие текста на общественное мнение в Священной Римской империи и Северной Италии, и в то же время скрывало, что Польша ведет пропаганду против чаемого союзника по Священной лиге. А сам памфлет намного больше отвечал потребностям западного читателя, чем «Правдивое известие» ответственного автора, Генриха Бутенанта, напечатанное, как увидим, в 1682 и 1691 гг.

«Дневник» на немецком языке уже через год был использован автором «Краткого и новейшего, из лучших описателей в место снесенного и до нынешних времен продолженного, московских времен и земель, гражданских чинов и церковного описания» (Нюрнберг, магазин И. Гофмана. 1687). Изданное по случаю вступления России в Священную лигу «Краткое описание» было переведено на русский и около 1692 г. записано основным почерком в сборнике патриаршего скриптория, состоящем из особой редакции Хронографа Дорофея Манемвасийского с дополнениями (БАН. 17.4.15. Л. 170–208. Указания на время работы над кодексом см. на л. 57, 76).

Сборник этот был не прост. Помимо перевода «Краткого описания», он включил (правда уже в 1720-е гг.) отрывок из «Истории о великом князя Московском» А.М. Курбского, которая была возвращена в Россию в 1680-х усилиями боярина князя В.В. Голицына вместе с иными произведениями князя-изгнанника. По словам К.Ю. Иерусалимского, изучившего рукописную традицию пущенного Голицыным в оборот сборника Курбского, кодекс БАН 17.4.15 «имел общеисторическую направленность, служил своеобразным пособием и содержал критические выпады в адрес России и ее жителей. Не случайно в нем соседство приплетенного отрывка из Истории (Курбского. — А.Б.). Высказывания А.М. Курбского в адрес царя Ивана сопоставимы с высказанными автором компиляции жесткими обвинениями того же монарха в тирании, превзошедшими дела «Нероновы и Калигулины» (Ерусалимский, 2009: 146; БАН. 17.4.15. Л. 10).

Согласно русскому переводу, автор нюрнбергского «Краткого описания» занимал двойственную позицию. С одной стороны, он горячо приветствовал подписание Вечного мира России и Польши, воздавая хвалу царевне Софье, которая участвовала в переговорах как соправительница двух царей и способствовала их завершению. С другой стороны, как человек Запада, он отдавал должное лубочным байкам о политической жизни России. Так, царь Федор якобы оставил престол своему брату Ивану, и только происками «жены великого разума», царицы Натальи Кирилловны (матери Петра), бояре, «болшаго брата Иоанна Алексеевича обшед, и на меншаго Петра Алексеевича, зело юна суца, венец возложили»; и между тем ему дядю его Нарышкина в опекуны поставить помыслиша».

Сразу после похорон царя Федора царевна Софья «для отмщения брата своего» использовала слух об отравлении государя. Она велела возвестить стрельцам, получившим традиционную чарку водки, «что совершенные для них неприятели бояре, так же, как брата ее отравили, так и их всех отравую извести хотят»! По приказу царевны водка в самом деле была отравлена, и один стрелец, испив ее, сразу умер. Так Софья лично, без Милославского или Хованского, спровоцировала бунт стрельцов, «к которым еще великое множество граждан пристало, и всех их с 60000 человек собралось». Бунтовщики истребили «изменников и убийцов царя»: бояр, приказных и лекарей, разграбили дворец и «домы великих господ», но сдали награбленное в казну. Они потребовали и получили 50 тысяч червонных жалования, которое собирали с городов, мона-

стырей и от продажи с торгов имущества казненных. Они возвели на Красной площади памятник своей победе и хотели «при том новизну в делах о вере введенную отставить» (речь идет о подавленном Софьей бунте староверов).

Бунт завершился венчанием на царство двух царей. «И тогда принуждены некоторые из начинателей бунту того, а особо воевода Хованской с двумя сыновьями своими главы потерять, и поставленной безчестной столп опровержен бысть» (БАН. 17.4.15. Л. 207 об.). Казнь Хованских в подбор с ниспровержением памятника на Красной площади была описана осенью 1682 г. в государевой объявительной грамоте, списывавшей все восстание на выдуманную «измену Хованских», которую привел привел Сильвестр Медведев (Богданов, 1990: 129–134). О рассылке таких грамот очень заботились (Буганов, 1969: 312). Сломан памятник был 2 ноября, накануне возвращения царского двора в столицу, как указали историограф Софьи Сильвестр Медведев (Богданов, 1990: 174) и патриарший летописец Исидор Сназин (ПСРЛ, 1968: 179).

Эта версия «Краткого описания», обнаруженная мною в русском переводе XVII в. (немецкий оригинал не найден), была и ранее знакома многим исследователям, потому что она почти буквально процитирована в «Дневнике путешествия в Московию (1698 и 1899 гг.)» секретаря немецкого посольства Иоанна Георга Корба. Изданный в Вене в 1700 г. (*Diarium itineris in Moscoviam*), дневник этот вызвал немалый скандал. «Такова поганца и ругателя на Московское государство не бывало; с приезде его сюда, нас учинили барбарами и не ставят ни во что», — написал русский посол в Вене главе Польского приказа в 1701 г. Петровские дипломаты добились запрещения книги и уничтожения нераспроданной части тиража. Латинский оригинал стал библиографической редкостью, после чего был неоднократно переведен на русский, а также французский, английский и немецкий языки (Корб, 1906).

Но на самом деле не Корб «учинил» русских «варварами». Многие иностранцы в вольном описании московских политических событий следовали этой западной традиции. Во время поездки Корба в Россию в Париже вышли «Любопытные и новые известия о Московии 1689 г.» безудержного хвастуна и фантазера, французского авантюриста Фуа де ла Нёвилля. Пока парижское издание 1698 г. допечатывалось в 1699 г., книга была переведена в Лондоне (1699) и переиздана на французском в Гааге. Не остановившись на этом, голландцы в 1699 г. издали свой перевод; в 1707 г. эта книга была перепечатана в Утрехте (Богданов, 2008: 82).

«Любопытные и новые известия», сохранившиеся, помимо изданий, в нескольких рукописях (Лавров, 1990), были необычайно популярны России в XIX в. и остаются такими до сих пор. Только в конце XX в. они были переизданы четырежды: Ю.А. Лимоновым (Невилль, 1988), Линдси Хьюз (*Foy de la Neuville*, 1994), А.С. Лавровым (Невилль, 1996) и мной (Богданов, 2008: 72–242). Их автор, хотя и не был французским дворянином и посланником короля Людовика XIV, как он представлялся, все же побывал в Москве в год свержения правительства Софьи и Голицына (1689) и закончил свою книгу до 1686 г.

Невилль, добавляя от широты авантюрной души живые детали, описал московские события 1682 г. словами А.А. Матвеева. В тексте это «приятель мой Артемонович», с которым француз пил и пировал как в присутствии, так и в отсутствии идеолога партии «петровцев» Б.А. Голицына, выслушивая при этом яркие рассказы об истории жизни сына канцлера (Богданов, 2008: 120–130, 132–134). Вслед за рассказом о пирах и превосходных качествах «молодого» 22-летнего «Артемоновича», Невилль описал события 1682 г., насколько он их понял со слов опытного в общении с иностранцами Матвеева.

Схема событий, для лучшего понимания французом под водку, была упрощена. После смерти царя Федора «царевич Петр, хотя младший и от другой матери, сначала

наследовал ему, ибо старший брат был неспособен к правлению. Но вскоре затем Иоанн был также избран, объявлен и коронован в цари происками сестры своей Софии, хотя он страдал падучей болезнью и подвергался ей ежемесячно, как и брат его Феодор, от нее даже и умерший»¹. Царевна, желая стать «самовластной правительницей великого государства», с помощью Хованского «стала возбуждать стрельцов, — род милиции, подобной турецким янычарам».

Уподобление стрельцов янычарам было позже подхвачено русскими историками, не понимавшими, что его смысл состоит в уподоблении России Турции: общему врагу «цивилизованного» Запада. В ситуации, когда Россия сражалась против турок в Священной лиге с Империей, Венецией и Польшей, такое мог сделать только француз, враг Империи, или поляк, враждебный России даже в союзе с ней. Француз Невилль выдал себя за дворянина в Польше, где провел несколько лет и откуда прибыл в Россию, удачно попав в компанию Матвеева, комнатного стольника и организатора застолья Петра, вместе с более опытным пьяницей Б.А. Голицыным. Ненависть к стрельцам, составлявшим, вместе с выборными солдатами, ударную силу русской регулярной армии (Богданов, 2018: 205–226), была присуща им обоим.

Итак, стрельцы-янычары «под предлогом мщения за смерть Феодора, который был будто бы отравлен», устроили в Москве резню знати. Тут Невилль отступает от продиктованной ему канвы, заявляя, «что если бы Софья, видя бунтовщиков, зашедших слишком далеко, не вышла к ним из царских палат, то они продолжали бы резню виновных и невинных, присваивая себе их имущество». Только после этого, путает автор события, Петр был коронован царем. Софья выступала за Ивана, но «бояре и патриарх представляли ей неспособность Иоанна, принца больного, слепого и наполовину парализованного». Эта характеристика, не подтверждающаяся материалами Аптекарского приказа о здоровье Ивана, также стала хрестоматийной в русской историографии.

Тем временем Хованский вновь возмутил стрельцов, заставив короновать Ивана и провозгласить его первым царем. «Так как оба царя были несовершеннолетние², Софья захватила правление в свои руки». «Но тогда снова возник заговор среди милиции, составленной частью из стрельцов, частью из граждан этого города». Царевна, «получив известие о начале нового бунта», вывезла царей из Москвы в Троицкий монастырь. На деле это произошло в условиях мира в столице, в сентябре. Но Невилль описывает здесь события восстания 15–17 мая 1682 г., будто бы устроенного Хованским. Тот, лукаво поощряемый царевной, вознамерился сам захватить власть при малолетстве Петра и «неспособности» Ивана, который «подвержен той же болезни, какую страдал брат его Феодор, и, следовательно, нельзя было надеяться видеть в нем государя достойного и умеющего награждать заслуги».

Как видим, прозорливый Невилль упорно закладывал фундамент будущего возвеличивания Петра I путем зачеркивания его предшественника, царя Федора, как «больного». Учитель Матвеева позже, в «Истории о невинном заточении», будет представлять царя Федора как милосердного и правосудного государя, который не мог управлять без временщиков из-за несовершеннолетних лет и «естественной скорби». А большинство последующих русских авторов XVIII в. попросту выбросит деяния Федора из истории (Богданов, 2018: 397–398). На Западе эту тенденцию доведет до логического завершения Вольтер, для которого царь Федор — жалкий больной (Histoire, 1999: 523–527), а Петр I — «творец» новой России: до него не было ничего хорошего в варварской Московии (Мезин, 2003: гл. III). Конечно, для истинного сына Франции и Петр «был варвар. Но ... это варвар, который сотворил людей, это варвар, который покинул

---

¹ Царь Федор страдал сезонными приступами цинги (Богданов, 2018: 45–46), но эпилепсия выглядела лучше, чтобы перечеркнуть его царство «неспособностью к правлению», перенесенной и на Ивана.

² На самом деле несовершеннолетним был только Петр.

свою империю, чтобы учиться царствовать, это варвар, который поборол свое воспитание и свою натуру... Он даже хотел ввести общество среди людей, не знавших общественных отношений ... учредил искусства» (Voltaire, 1977: № 913).

Идею отсутствия русской цивилизации до Преобразователя, скопировавшего ее у Запада, насколько это было доступно варвару, не понимая ее глубокого смысла, переняли русские историки петербургской школы. Хотя не сразу и не все. Русский корреспондент Вольтера Г.Ф. Миллер, например, не был склонен поверить Невиллю, что царь Федор был настолько болен, что не сделал ничего, хотя академик имел и гаагское, и английское издания «Любопытных и новых известий» 1699 г., в то время как Вольтер — только гаагское издание на французском (Богданов, 2018: 401).

Невилль, между тем, завершил рассказ о событиях 1682 г. историей, как Софья отделалась от своего сообщника Хованского, захватив и казнив его с помощью любезного автору князя В.В. Голицына, а затем мирно утишила бунт. Впрочем, Голицын, «бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав», «начал свое управление строгим следствием над виновными стрельцами, казнил главных зачинщиков бунта и сослал других». Следствия и казни после Московского восстания 1682 г. не было, но иностранным, а потом и русским авторам расправа над стрельцами представлялась настолько необходимой, что ее следовало выдумать.

«Любопытные и новые известия» Невилля, наряду с польскими сочинениями, особенно в немецком переводе, стали выдающимся достижением А.А. Матвеева в распространении дикой и нелепой клеветы на царевну Софью и ее мнимых «сообщников» как устроителей «стрелецкого бунта». Интерес к книге французского авантюриста на Западе был подогрет заграничным вояжем Петра. Правда, официальные члены Великого посольства, в котором царь участвовал инкогнито, «жаловались» старому сотруднику Москвы амстердамскому бургомистру Николаю Витзену, что «господин де ла Невилль был очень плохо осведомлен о многом». Но популярность его книги шествовала по стопам посольства и ... его участника, окольного Андрея Матвеева.

Не исключено, что издание «Любопытных и новых известий» в Лондоне (1699) было лишь следствием интереса к Великому посольству (1697–1698), а не результатом трудов Матвеева. Однако когда после окончания посольства он прибыл чрезвычайным и полномочным послом в Гаагу, там вышло французское издание книги Невилля и ее голландский перевод с новым предисловием и приложением о новейших событиях в России, явно полученным от посла (1699). Невилль, согласно письму Г.В. Лейбница от 7 апреля 1699 г., уже умер, и устраивать издания в разных странах не мог. Матвеев же имел в библиотеке голландское издание Невилля (Лавров, 1990; 8–10).

Предположение, что Матвеев, который помог Невиллю с сочинением баек о России, затем способствовал распространению его книги в Англии и Голландии, подкрепляется его активностью как участника Великого посольства и посла в Нидерландах. Хотя в Англии распространителем сведений мог поначалу быть и другой участник Великого посольства, в итоге там все сошлось на круге Матвеева.

В 1698 г. английский историк Джодок Крюль издал книгу «Древнее и современное состояние Московии», завершив текст главой о событиях начала царствования Петра I по рассказу некоего участника Великого посольства. Крюль поведал, что после смерти больного Федора Алексеевича его старший брат Иван, «по причине своих природных немощей», отказался от престола. Боярами был коронован Петр, «как единственный человек, который дал им все мыслимые надежды» на продолжение славного царствования Алексей Михайловича. Однако народ любил добрую мать Ивана, покойную царицу Марию. Князь Голицын и царевна Софья воспользовались этим, чтобы пустить слухи о незаконном отстранении Ивана от трона. Поднявшееся восстание испуга-

ло обе партии, и они примирились, короновав обоих царей. Софья и Голицын правили, пользуясь влиянием царевны на ее брата Ивана и малолетством Петра, пока Голицын не был сослан. После смерти Ивана (!) царевна «была полностью исключена из дальнейшего управления общественными делами, и заключена в монастырь, где она содержится». Между тем, князь Голицын был одним из лучших государственных деятелей в Российском царстве и страстным почитателем французского короля Людовика XIV (автор явно читал французское издание Невилля), а царевна Софья правила «главным образом благодаря его советам и ловкости». Автор рассказал уникальную историю покушения на В.В. Голицына, на которого якобы бросился человек с кинжалом, и другие захватывающие байки из Крымских, а особенно Азовских походов. О царствовании Федора Крюль упоминал бегло, заметив лишь, что он был слишком юным и слишком большим (Crull, 1698: v. II, 201–203, 210, 200).

Затем историку пришло письмо «от джентльмена, хорошо знакомого с московским послом в Голландии». Информатором джентльмена был если не сам посол Матвеев, то его учитель Поборский, совершивший путешествие с Великим посольством в качестве священника. Он побывал в Англии и завел знакомства с учеными англичанами. Г.В. Лудольф, издавший в Оксфорде «Русскую грамматику» на латыни (1696), нашел способ переслать ее Поборскому в Амстердам в феврале 1698 г. Тот отправился в Москву (Байдин, 2019: 217), а Матвеев остался в Нидерландах. Содержание письма, отправленного из Амстердама 30 октября 1698 г. и изданного (вместе с письмом из Вены о Великом посольстве и записками миссионера в Китае) в качестве приложения к двухтомнику «Древнего и современного состояния Московии» (Crull, 1699), четко указывает на круг Матвеева: но это текст не его самого, а его собеседника.

Автор письма взялся удовлетворить интерес к «нынешнему состоянию Московии», проявленный Крюлем во время пребывания Великого посольства в Лондоне. В свете распространенного на Западе мнения, что Московское царство малозначительно по сравнению с иными европейскими государствами, автор начинает издали. Он признает, что до воцарения Алексея Михайловича в 1645 г. «москвиты были гораздо более варварскими» и отсталыми в современных науках и искусствах. Понимая это, царь призвал на службу западных офицеров, как описано в Отчете Мейерберга императору Леопольду в 1662 г. Увы, помимо новых регулярных полков, царь «имел определенное количество старых войск, не отличающееся от римских легионов; таких москвичи называют стрельцами».

В 1676 г. царь умер, оставив царство «своему старшему сыну Федору Алексеевичу, который правил всего шесть лет». Ранняя кончина Федора оплакивалась подданными, потому что он подавал «необычайные надежды» и следовал «по стопам своего отца, особенно в том, что касается иностранных офицеров и поощрения торговли. Он был большим любителем всех наук, но особенно математики», и отстроил бы всю Москву из камня, если бы смерть ему не помешала. Эта отсылка к официальному панегирику царю Федору Алексеевичу на его парсуне в Архангельском соборе Кремля (Богданов, 2018: 692–698) не означала, что автор письма реально решил отдать царю должное. Единственными заслугами Федора названы прием на русскую военную службу Лефорта и завещание (так!) царства младшему брату Петру вместо старшего Ивана, «слабая конституция» которого делала его непригодным к правлению государством.

Петр «был провозглашен царем Московии, когда ему едва исполнилось одиннадцать лет». Но «царевна София, дочь покойного царя Алексея Михайловича по первому браку, очень вспыльчивого характера и, естественно, склонная к интриганству, не могла понаблюдать за тем, чтобы ее собственный брат был исключен из наследства на русский престол». Она сделала все, «чтобы надеть корону на своего брата Ивана Алексеевича, точнее, на свою собственную голову». Она распространила слух, что царь Фе-

дор «был отравлен врачами при подстрекательстве некоторых из главных людей империи». Чтобы втянуть в дело стрельцов, был запущен слух, что водка, которую им выставляли «на похоронах царя, была смешана с ядом».

Мы уже читали эту версию в изданном на немецком «Кратком описании» (1686), основанном на польском «Дневнике зверского избиения» (1683) и после свержения Софьи помещенном, в русском переводе, в особой редакции Хронографа из патриаршего скриптория (1692). Она, как мы теперь убедились, исходила от Матвеева: русский посол сам или через учителя рассказал автору письма эту чушь, неподходящую для использования внутри страны, но соответствующую представлениям западного читателя о России. Без ссылки на «русского посла в Голландии» мы не смогли бы доказать, что эта версия матвеевская, ведь его отец канцлер, герой «Истории» и Записок Матвеева, в письме не упоминается. Но это был разумный ход ненавистника Софьи и стрельцов, поскольку обличение члена царствующей семьи, да еще официальным лицом, в России конца XVII в. не приветствовалось.

Но вернемся к событиям 1682 г. в письме. Стрельцы после вести об отравленной водке не просто восстали и перебили в Кремле массу людей, как рассказано в упомянутых сочинениях 1683 и 1686 гг., но казнили именно тех, кто был «отмечен принцессой, как противные ее интересам». Восставшие действительно имели хорошо известные современникам списки «изменников бояр и думных людей», составленные ими на полковых советах, но это были именно те, кто притеснял стрельцов и солдат и обвинялся народом в отравлении царя Федора (Богданов, 1982). Приписать их царевне Софье было со стороны Матвеева хорошим ходом, как и связать с ее интригами последовавшее после казней провозглашение Ивана царем вместе с Петром.

Однако Софья, перескакивает автор к событиям 1689 г., «амбиции которой не были удовлетворены тем, что ее брат Иван восседает на троне, вступила в тайный заговор с Феодором Шакловитым, генералом стрельцов» (т.е. судьей Стрелецкого приказа. — *А.Б.*), объяснив ему, что использовала своего брата Ивана только «чтобы надеть корону на свою собственную голову». Царевна обещала сделать его супругом и соправителем, и предложила захватить власть, что «было бы несложно ... поскольку Российская империя слишком тяжела для плеч двух младенцев» (которые на самом деле уже были женаты. — *А.Б.*). Шакловитый решил убить царей, но этот «заговор был своевременно раскрыт их величествам». Цари укрылись в Троицком монастыре, где Лефорт доказал свою храбрость и верность, захватив и казнив «генерала стрельцов». После этого «Софья была заперта в женском монастыре» (Crull, 1699: 1–9).

Далее повествование о впечатлениях «тех, кто знал его нынешнее царское величество в его самом нежном возрасте», переходит в подробный рассказ об Азовских походах и Великом посольстве, особенно хорошо описанных во втором полученном Крюллем письме из Вены 24 февраля 1699 г. Не очень удачный перевод обоих писем был сделан с лондонского издания в XVIII в. (Туманский, 1787: 1–70, 72–107).

Английское издание письма «джентльмена, хорошо знакомого с московским послом в Голландии», было важным, но еще более ценным для пропаганды матвеевского взгляда стала публикация аналогичной версии на французском. На сей раз «Письмо господина *** о нынешнем состоянии Московии» было приложено к переизданной в Амстердаме в 1699 г. книге любекского купца-путешественника Адама Бранда «Сообщение о путешествии господина Эверта Избранта, посланного его царским величеством к императору Китая в 1692, 93 и 94 годах» (Brand, 1699 фр.: 193–249). В немецком оригинале книги Бранда (Brand, 1698 нем.), переиздававшемся в 1712 и 1734 гг., желания погружаться в политику нет. Там краткое описание России взято из оксфордской «Русской грамматики» Лудольфа, упомянутого выше в качестве корреспондента Поборского, наставника и спутника А.А. Матвеева. Текст Лудольфа Бранд ограни-

чился в издании книги в 1698 на английском (Brand, 1698 англ.) и голландском (Brand, 1699 гол.) языках. А в издании с «Письмом господина» предисловие хвалит уже не автора, но ... амстердамского бургомистра Витсена.

Французское издание с ярко оценочным «Письмом господина» действительно вышло по инициативе амстердамского бургомистра (1682–1706) и одного из управляющих объединенной Ост-Индской компании Николая Витсена (Мезин, 2019). Тот со времен канцлера Голицына постоянно сотрудничал с русской дипломатической службой, которую теперь представлял в Амстердаме Матвеев, и выполнял пропагандистские задания в интересах поддержания хороших отношений с московским правительством, вроде издания в 1689 г. коронационного портрета царевны Софьи (гравера Блотелинга). В последнем случае мной выявлена «рука» фаворита Софьи Шакловитого (Богданов, 1981: 243–244), а 10 лет спустя очевидна инициатива Матвеева. Он использовал для распространения своего взгляда на политическую историю 1680–1690-х гг. полезного посредника. В 1705 г. книга Бранда в ее французской версии была использована при издании записок самого Витсена. Затем «Письмом господина ***» воспользовался голландский публицист Жан Руссе де Мисси в своей биографии Петра I, а после него, возможно опосредованно, Вольтер в «Истории» Петра Великого, Дидро в «Энциклопедии» и др. (Мезин, 2019: 419–420).

Распространение сведений о восстании 1682 г. с помощью писем не ограничивалось изложением матвеевской версии придворного заговора. В 1689 г. в Нюрнберге было издано сочинение чешского путешественника Бернгарда Таннера, побывавшего в России с польским посольством в 1678 г.¹ Вернувшись в Прагу, он получил из московской Немецкой слободы письмо от 30 мая 1682 г. о смерти Федора Алексеевича и последовавшем за ней народном восстании. Оно помещено в приложении к нюрнбергскому изданию записок путешественника (Tanner, 1689: 123–128) и опубликовано в его составе в хорошем русском переводе (Таннер, 1881: 125–129). Письмо показывает, что в мае 1682 г. в Москве не было мысли о том, что восстание стрельцов и солдат кем-то инспирировано.

В своих комментариях к письму чех, знавший многих убитых, добавил дошедшие до него слухи, что царя Федора «говорят, отравили», — такую версию стрельцы действительно распускали по России. Он предположил, что вернувшийся в Москву после смерти царя «Артемон» (Матвеев) с его приверженцами мог «попробовать излить такую же злобу на своих недругов, какую изливали когда-то на них». «Только им это не удалось: неукротимая чернь узнала, что по сильной ненависти артемоновых сторонников царя Феодора, который пользовался большой любовью и уважением, извели, и, проведая, что при помощи своих друзей избран младший, пришла в ярость, *подстрекаемая, без сомнения, приверженцами покойного царя Феодора* (выделено мной. — А.Б.), и перебила с виновными и невиновных».

Таннер *не имел* сведений о том, что слух об отравлении Федора распушен заговорщиками, но он *хотел предположить*, что это было так. Только интригами придворных желали на Западе объяснять события народного восстания в Москве, ведь по взгляду извне никакого гражданского общества (а по Вольтеру — общества вообще) в «Московии» и быть не могло. В этом, на мой взгляд, и состоит секрет бурного распространения матвеевской версии придворного заговора, которая стала основной и в западной, и в петровской историографии.

Разумный взгляд на события 1682 г. и их достоверное описание не воспринималось на Западе, даже будучи не раз изданным. Пример такого взгляда дал Бутенант фон Розенбуш, который, кстати, присутствовал на пирах Невилля с Матвеевым (Богданов,

---

¹ О приеме этого посольства: РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Кн. 186–188.

2008: 132) и наверняка давал французу свои пояснения, тем не усвоенные. «Правдивое известие» из писем Бутенанта было издано на немецком дважды. «Актуальный отчет об ужасающих беспорядках и жестоких расправах, которые произошли в городе Москве 15/16 и 17 мая 1682 года» вышел в Нюнберге отдельным изданием в 1682 г. (Butenant, 1682). А в 1691 г. сочинение было переиздано под названием «Известие о печальной трагедии в городе Москве» в знаменитом на всю Европу альманахе «Европейский театр», который пользовался немалым спросом и в России (Relation, 1691: 441–450).

Как показал А.С. Лавров, перевод «Правдивого известия» был использован в качестве описания Московского восстания 1682 г. в оригинальном Летописце великия земли Российския» (РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 10561, л. 230 об.–236 об.), составленном на основе Свода 1652 г. в 1689–1696 гг. (до 1682 г.), и позже до 1702 г., вероятно, в патриаршем скриптории (судя по включению немалой переписки патриарха Адриана с Петром I). Летописец сохранился в списке рубежа 1750–1760-х гг.. Примерно во время создания указанного списка «Летописца», «Правдивое известие» стало единственным иностранным источником, использованным М.В. Ломоносовым в его труде в помощь Вольтеру, работавшему над «Историей России в царствование Петра Великого» (Лавров, 1992). Правда, это не изменило фантастического стиля сочинения Михаила Васильевича, весьма литературно развивавшего версию Матвеева (Ломоносов, 1952: 97–162).

В XIX в. отрывки «Правдивого известия» были опубликованы по «Европейскому театру» В.Н. Берхом (Берх, 1835: приложение), затем Н.Г. Устряловым по архивному тексту на немецком (Устрялов, 1858: 330–346), который был переведен на русский М.П. Погодиным (Погодин, 1875: 38–56). А.С. Лавров справедливо сетует на недостатки всех этих изданий (Лавров, 2000), указывая на общеизвестное расположение оригиналов всех донесений Бутенанта (в Копенгагене) и их микрофильмов (в Петербурге)¹.

Недовольство сочинением Бутенанта, который упорно придерживался фактов, превосходно выразил при его издании М.П. Погодин. «Об участии царевны Софьи нет ни слова, писал он, — это доказывает только, что оно сохранялось в глубокой тайне ... да и слухи о Нарышкиных, ... выведшие якобы из терпения стрельцов, страх о возвращении Матвеева — кому можно приписать, как не ей и ее орудиям и сообщникам Милославским»?! Аналогичное недовольство можно было бы выразить всем русским повестям, летописям и повременными запискам 1680-1690-х гг. (Богданов, 1993, 1995), а также донесениям Келлера, Коха и Горна. Сообщения последнего в Копенгаген как раз позволяют выяснить, какие тайны мог бы узнать его подчиненный Бутенант, если бы «имел время ... получить верные сведения», в чем сомневался М.П. Погодин.

К этим текстам следует прибавить сочинение побывавшего в России в 1684–1686 гг. саксонского путешественника Георга Адама Шлейссингера, изданное по пражской рукописи 1687 г. (Лаптева, 1970). Автор, меняя название и прибавляя детали, издавал свое сочинение на немецком в 1688, 1690, 1692 и дважды (под разными заглавиями) в 1693 г. Саксонец настаивал, что в 1682 г. «восстание вспыхнуло среди стрельцов, которые повседневно жаловались на свое начальство ввиду невыносимой и рабской работы, которой это начальство их обременяло. Кроме того, жаловались, что им задерживают жалованье. После чего они в конце концов договорились между собой стоять друг за друга и держаться до последнего». Ужасный, но не связанный с заговором придворных бунт продолжался, пока, «наконец, великий бог ... чудесным образом открыл людям глаза на главного зачинщика и передал этого зачинщика описанного

---

¹ Государственный архив Дании. Копенгаген. Rigsarkivet, Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling, Rusland 40. Донесения (частично дешифрованные) датского комиссара Генриха Бутенанта фон Розенбуша о внутреннем и внешнем положении России. 326 л. Подлинники. 15.09.1679–12.08.1698. То же в микрофильме: Архив СПб ИРИ РАН. Россия-Б, № 126.

страшного бунта в руки великого князя, так что и ему и его сыну отрубили топором головы. Этот зачинщик, полковник, затеял все дело потому, что уже давно знал об ожесточении стрельцов и использовал такое настроение их как дьявольское средство, чтобы лить воду на свою мельницу. Он имел в виду, учитывая полное неумение старшего царя вершить правление, отстранить его от трона и женить своего сына на царевне, тщеславие которой было ему хорошо известно». Не названный по имени Хованский выступает здесь главарем самостоятельного восстания стрельцов. А царь Иван, простив бунтовщиков, требует, чтобы его «младший брат Петр Алексеевич» был «возведен на трон. Что и было проделано в соответствии с обычаем весьма торжественно. После чего темные и серые тучи возмущения рассеялись, и снова взошло любезное солнце единодушно желанного и оплакиваемого мира. Наконец, когда уже долгое время царило спокойствие, стрельцов-бунтовщиков незаметно разослали в разные стороны и таким путем рассеяли. Самые скверные зачинщики были частично повешены, частично же обезглавлены и таким образом наказаны по заслугам». В итоге два царя «сидят на троне, но ни один из них ничего не решает, а царевна обдумывает все с магнатами, после чего решение публикуется — опять же от имени обоих царей». Непонятно, «как же царевна может участвовать в управлении», но «она одарена высоким княжеским разумением», тогда как старший царь «плохо видит, слышит и говорит», а его одаренный брат «еще очень молод», хотя из двух братьев «бояре и важные господа очень симпатизируют младшему. Немцы, кажется, тоже прочат ему большое будущее ... но стрельцы и простые люди склоняются к старшему».

За Шлейссингером чешский иезуит Иржи Давид, посетивший Россию в 1686–1689 гг., написал в 1690 г. солидную работу о нашей стране, не рассказывая ничего похожего на сказки матвеевской версии событий 1682 г. Это и понятно. Латинский трактат Давида «Современное состояние Великой России или Московии» (David, 1965, от-лично переведенный на русский (Давид, 1968) не предназначался для широкого распространения. Автор не нуждался в фантастических рассказах о диких политических нравах в «стране варваров», на которые читательский спрос ориентировал большинство западных авторов.

В России образец западноевропейского по стилю сочинения, не отрывающегося между тем от русских корней, оставил младший современник А.А. Матвеева, князь Борис Иванович Куракин (1676–1727). За два с лишним десятилетия объехав Западную Европу, с 1722 г. возглавляя русскую дипломатию на Западе, он к началу написания в Гааге и Париже своей «Гистории о царевне Софье и Петре» (1723–1727) стал большим европейцем, чем западные европейцы. «Гисторию» посол писал «в стол», собрав для нее массу фактических сведений, а борьбу за власть представив на основе матвеевской версии, но ... совершенно по западному, как будто дело происходило в Вене или Париже (Богданов, 2008: 243–331).

Эта блестящая версия событий, многие из которых князь плохо помнил (будучи в то время ребенком), заменяла представление о «варварской Московии» на политическую историю европейского государства. Однако, если Записки Матвеева многократно переписывались, еще до их издания Н.И. Новиковым, то «Гистория» осталась в фамильном архиве и была введена в оборот лишь в конце XIX в. в составе корпуса записок Куракина (Архив князя). Даже после публикации «Гистория», задним числом предающая легендам о борьбе за власть в дни юности Петра политический смысл, не привлекла историков. Как и большинство западных авторов, они просто не способны были отказаться от представлений о том, что Россия времен царевны Софьи — страна варваров, практически Турция или Персия, которая будет «европеизирована» только дубиной Петра.

Не отличаясь точностью в деталях, князь сделал изложение логичным. В борьбе за власть у опустевшего трона царя Федора, на фоне волнения в стрелецких слободах, которое «продолжались несколько недель», в «Гистории» участвуют большие партии придворных и администраторов. Софья берет власть потому, что она была «принцесса ума великого», вместе с Милославским, при поддержке или нейтралитете Одоевских и иных «первых бояр». Казнь Хованских была нужна ей, чтобы завершить «все интриги того бунту и закрыть дело се самое и Ивана Милославского». Понимая нелепость ситуации, когда главный заговорщик Милославский не получает ничего, Куракин вводит любовную линию, по аналогии с известной западным читателям ролью фаворитов при французском дворе.

О любовницах «короля-Солнце» и их влиянии на политику Франции писал в «Дневнике неофициальной миссии ко французскому двору» (1705–1706) Матвеев, как раз когда Куракин начал в Карлсбаде свое жизнеописание (Архив князя: кн. 1, 241–287). В нем князь смело, даже сравнительно с французскими мемуарами того времени, описывал любовные приключения. Сходный сюжет он приписал Софье и князю Голицыну. Тот возвысился и оттеснил от власти Милославского, став любовником царевны, к осени 1682 г. (на самом деле он стал канцлером еще в мае). Только перед падением правительства регентства князя «в тех плезирах ночных» заменил Шакловитый, поэтому он и выступал за Софью горячее всего.

В «Гистории» Куракина русские политики, начиная с царевны, не восточные сатрапы: это европейские деятели, или благоразумные и несущие народу процветание, как Софья и Голицын, или склонные к безудержному казнокрадству, как взявшие власть в 1689 г. Нарышкины. В европейском по стилю сочинении Россия реально представлена европейской страной. Однако в своевременности и действенности своего блестящего текста Куракин сомневался. «Гистория» осталась неоконченной и неизданной.

При господстве матвеевской версии событий, которая проникла в русские исторические тексты в петровское, а более всего в послепетровское время (Богданов, 1993, 1995), в том числе в виде переводов западных сочинений, из труда Куракина историки запомнили не описание мудрого правления Софьи «со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному», не то, что «все государство пришло во время ее правления, чрез семь лет, в цвет великого богатства», а любовную связь царевны с Голицыным. И то, упустив из виду источник. Даже замечательный английский историк Линдси Хьюз, в поисках корней мифа о любовной связи царевны с канцлером, вспомнила Невилля, который об этом не писал, и не вспомнила Куракина, который писал о России слишком разумно (Хьюз, 2001: 76).

Подведем итоги.

Версия об участии придворных в «разжигании» Московского восстания 1682 г. была создана в ходе умиротворения народных волнений царевной Софьей и ее правительством осенью 1682 г. в виде достаточно нелепых обвинений против скоропалительно казненного князя Хованского. Но вскоре была дополнена версией о «заговоре» Милославского и самой царевны, родившейся в доме казненного восставшими боярина А.С. Матвеева. Его сын А.А. Матвеев и домашний учитель И.Л. Поборский позже оставили нам описание этой версии в своих сочинениях, но распространяли ее за границей, согласно ссылкам их собеседников, с конца 1682 г. Обе версии уже в то время выглядели сомнительно. Современные событиям русские источники и профессиональные западные наблюдатели единодушно характеризовали Московское восстание как самостоятельное выступление стрельцов, солдат и прочих «служилых по прибору». Ничто в их широко обсуждавшихся замыслах и деяниях не подразумевало какого-либо участия придворных.

Разрешить противоречие между правдивым изложением событий в документах и множеством свидетельств очевидцев и участников с версиями придворного заговора с помощью выдвинутой еще в XIX в. гипотезы, что русские западные наблюдатели могли «не заметить» придворной интриги потому, что она была тайной, нельзя. Действия Милославского и Софьи, описанные сначала откровенными врагами России, поляками, а затем расцвеченные, почти каждый раз с прямой подачи дома Матвеевых, иными западными публицистами, представлявшими читателю варварские нравы Московии, не были скрытыми и могли остаться не замеченными компетентными и многочисленными свидетелями в столице.

Описание этих открытых действий выдуманных «заговорщиков» — просто ложь, ставшая в последующей историографии мифологией. Первые русские ученые историки именовали это явление, переводя с греческого, баснословием. Игнатий Римский-Корсаков на рубеже 1670–1680-х гг. противопоставил «басни сладкословесныя и украшены ложью» ученому исследованию (Игнатий, 1994: 32). Баснословие, сиречь «неисправность» исторических сочинений смущало царя Федора, который в 1681 г. требовал взамен опереться на «обычаи историков» (Замысловский, 1871: Приложения, XXXV–XLII). «Баснословия витийская суть сия», смеялся над такими мифами Сильвестр Медведев, обращаясь к царевне Софье в 1682 г. (Богданов, 2018: 673). Андрей Лызлов в «Скифской истории» 1692 г. приводил примеры «басен» и «баснословий», которые заставляют считать содержащие их повести «лживыми», «смеху подобными» и «смеху достойными» (Лызлов, 1990: 8, 160, 162). Приводить их, для опровержения или для увеселения читателя, можно. Опирайтесь на них в анализе событий нельзя.

Таковыми источниками, отражающими политические и культурные особенности их авторов и их среды, но никак не реальность Москвы 1682 г., и являются баснословия о «разжигании» придворными заговорщиками народного восстания против самой структуры государственной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алпатов. М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая половина XVIII века. М., 1976.
- Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый им под редакцией М.И. Семевского. СПб., 1890–1892. Кн. 1–3.
- Байдин В.И. Священник И.Л. Поборский — писатель первой трети XVIII столетия: к вопросу об авторстве «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева...» // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 3 (27). 195–237.
- Белов М.И. Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению: Сборник статей, посвящённых 75-летию профессора С.Н. Валка. М.-Л., 1964. С. 374–382.
- Берх В.Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. СПб., 1835. Ч. 2.
- Библиотека А.А. Матвеева (1666-1728): каталог. М., 1985.
- Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. Сборник статей за 1980 г. М. 1981. С. 197–206.
- Богданов А.П. Роспись «изменников — бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших в мае 1682 г. // Молодые обществоведы Москвы — Ленинскому юбилею. М. 1982. С. 113–118.
- Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. 446 с.
- Богданов А.П. Царевна Софья и Пётр. Драма Софии. М., 2008.

- Богданов А.П. «Магометанство» в геополитической структуре мира русского историка XVII в. (Андрей Лызлов и его «Скифская история») // Сборник Русского исторического общества. № 7 (155). М., 2003. С. 78–90.
- Богданов А.П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Ч. 1 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 77–108; Ч. 2. Там же. М. 1995. С. 39–62.
- Богданов А.П. Начало Московского восстания 1682 г в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. Сборник статей за 1984 г. М., 1984. С. 131–146.
- Богданов А.П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей за 1981 г. М., 1981. С. 225–246.
- Богданов А.П. Русские патриархи от Никона до Адриана. М., 2015.
- Богданов А.П. Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII — начало XVIII века. М., 2005.
- Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018.
- Богданов А.П., Возгрин В.Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 78–91.
- Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М. 1989. С. 179–228, 237–239.
- Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969.
- Василенко А. Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // Старина и новизна. 1901. Т. 4. С. 383–407.
- Висковатов К.А. Москва в 1687–1688 гг. [Письма Христофора фон-Кохен, шведского посланника при русском дворе.] Перевод с немецкого // Русская старина. Т. XXIII. 1878. Сентябрь. С. 121–129.
- Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии / предисл. А.С. Мьльников, пер. Ю.Е. Копелевич // Вопросы истории. 1968. № 1, 3, 4.
- Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского. Т. I: Исследование книжной культуры. М., 2009.
- Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Введение. Обзор источников. СПб., 1871.
- Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого / Изд. И.П. Сахаров. СПб. 1841. С.1–94.
- Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / Подготовка текста, статья и аннотированный указатель источников А.П. Богданов. М., 1994.
- История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева... / Изд. Н.И. Новиковым. М., 1785.
- Казаков Г.М. Шведские донесения о московском стрельцком восстании 1682 г. // Valla. Т. 4. № 1–2 (2018). С. 93–102.
- Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699) / Пер. и прим. А. И. Малейна. СПб., 1906.
- Лавров А.С. «Записки о Московии» де ла Невилля: автор, рукописи, печатное издание // Книга в России XVI — середины XIX в. Материалы и исследования. Л., 1990. С. 62–72.
- Лавров А.С. Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрельцком восстании 1682 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVII. СПб., 2000. С. 192–200.
- Лавров А.С. «Летописец Кариона Истомина» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1992. Т. 45. С. 411–413.

Лаптева Л.П. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века (Г.А. Шлейссингер. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича) // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 103–126.

Ломоносов М.В. Описание стрелецких бунтов в правление царевны Софьи // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том 6. М.–Л., 1952. С. 97–162.

Лызлов, Андрей. Скифская История / Подгот. текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен А.П. Богданов. М., 1990.

Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2003.

Мезин С.А. Письмо амстердамского друга. // Петр I и Восток. Материалы XI международного петровского конгресса 1–2 июня 2018 года. СПб., 2019. С. 411–421.

Невилль, де ла. Любопытные и новые известия о Московии. // Русское государство XV—XVII вв. глазами иностранцев. Подгот. текстов, вступ. статья и комментарии Ю.А. Лимонова. Л., 1988. С. 471–529, 540–542.

де ла Невилль. Записки о Московии / Пер. А.С. Лаврова. М., 1996.

Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Сообщил Г. Писаревский // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1900. Кн. 2. Отд. V: Смесь. С. 7–21.

Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу Коринфскому Франциску Мартелли ... / М.П. Погодин. Пер. с лат. Лавдовского // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. № 1. С. 69–82.

Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689. М., 1875.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.

Романова О.А. Частная жизнь ближнего боярина А. С. Матвеева // Проблемы истории России. Вып. 6: От Средневековья к Современности. Екатеринбург, 2005. С. 107–126.

Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / Публ. И. С. Шарковой. Под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1972.

Самарин А.Ю. К вопросу о датировке и авторстве «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 356–367.

Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Ивакин И. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1891. Кн. 3 (158). Отд.3. С. I–XI, 1–203.

Туманский Ф.О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. I. М., 1787.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I: Господство царевны Софьи. СПб., 1858.

Хьюз Л. Царевна Софья. 1657–1704. СПб., 2001.

Чистякова Е.В. «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1963. Т. XIX. С. 348–357.

Brand A. Beschreibung der Beschreibung Der Chinesischen Reise : welche vermittelt einer zaaris. Gesandtschaft durch dero Ambassadeur, Herrn Isbrand, Ao. 1693, 94 und 95 von Moscau über Groß-Ustiga ... Hamburg, 1698.

Brand A. Relation du voyage de Mr Evert Isbrand, envoyé de Sa Majesté czarienne à l'empereur de Chine, en 1692, 93 & 94 ... Avec une lettre de Monsieur***, sur l'état présent de la Moscovie. Amsterdam, 1699.

Brand A. *A Journal of the Embassy from Their Majesties John and Peter Alexievitz: Emperors of Muscovy, &c. ...* London, 1698.

Brand, A. *Seer aenmercklijcke Land- en Water-Reys, Onlanghs gedaen van't Gesantschap sijner tegenwoordigh-regeerende Czarsche Majesteit uyt Muscouw na China ...* Tyel, 1699.

Butenant H. *Eigentlicher Bericht wegen des in der Stadt Moskau am 15/16 und 17 May Anno 1682 enstandenen greulichen Tumults und grausahmen Massacre.* Hamburg, 1682.

Crull J. *The antient and present state of Muscovy containing a geographical, historical, and political account of all those nations and territories under the jurisdiction of the present czar.* London. Vol. I–II. 1698.

Crull J. *The Present condition of the Muscovite empire till the year 1699 in two letters : the first from a gentleman who was conversant with the Muscovite ambassadour in Holland, the second from a person of quality at Vienna, concerning the late Muscovite embassy, his present czarish majesty, the Russian empire and Great-Tartary: with the life of the present emperour of China, by Father J. Bouvet, missionary / by the author of The antient and present state of Muscovy.* London, 1699.

David Georgius S. J. *Status modernus magnae Russiae seu Moscoviae (1690) / With introduction and Explanatory Index by A. V. Florovskij.* London–Paris–Hague. 1965.

Diarium itineris in Moscoviam ... ac Potentißimum Tzarum et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium anno MDCXCVIII ablegati extraordinarii. Descriptum a Joanne Georgio Korb ... Viennae, [1700].

Foy de la Neuville. *A Curious and New Account of Moscovy in the Year 1689 / Ed. and Introduced by Lindsey Highes. Translated from the French by J.A. Cutshall.* London, 1994.

Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand // The complete works of Voltaire. Vol. 46:47. Oxford, 1999.

Hughes L. »Ambitious and Daring above her Sex»: Tsarevna Sophia Alekseevna (1657—1704) in *Foreigners' Accounts // Oxford Slavonic Papers. New Series.* 1988. Vol. XXI. P. 64–88.

Kurtze und gründliche Relation, wie die vornehmste moskowitische Herren in der Stadt Moscow anno 1682 jammerlich seyn niedergehauen und die beyden Printzen Johannes und Petrus zu zaren erwehlt woren. 1686.

Narratio rerum, quae post obitum Alexii Mikalowiez, Russorum Imperatoris etc., edita a Sebastiano Ciampi. Florentiae, apud Guilelmum Piatti. 1829.

Relation der traurigen Tragodie in der Stadt Moscau // Theatrum Europearum. 1691. XII. S. 441–450.

Tanner B.L.F.. *Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam potentissimi Poloniae regis ac reipublicae mandato et consensu anno 1678 feliciter suscepta.* Norimbergae, 1689.

Voltaire. *Correspondance.* T. 1 (décembre 1704 — décembre 1738). Paris, 1977.

И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО. «ХОТЯ ИСТОРИЯ МНЕ ОЧЕНЬ ПРАВИТСЯ»

И.Д. Ковальченко, без сомнения — одна из крупнейших фигур в отечественной исторической науке второй половины XX века. 48 лет беззаветного служения, выдающиеся результаты научной деятельности — всё свидетельствует о высоком предназначении. Вместе с тем, для самого Ивана Дмитриевича этот замысел о нём довольно долго реализовывался как стечение жизненных обстоятельств.

Иван Дмитриевич Ковальченко появился на свет 26 ноября 1923 г. на хуторе Новеньком Прокоповского сельсовета Стародубской волости Стародубского уезда Гомельской губернии.¹ Он был старшим из пятерых² детей в традиционной русской семье, судьбу которой, как и судьбы многих и многих российских крестьянских фамилий, коренным образом изменила революция во всей полноте её социальных, политических и иных последствий.

В 1917-1918 гг. в Стародубе, одним из пригородов которого был и хутор Новенький, основательно похозяйничали и немецкие оккупанты, и гайдамаки гетмана Скоропадского. Значительная часть мужчин ушла в советскую зону в партизанские отряды. По окончании Гражданской войны политико-экономические мероприятия советской власти также не способствовали скорому и эффективному восстановлению крестьянского хозяйства.

В начале 1920-х гг. глава, тогда ещё малочисленного, молодого семейства, Дмитрий Минич, уехал на заработки в Москву. В 1924 г. он устроился рабочим на Московско-Донбасской железной дороге, определив, таким образом, свою будущность и будущность своих детей. В 1930 г. Дмитрий Минич перевёз в Москву семью, которая была обустроена в том жилье, которое предоставляла своим рабочим московская железная дорога. Сначала это был барак, позднее бревенчатый дом у железной дороги в Гамсоновском переулке, рядом с Даниловым монастырём, где шесть душ семьи Дмитрия Минича Ковальченко располагались в двух небольших комнатках. Жили и тесно, и трудно. Мать Ивана Дмитриевича, Ефросинья Михайловна, тоже работала на пятой московской мебельной фабрике, остаться домохозяйкой она не могла себе позволить. Но, как известно, в тесноте, да не в обиде. По справедливому замечанию В.И. Бовыкина³, «...тогда этому не придавали большого значения. Так жили все вокруг». И жили, надо добавить, «в буднях великих строек», скорее будущим, чем настоящим, как жила вся страна.

¹ В различных документах, содержащих сведения о раннем периоде биографии И.Д. Ковальченко, присутствуют разночтения относительно территориально-административной принадлежности хутора Новенький (Стародубский уезд Гомельской губернии, Стародубский район Орловской области, Стародубский район Брянской области). Исследовательская литература принимает определение, которое предложено самим Иваном Дмитриевичем в его Автобиографии — Стародубский район Западной (Брянской) области. В действительности, с 1919 года Стародубский уезд из Черниговской губернии перешел в состав вновь образованной Гомельской губернии. В 1927 году в связи с ее расформированием — в состав Брянской губернии. В 1929 году Брянская губерния вошла в состав Западной области с центром в г. Смоленске, и Стародубщина перешла в его подчинение. В 1937 году Западную область разделили на Смоленскую и Орловскую. Территория Стародубщины вошла в Орловскую область, где и находилась до 1944 года, когда была образована Брянская область с центром в г. Брянске. В состав области был включён и Стародубский район.

² У Ивана Дмитриевича, было два брата и две сестры. Младший из братьев умер в возрасте около четырёх лет в 1934 г.

³ Бовыкин Валерий Иванович (1927-1998) — д.и.н., профессор, коллега И.Д. Ковальченко.

Будущее детей, конечно, было связано с хорошим образованием. В 1930 г. в СССР, помимо всеобщего обязательного начального образования для детей 8-10 лет, было введено и всеобщее обязательное семилетнее обучение в городах, фабрично-заводских районах и рабочих посёлках.

В положенный срок в рамках этой «обязательной программы» Иван Ковальченко учился последовательно в двух школах. Сначала это была начальная школа, по видимому, ближайшая к дому, затем — школа-семилетка, которую он окончил в 1940 году.

Школьная жизнь Ивана Дмитриевича была, как положено, шумной, весёлой, исполненной духом коллективизма, романтикой строительства первого в мире социалистического государства. Кроме того, он был способным учеником и любил учиться. Особенно его привлекало точное знание и знание естественнонаучного цикла — математика и физика.

Ивану Ковальченко необходимо было продолжать образование, оканчивать среднюю школу, поступать и учиться в вузе по сердцу. Однако в среднюю школу по окончании семилетки он не пошёл. Его выбор был несколько иным — специальная артиллерийская школа.

Учебные заведения этого типа были учреждены в мае 1937 г. как особого рода педагогический эксперимент. Пять московских общеобразовательных средних школ были преобразованы в секретные («закрытого типа») военно-профессиональные специальные учебные заведения на правах техникумов. Спецшкольники и их родители давали подписку о неразглашении военной тайны об обучении в таком учебном заведении, а по окончании спецшколы выпускники могли поступать в любое военное училище Советского Союза на преимущественных правах. К осени 1937 г. специальными уточнениями все спецшколы стали артиллерийскими, а их выпускники, соответственно, должны были становиться курсантами артиллерийских училищ.

Организация артиллерийских спецшкол была обусловлена необходимостью повышения образовательного уровня курсантов военных училищ, то есть, в ближайшей перспективе, командиров РККА в условиях значительного расширения сети военно-учебных заведений и серьёзной технологической работы в рамках военного строительства. Это было тем более необходимо, что, например, по данным на 1939 г. более 65% курсантов не имели среднего образования. Вместе с тем, именно артиллерии отводилась особая роль в ходе возможной войны.

Ввиду очевидного успеха эксперимента уже с 1938 г. артиллерийские спецшколы были выведены из режима секретности и начали функционировать на систематической основе в соответствии с Положением о специальных школах народных комиссариатов просвещения РСФСР и УССР, утверждённым Постановлением Совнаркома №452 от 9 апреля 1938 г.

Всего по стране было открыто 17 средних артиллерийских школ: по 5 — в Москве и Ленинграде, по 2 — в Киеве и Харькове, свои артиллерийские спецшколы были также в Ростове, Одессе, Ереване.

Создание сети артиллерийских спецшкол сопровождалось масштабной агитационной кампанией. В апреле 1938 г. под лозунгом «Молодежь, в артиллерию!» было проведено расширенное совещание в ЦК ВЛКСМ. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев призвал комсомол мобилизовывать своих лучших представителей в артиллерийские училища и специальные артиллерийские школы. В газете «Правда» от 11 апреля 1938 г. был опубликован очерк «Специальные школы для будущих командиров артиллерии», где, в том числе, содержался призыв к молодежи от учащихся 8-10 классов школ Киевского района Москвы поступать в артиллерийские военные училища. С 1 мая 1938 г. личный состав пяти московских артиллерийских школ стал принимать уча-

стие в военных парадах на Красной площади. Открытие первых летних лагерей спецшкол в августе 1938 г. подробно освещалось газетой «Рабочая Москва», а на торжественном митинге выступил с речью сам маршал С.М. Будённый. Эпизоды из жизни спецшкол нашли отражение в кинохронике 1939 г., где звучала Песня артиллеристов со словами В. Лебедева-Кумача и на музыку братьев Покрассов (1937 г.):

Артиллеристы, точней прицел!
Разведчик зорек, наводчик смел!
Врагу мы скажем: «Нашей Родины не тронь,
А то откроем сокрушительный огонь!»

В мае 1940 г. на экраны кинотеатров вышел фильм «Юность командиров» о воспитании будущих командиров Красной Армии в артиллерийской спецшколе. К работе над этой приключенческой лентой для юношества были привлечены лучшие силы. В роли военрука снялся один из самых популярных тогда артистов — Л. Свердлин, в фильме звучала музыка И. Дунаевского, слова марша спецшкольников были написаны С. Михалковым:

Пусть всякий, кто счастлив и молод,
Кто любит советский народ,
Пусть с первых рядов комсомола
К орудиям грозным встает.

Посеянное легло в подготовленную почву, ведь школьные годы Ивана Ковальченко пришлось на тревожное время — «Если завтра война, если завтра в поход...» — гитлеризм в Германии, гражданская война в Испании, Хасан и Халкин-Гол, Советско-финская война. Кино, куда школьники бегали всем классом, дарило прекрасные образы советских военных — пограничников, лётчиков, танкистов, артиллеристов, надёжно защищающих свой народ от всякой беды. Не удивительно, что и комсомолец (с 1938 г.) Ковальченко совсем не исключал для себя армейское будущее.

Было ещё одно обстоятельство, которое в той или иной степени могло повлиять на решение продолжать обучение в артиллерийской спецшколе.

В 1940 г. постановлением СНК СССР с 1 сентября 1940 г. была введена плата за обучение для всех учащихся 8-10 классов средних школ, студентов вузов, техникумов и училищ. Решение мотивировалось возросшим уровнем материального благосостояния трудящихся и значительными расходами Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений. Совет Народных Комиссаров СССР признал необходимым возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся. В школах Москвы и Ленинграда, а также столичных городов союзных республик устанавливалась плата в размере 200 рублей в год, во всех остальных городах, а также селах — 150 рублей в год.

Спецшкола предоставляла возможность решить одновременно ряд задач.

Она давала бесплатное среднее образование и, более того, снимала с семьи своего ученика значительную часть финансовой нагрузки. Согласно Положению о спецшколах содержание учащихся осуществлялось за счет Наркомпросов РСФСР и УССР. «Спецы» приходили в школу к утреннему построению, завтракали, обедали, ужинали в школе, для иногородних учащихся были созданы интернаты. Учащиеся спецшкол обеспечивались установленной специально для них военной формой. Для всех без исключения обучающихся предусматривался ежегодный 45-дневный лагерный сбор, во время которого они также состояли на полном государственном довольствии.

Артиллерийская школа предлагала более высокий, чем в обычной средней школе, стандарт образования. Обучение проводилось в соответствии с программами Наркомпроса, но к преподаванию привлекались лучшие педагоги общеобразователь-

ных дисциплин. Особое внимание уделялось изучению иностранного, как правило, немецкого языка. Вместе с тем, такие предметы, как математика, физика, химия, черчение и военное дело, изучались с ориентацией на программы артиллерийских военных училищ. Постоянными гостями в спецшколах были популярные артисты, известные писатели и поэты, спортсмены.

Согласно основной задаче, спецшкола давала начальные военные профильные знания и формировала навыки военной жизни. Здесь изучались военные уставы, основы артиллерийской стрельбы, материальная часть орудий и приборов, по несколько часов в неделю проводились занятия строевой и физической подготовкой. Обучение военным предметам велось кадровыми командирами Красной Армии, среди которых были имеющие боевой опыт и награжденные орденами и медалями и, что особенно важно, военспецы, бывшие офицеры царской армии и воспитанники кадетских корпусов.

Каждая из созданных артиллерийских спецшкол (численность личного состава — до 500 человек) приравнивалась к войсковому подразделению типа дивизион. Туда назначались военные руководители из числа кадрового командного состава артиллерии Красной Армии. Обязанности командиров рот и взводов исполняли классные руководители из преподавательского состава. Старшины батарей (групп классов одного года обучения), помощники командиров взводов (классов) и командиры отделений назначались из числа лучших учащихся, обладающих командными навыками.

В период лагерного сбора курсанты практически осваивали артиллерийское и стрелковое оружие, вплоть до проведения учебно-боевых стрельб. В лагерях проводились занятия на местности по тактике и топографии.

Нетрудно представить, что поступить в артиллерийскую спецшколу было не просто. Количество соискателей значительно превышало возможности набора. Кандидатов в каждую спецшколу отбирали специальные комиссии. Жёсткие требования предъявлялись к знаниям по всем общеобразовательным дисциплинам и прежде всего по математике, физике, химии и иностранному языку. Необходимо было не только пройти медицинскую комиссию, но и продемонстрировать физическую подготовку на спортивных снарядах. Высоко оценивалось наличие спортивных знаков: «Готов к труду и обороне», Осоавиахима, «Ворошиловский стрелок», Парашютного спорта и других. Учитывался культурный уровень будущих командиров-артиллеристов. Кроме того, поступающие в спецшколу заполняли подробную анкету, выявлявшую степень идейной и классовой благонадёжности соискателя и его семьи.

Иван Ковальченко успешно преодолел вступительные испытания и поступил в московскую артиллерийскую спецшколу № 5, которая располагалась в районе Таганки, на улице Покровский вал (ныне Абельмановская улица).

Он всегда очень хорошо учился, был одним из лучших и во время обучения в спецшколе, за что удостоился чести быть сфотографированным для опубликования фото на страницах газеты «Вечерняя Москва» в числе отличников московских школ. Он активно занимался спортом и к началу войны имел первый спортивный разряд по гимнастике.

Ивану Дмитриевичу Ковальченко не суждено было окончить полный курс артиллерийской спецшколы, и, следовательно, в срок получить среднее образование.

В начале июня 1941 г., сдав годовые экзамены, Иван Ковальченко в составе своей батареи отправился в Кубинку, в летние лагеря. В связи с началом войны батареи специальных артиллерийских школ были срочно отозваны со сборов и вернулись в Москву. «Спеццы» влились в формирования москвичей для строительства Можайской линии обороны. С началом бомбардировок они дежурили на крышах, обезвреживали зажигательные бомбы, их привлекали к патрулированию в городе. Как и большинство его товарищей, Иван Ковальченко участвовал в бурных комсомольских собраниях,

слушал увещевания преподавателей о необходимости завершить школьное образование и... рвался на фронт.

Оставив спецшколу, около двух месяцев, с сентября по начало ноября, он обучался в Рязанском артиллерийском училище, в октябре добился призыва Москворецким РВК в Красную Армию (близкие Ивану Дмитриевичу люди свидетельствовали о том, что он признавался, что для этого прибавил себе возраст и делал это дважды — при поступлении в училище и когда в училище шла запись в добровольцы), и за две недели до своего 18-летия ушёл на фронт.

Достоинство завершив ратное дело, в ноябре 1945 г. Иван Дмитриевич Ковальченко вернулся домой. Ему снова нужно было определяться с выбором дальнейшего пути. О карьере военного он теперь не задумывался, поскольку был комиссован с инвалидностью II группы, навоюался и очень соскучился по школе.

Для ещё очень молодого, но уже очень хорошо знавшего меру вещам человека общий план его дальнейшей жизни был совершенно ясен. Ему предстояло продолжить своё образование — окончить среднюю школу и поступить в вуз.

К реализации этого плана он приступил незамедлительно. В течение года Иван Ковальченко экстерном осваивал программу старших классов средней школы в школе рабочей молодёжи. В то же время, в начале 1946 г., он устроился на работу в Московский Дом учёных АН в качестве киномеханика и дежурного электромонтёра, и работал там до поступления в университет. Несмотря на солидный перерыв, он не только не утратил вкуса к учёбе, но и не растерял навыки учиться. Итоговые экзамены были сданы на «отлично», школа была окончена с золотой медалью.

Правда, своё поступление в университет Иван Дмитриевич был вынужден отложить на целый год, как был вынужден периодически приостанавливать работу в Доме учёных. Война, помимо уже имеющейся инвалидности, напоминала о себе новыми проблемами со здоровьем. Как писал позже сам Иван Дмитриевич, перенапряжение и недоедание мстили за себя, когда наступило расслабление. В конце 1946 г. он заболел туберкулёзом. В голодной Москве преодолеть эту напасть было невероятно трудно, поэтому зиму 1947 г. ему пришлось провести в Новеньком, у тётки. Юг Брянщины, «счастливым уголком», избежал той страшной засухи 1946 г., следствием которой стал голодный период 1946–1947 гг.¹

В Московский университет Иван Дмитриевич Ковальченко пришёл только летом 1947 г. и ему ещё предстояло окончательно определиться с выбором профессии, а выбор был не так уж и очевиден.

Он бы предпочёл физику, но этот путь был отсечён войной в облике подорванного здоровья. Приходилось выбирать из приемлемого. Не случайно, Иван Дмитриевич

---

¹ Причинами голода 1946–1947 гг. стали последствия Великой Отечественной войны, огромные материальные и человеческие потери, которые понес СССР в комплексе с неурожаем 1946 г. Засуха охватила все зерновые районы в европейской части СССР и стала самой сильной в первой половине XX в. на территории нашей страны. В то же время в Сибири не прекращались дожди. Урожай 1946 года стал едва ли не самым маленьким в истории СССР, но реальная урожайность была намного ниже. Из-за нехватки рабочих рук, техники и лошадей были значительны потери зерна при уборке. По тем же причинам намного ниже нормы было собрано картофеля. Засуха нанесла большой ущерб животноводству, снизилось производство яиц, молока и молочных продуктов. В стране до 1948 г. функционировала пайковая карточная система снабжения хлебом разных категорий граждан. Численность снабжавшихся хлебом утверждалась ежемесячно Советом Министров СССР. В итоге особенно тяжелыми были последствия для сельского населения, пострадавших от засухи регионов. Городское население в целом было минимально обеспечено самым необходимым продовольствием. При этом нормы снабжения по карточкам разных категорий городского населения в течение 1946 г. и до нового урожая 1947 г. несколько раз менялись в сторону их сокращения. От голода 1946–1947 гг. и связанных с ним болезней в СССР умерло от 770 до 774,5 тысяч человек.

спустя, без малого, полтора десятка лет, определял этот процесс как «полустихийный» и, будучи уже кандидатом исторических наук, доцентом, заместителем декана исторического факультета, не был до конца уверен в правильности принятого решения («<...> хотя история мне очень нравится») (И.Д. Ковальченко, 2004: 407).

Выступив против физики, война сыграла на стороне исторической науки. У гвардии сержанта, артиллериста Ковальченко были к истории вопросы, ответить на которые, по его мнению, могла как раз историческая наука. Война, толкнув «мысль многих в сторону явлений общественных, вызвала естественный интерес к причинам, определяющим события в жизни людей» (Там же). Война заставила его задуматься о том, чем определяется историческое развитие — определёнными законами или случайным стечением обстоятельств, и о том, как возможно появление в человечестве той изумительной идеологии, которая породила это страшное испытание.

На исторический факультет МГУ Иван Дмитриевич Ковальченко поступил как золотой медалист, без экзаменов, пройдя только через формальную процедуру вступительного собеседования.

Думается, то, что представлялось Ивану Дмитриевичу ситуативным решением, в действительности было определено иными механизмами. Нет сомнения, что, стань он физиком, он и на этой стезе достиг бы значительных успехов. Но в исторической науке он был намного нужнее.

***

В первые послевоенные десятилетия коллективный портрет отечественного студенчества в значительной его части формировался вернувшимися на студенческую скамью после демобилизации, либо впервые пришедшими в вузы фронтовиками. Перефразируя И.Д. Ковальченко, те, кто познал цену жизни и умел ценить те блага, которые она давала, рвались к знаниям и науке, учились весьма усердно, хотя часто и не очень умело.

Вне зависимости от реальной разницы в возрасте (она чаще всего была небольшой), фронтовики, в силу военного опыта, были значительно старше своих сокурсников, пришедших в вуз после школы. На фронтовиков равнялись, у них учились. По меткому определению одного из младших сокурсников Ивана Дмитриевича, Ю.С. Кукушкина¹, фронтовики были, не ставя специально перед собой такой задачи, одноклассниками-наставниками для них, недавних школьников: «Оторванные в годы войны от учёбы, они как бы стремились наверстать упущенное, занимаясь с невиданной настойчивостью, с самоабвением, с самоотверженностью. Они являли собою замечательный пример того, как надо учиться» (Материалы, 1997: 23).

Студенты первых послевоенных лет дружили, учились, трудились, отдыхали — жили — «наперегонки» и чаще всего вместе. Они сами, сверх нормы, предусмотренной учебным планом, предлагали разнообразные виды подготовки и вовлекали в свои затеи преподавателей. В числе таких нововведений была, например, практика составления индивидуальных планов учебной самостоятельной работы со строгим «общественным» контролем их исполнения. Инициативой «снизу» для лучшего изучения социально-экономических дисциплин в рамках групп на регулярной основе проводились студенческие теоретические конференции, в каждой из которых должны были участвовать все без исключения члены группы. В недрах курса Ивана Дмитриевича Ковальченко родилось, и с 1949г. стало правилом, предложение о распространении практики коллоквиумов на все дисциплины. Студенты этого курса с целью повышения качества подготовки

---

¹ Кукушкин Юрий Степанович (1929–2019) — д.и.н., профессор, академик РАН, декан исторического факультета МГУ (1971–1995), зав. кафедрой отечественной истории XX–XXI вв. (1977–2013).

на третьем году обучения ввели в группах «собеседования», то есть обмен сообщениями по прочитанным по определённой теме заранее распределённым материалам.

По воспоминаниям самого Ивана Дмитриевича: «Состав студентов наложил печать на всю жизнь университета. Отличительным моментом была творческая и научная постановка вопросов в процессе преподавания <...> чаще всего активно и интересно. <...> Проводилось множество больших и маленьких дискуссий <...> все эти споры сыграли огромную роль. Они учили широко мыслить, обобщать, помогли хорошо подготовиться теоретически. Хорошая же теоретическая подготовка и умение самостоятельно работать над источниками и литературой <...> вот главное, чему научили всех нас в университете» (И.Д. Ковальченко, 2004: 408).

Спортивный молодой человек в военной гимнастёрке с армейским ремнём, фронтовик Иван Ковальченко уже в первый год стал одним из лидеров своего курса. Он отлично учился, был одним из самых талантливых и активных членов Научного Студенческого Общества. Его студенческие работы и доклады не раз отмечались грамотами и первыми премиями на конкурсах разного уровня.

Будучи одним из лучших в делах учёбы, Иван Дмитриевич активно участвовал и в общественной жизни факультета. Партиец Ковальченко охотно работал в комсомольской организации. Какое-то время, на первых курсах, он был председателем курсового бюро ДОСАРМА¹.

Студенты своими силами ремонтировали общежития и организовывали курсовые вечера отдыха с концертами и танцами, участвовали в военно-спортивных соревнованиях, ходили в походы и ездили в колхоз. Экскурсии, походы в театр, кино или на концерт, дни рождения и праздники нередко тоже были делом коллективным.

Студенческая пора в жизни многих — время самоопределения на всю последующую жизнь. Студенты обзаводятся семьями, и Иван Дмитриевич Ковальченко эту сторону своей жизни тоже определил, будучи студентом. Он женился, и в ноябре 1950г. на свет появилась его единственная дочь — Марина.

Вместе с тем, именно в этот период он должен был сделать очередной судьбоносный выбор — определить предмет своих научных занятий на много лет вперёд.

И снова выбор был не вполне очевиден.

Следуя тому компромиссному решению, которое он принял при выборе факультета, Иван Дмитриевич предполагал заняться изучением истории фашизма. Однако, как сам позже рассказывал, очень скоро понял, что в силу недоступности источников это его намерение пока нереализуемо.

Значит, опять нужно было выбирать из возможного. А круг возможностей для Ивана Ковальченко ограничивался тем фактом, что он, по органическому свойству своей природы, мог быть частью только большого, нужного, общего дела, в котором участвуют не только потому, что хочется, но и потому, что должно. Как говорится, летать, так летать...

В конечном итоге, его дальнейший путь определился пересечением ряда обстоятельств.

Первым из таких обстоятельств было изменение историографического ландшафта.

В первое послевоенное десятилетие в советской исторической науке, не без труда и не без сопротивления, разворачивались те трансформационные процессы, которые начинались ещё до войны, но были ею несколько приторможены. Романтика революции, а следовательно, преобладание в научной проблематике схоластики классовой борьбы и апологии разного рода освободительных движений, неизбежно должна была

---

¹ ДОСАРМ — Всесоюзное добровольное общество содействия армии (1948-1951).

потесниться и уступить место прагматике созидания, а значит, понимающему знанию. На первый план в исторических исследованиях стали выдвигаться вопросы экономического развития и политико-экономические сюжеты. Знаковым событием в этом смысле стал выход в свет в 1946 г. 1-го тома большого исследования Н.М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва».

Вообще же в Московском университете социально-экономическая проблематика присутствовала уже в серьёзном представительстве, ею занимались выдающиеся учёные и преподаватели. Так, семинар по аграрной истории Европейского позднего средневековья вёл С.Д. Сказкин, в рамках семинаров по истории СССР вопросами социально-экономического развития России в XVIII — начале XIX в. занимался Н.Л. Рубинштейн, спецкурс о зарождении и развитии капитализма в России читал В.К. Яцунский.

Студент Ковальченко, будучи слушателем и участником этих занятий, не мог не окунуться с головой в эту область научного знания, потому что он был, по сути, Иван-крестьянский сын, и это — второе обстоятельство из тех, что определяли его будущность.

Родители Ивана Дмитриевича вышли из крестьянского состояния, сам он жил в деревне только до семи лет — всё так. Но связи, ни с его малой родиной, ни со средой, в которой он родился, конечно, не могли быть утрачены полностью.

Школьником Иван Ковальченко жил у родственников в деревне на летних каникулах, после войны спасался там от туберкулёза, студентом приезжал туда дважды в 1948 и 1950 гг. Таким образом, по крайней мере, на момент профессионального самоопределения он был в деревне своим среди своих. Он имел возможность, пусть кратко, но изнутри наблюдать и деревню периода коллективизации, и послевоенное состояние деревни в восстановительный период. Зимой 1947 г. он почти ежедневно был свидетелем того, как с просьбой о помощи в избу заходили люди из голодающих районов — и орловские, и курские, и черниговские. Размышляя о судьбах крестьянства, он размышлял о путях страны и народа в целом и, в каком-то смысле, о себе. Он стремился понять, в чём причины успехов и неудач колхозного строительства, почему так медленно восстанавливалось крестьянское хозяйство после войны, почему так велик отлив населения из деревни в город. Его интересовали вопросы хозяйственной организации и организации руководства сельским хозяйством, вопросы психологии и мировоззрения крестьян на разных исторических этапах.

Обновляющаяся историческая наука предлагала Ивану Дмитриевичу инструменты познания. К тому же, социально-экономическая проблематика давала возможность полнее реализовать его многочисленные дарования, максимально сблизить историю и точное, объективное знание, к которому он был предрасположен ещё в школе. Богато одарённая натура, таким образом, была ещё одним судьбоносным обстоятельством и даже в известном смысле диктатором в биографии Ивана Дмитриевича Ковальченко.

К концу второго курса студент Ковальченко уже твёрдо определился и с выбором кафедры специализации и с основным предметом своих научных изысканий. Он пришёл на кафедру истории СССР, чтобы изучать аграрную историю России XIX века.

Правда, ему снова пришлось преодолевать некоторые препятствия и принимать компромиссные решения.

Иван Дмитриевич предполагал специализироваться у Н.Л. Рубинштейна, который уже на первом курсе на практических занятиях в Центральном государственном архиве древних актов (ныне РГАДА) познакомил своих студентов с источником по социально-экономической истории XVIII в. — Экономическими примечаниями к Генеральному межеванию, и дал им возможность с этим источником поработать.

Но в ходе кампании по борьбе с космополитизмом зимой 1949 г. профессор Рубинштейн был уволен из университета и научным руководителем Ковальченко стал профессор С.С. Дмитриев. Последний был специалистом по изучению общественных движений и истории русской общественной мысли XIX — начала XX в., хотя не избегал обращения к вопросам, связанным с экономикой. В 1940 г. С.С. Дмитриев защитил диссертацию об экономических воззрениях славянофилов. Осенью 1950 г. он объявил спецсеминар «Вопросы сельского хозяйства в общественно-научной мысли России в конце XVIII — первой половине XIX в.». Таким образом, под руководством С.С. Дмитриева проблему аграрного строя Иван Дмитриевич мог исследовать преимущественно историографически.

Впоследствии, уже маститый учёный, он с признательностью вспоминал о рекомендации С.С. Дмитриева двигаться таким путём и о принятом некогда компромиссном решении, поскольку это способствовало формированию широкого взгляда на проблему или, как формулировал сам Иван Дмитриевич, дало ему возможность быть многогранным в своих исследованиях.

Первым опытом такого исследования стала курсовая работа «Вопрос о вольнонаёмном и крепостном труде в сельскохозяйственном производстве в начале XIX в. по задачам Вольного Экономического общества», а в 1952 г. Иван Дмитриевич Ковальченко подготовил и защитил дипломную работу под названием «Основные направления общественно-научной мысли России в решении крестьянского вопроса в конце XVIII — начале XIX в.».

В 1952 году Иван Дмитриевич Ковальченко получил диплом с отличием. Его профессиональный путь был определён и в целом, и в деталях. Впереди была аспирантура и долгие годы напряжённой, разнообразной, плодотворной и очень красивой и яркой научной работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (Москва, МГУ, 2-3 декабря 1996 г.). М., 1997.

Иван Дмитриевич Ковальченко (1923-1995): К 75-летию со дня рождения. М., 1998.

Милов Л.В. Творческий путь академика И.Д. Ковальченко // Исторические записки. 2 (120). М., 1999

И.Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания. М., 2004.

Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (МГУ, 1–2 декабря 2003 г.). М., 2006.

Шикло А.Е. И.Д. Ковальченко - ученый, педагог, организатор, человек // История и историки: историографический вестник. 2006. М., 2007.

Монахов Н.Я. К 60-летию создания специальных артиллерийских школ // Военная Мысль. 1998. № 1.

Монахов Н.Я. Специальные артиллерийские школы // Бомбардир. 2000. №9.

Спецшкола для пушкарей // Красная звезда. 17 ноября 2001 г.

Сыченков Б. П. Юные «боги войны». М., 2006.

ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ И ПРАВЛЕНИЯ ИВАНА IV В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ ЕГО МЛАДШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Литературный образ Ивана IV (1533–1584 гг.) начинает свою историю со второй половины XVI века: еще во времена правления Ивана IV книжники составляли описания его царствования на страницах общерусских и локальных летописей, а также историко-публицистических сочинений. Так возникали первые многосоставные, но при этом «однаправленные» образы Ивана Васильевича — например, такие, как идеальный христианский правитель или кровопийца-тиран.

Впервые относительно «сложная» и комплексная оценка личности и правления Ивана Грозного появляется в русской книжности на страницах сочинений младших современников царя, то есть в конце XVI — первой трети XVII вв. Речь идет, прежде всего, о следующих памятниках: Пискаревский летописец (далее — ПЛ), Русский Хронограф 1617 года (далее — РХ 1617 года), «Летописная книга» И.М. Катывева-Ростовского и «Временник» Ивана Тимофеева.

Вопрос комплексного изучения историко-публицистических памятников, созданных младшими современниками Ивана IV, впервые поднимается в исторической литературе конца XIX века — начале XX века, с появлением работ, посвященных исследованию политической и религиозно-философской мысли позднего Средневековья.

Одним из таких научных сочинений является фундаментальный труд известного историка императорской России С.Ф. Платонова — «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник». Обобщающая монография включает источниковедческие обзоры памятников младших современников Ивана Грозного, помещенных автором в социально-политический контекст эпохи. Проведенная Платоновым атрибуция «Летописной книги», «Временника» и РХ 1617 года, а также оценка стилистических особенностей памятников и их состава, сосредотачивает исследование, прежде всего, на проблемах идейно-просопографического поля (Платонов, 2010: 310-345, 352-369, 376-394), при этом оставляя вопрос «исторических оценок» книжников за пределами монографии.

В советское время этого аспекта отчасти касаются Р.Ю. Виппер (Виппер, 1922: 106) и С.Б. Веселовский (Веселовский, 1963: 11–77), большей частью, последний. Оба упоминают тенденциозность некоторых младших современников Ивана IV в их «исторических» описаниях, которая обусловлена, по мнению исследователей, политической заинтересованностью книжников или их личными мотивами.

В постсоветской историографии комплексное изучение историко-публицистических памятников конца XVI — начала XVII в. осуществляется в источниковедческом и историко-культурном ключе. За это время была проведена серьезная работа по изучению достоверности сведений рассматриваемых памятников (Володихин, 2018), выполнены фундаментальные исследования их атрибутивных характеристик и особенностей источниковой базы (Солодкин, 1997), а также разработан вопрос отражения в них национально-религиозного сознания (Юрганов, 1998). Несмотря на значительную изученность содержательных и внешних аспектов данной группы источников, вопрос исторического образа личности и правления Ивана IV во взятых суммарно сочинениях младших современников, имевших возможность увидеть итоги правления царя, не был раскрыт до сих пор. Он и является задачей настоящей статьи.

Несмотря на наличие в ПЛ, РХ 1617 г., «Летописной книге» и «Временник» адаптации описываемой реальности под тексты Священного Писания и сюжеты религиозно-философских сочинений, провиденциализма, слитности понятий «государ-

ственного» и «государева» и т. д., рассматриваемый комплекс памятников отличает одна особенность, позволяющая выстраивать разноплановый (и, соответственно, более приближенный к исторической действительности) образ Ивана Грозного. В изложении происходит появление определенной «историчности» и формируется ретроспективность авторской оценки.

Возникновение этого историографического (в широком смысле) явления объясняется, прежде всего, источниковедческими аспектами. Все памятники рассматриваемого корпуса представляют собой авторское видение *исторической* действительности, основанное как на собственных впечатлениях книжников, так и на переосмыслении использованных ими *источников* — авторы сочинений застали эпоху Ивана Грозного только в юном возрасте и судили о ней по оставшимся свидетельствам, при этом переживая *итоги* правления первого царя России.

Так ПЛ, возникший в приказной среде, предположительно был составлен участником подписания «утвержденной грамоты» Бориса Годунова и сторонником «партии» Шуйских — дьяком Нечаем Перфильевым. В основу оригинальной компиляции, которая восходит к Воскресенской летописи и Летописцу начала царства, автором был положен летописец, первоначально доведенный до 1612–1613 гг. При этом в данном летописце не обнаруживается полного текстуального сходства с официальными памятниками, а также присутствуют статьи, представляющие собой значительно переработанную часть Сокращенного временника или же полностью оригинальные известия, что свидетельствует об авторском переосмыслении исторической действительности (Солодкин, 1990: 395–396; Хазанова, 2014: 150).

Теоретическое осмысление Основной редакции РХ 1617 г. также опирается в историко-текстологическое изучение определенного сплава идей, созданного современником Смуты. С одной стороны, по принадлежности к редакциям Русского Хронографа памятник тяготеет к «официальному полю»: РХ представлял собой компилятивный источник, целью создания которого являлось распространение идей преемственности русской государственности от Византии и демонстрацию исторического пути России в качестве заключительного этапа истории крупнейших мировых монархий. С другой стороны, за столетие существования русского хронографического источника его особенности пережили определенные трансформации. Автор, создавший РХ 1617 г., представил образ Ивана Грозного через собственную призму взглядов, оставаясь при этом, так или иначе, в рамках хронографической концепции изложения. Помимо этого, необходимо отметить лаконичность автора в описании фигуры Ивана IV, образ которого был рассмотрен в рамках небольшого очерка (Клосс, 1971: 246–255; Творогов, 1975: 41).

«Историческая концепция» публицистических сочинений обусловлена также особенностями их атрибуции и источниковой базы. Авторы «Временника» и «Летописной книги» были активными деятелями Смутного времени — это сказалось на интерпретации используемых материалов: жизнь Ивана Тимофеева была тесно связана с Новгородской землей, с сочувствующих позиций к которой выстроено повествование «Временника»; князь Катырев-Ростовский, сдержанный, чувствующий меру, по словам С.Ф. Платонова, представитель московской знати, отразил свою склонность к лаконичности и документальности в стилистических особенностях «Летописной книги» (Платонов, 2010: 384). Кроме того, стоит отметить, что нетенденциозная Повесть князя Катырева создается автором на основе разнородного летописного материала, хронографов и польско-литовских хроник. «Временник» же строится на основе личного опыта автора, сообщений официальной Степенной книги и новгородских документов (Державина, 1951: 352–353, 374; Рыбаков, 2007: 60–65; Зиборов, 1998: 52–59).

Предваряя описание направлений теоретического анализа первого ретроспективного образа Ивана IV, стоит обозначить детали его эмпирической модели. Феноменологическое осмысление рассматриваемого описания царствования Ивана Васильевича показало, что в данных источниках оценка *личности* Ивана Грозного является основной многосоставного образа, при помощи которой книжниками раскрываются другие предикаты.

Литературный образ личности Ивана Васильевича в указанных источниках, с одной стороны, наполняется положительными характеристиками: внимание книжников сконцентрировано, в первую очередь, на благочестивости Ивана IV, прежде всего, человека, христианина, а не правителя. В источниках встречаются частые упоминания молитв и «духовной страды» Ивана Васильевича, посещений царем монастырей и его щедрой помощи церковному миру (Тимофеев, 1907: 21, 27, 28, 97; Пискаревский летописец, 1978: 180, 185). К благочестию тяготеет и другой предикат — храбрость. Несмотря на то, что в источниках встречаются прямые указания на мужество царя — «*в бою смел*», «*крепокъ во бранехъ*», «*великъ в мужестве*», «*в бранехъ на супротивные искусень*» (Шаховской, 1987: 423; Тимофеев, 1907: 28, 192; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183) — книжники придают большее значение храбрости Ивана IV в другом понимании¹, подразумевая под этим качеством, прежде всего, желание христианина стяжать подвиг во имя православия. В первом ретроспективном образе царя можно реконструировать еще одно качество, относящееся к положительной характеристике личности — это мудрость. Примечательно, что именно младшие современники впервые показывают ум Ивана Грозного, прежде всего, с личностной стороны, а не административно-управленческой. На страницах формируется «образ» Ивана-книжника, Ивана-интеллектуала и Ивана-оратора: «...*был мужем (царь Иван. — М.М.) великого разума, в премудростях книжных искусен, весьма красноречив*» (Шаховской, 1987: 423; Тимофеев, 1907: 21–22, 192; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183). Авторы подчеркивают высокий уровень начитанности «*зело благоумного*» царя в религиозно-философском поле и его широкую осведомленность в иных вопросах человеческого бытия (Шаховской, 1987: 423; Тимофеев, 1907: 21–22, 192; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183).

С другой стороны, памятники представляют целый ряд отрицательных личностных характеристик фигуры Ивана IV, отличающихся большим разнообразием и, порой, противоречивостью. При попытке реконструкции образа (предиката) на основе рассматриваемого комплекса источников можно выявить «базовое» отрицательное свойство², на котором основываются дальнейшие описания личности в этом ключе — это слабоволие, слабохарактерность, слабый дух (напр., Тимофеев, 1907: 190–192). Такая черта приводила, по мнению книжников, во-первых, к безрассудству и неоправданной жестокости, основанной на вспышках ярости, отрицательно сказывавшейся как на личной жизни Ивана IV (Тимофеев, 1907: 192; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183), так и на функционировании государства в целом. Во-вторых, слабый дух оказывал негативное влияние на другие грани нравственности государя: источники описывают свойственные Ивану IV гордость (Пискаревский летописец, 1978: 192) и

¹ Источники называют царя храбрым, однако упоминание его мужества в рамках описания исторической действительности, практически не присутствует — авторы говорят лишь об участии царя в нескольких походах, но не описывают воинский подвиг, как это было принято в более ранней книжной традиции относительно других Рюриковичей.

² Катырев-Ростовский единственно обосновывает проявление отрицательных черт личности Ивана IV исключительно через греховность российского народа (Шаховской, 1987: 359), остальные источники рассматриваемого комплекса обращают внимание на слабость духа царя (которая была послана за грехи). Однако из-за чрезвычайной близости описаний проявлений отрицательных личностных черт царя, «Летописная книга» будет рассмотрена вместе с остальными источниками.

трусость (Пискаревский летописец, 1978: 192; Шаховской, 1987: 361), приводившую к опалам подозрительность (Пискаревский летописец, 1978: 194) и проявлявшуюся в многочисленных актах ограбления подданных корысть (Шаховской, 1987: 423; Тимофеев, 1907: 17-18, 30; Пискаревский летописец, 1978: 191), а также отмечают склонность царя к нечестивости и блуду (Тимофеев, 1907: 15; Шаховской, 1987: 423; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183). В-третьих, слабоволие монарха, согласно рассматриваемому комплексу источников, делало его человеком, легко подверженным чужому влиянию, что, по мнению авторов, лишало Ивана Васильевича суверенности в принятии решений и мешало рациональной оценке советов ближайшего окружения: жестокость, подозрительность, корысть и безнравственная жизнь царя поддерживались и развивались именно благодаря влиянию «злых советников», «варваров», «слуг Антихриста»: *«Увы! вся внутренняя ево (Ивана Васильевича. — М.М.) въ руку варвар быша»* (Тимофеев, 1907: 15, 16, 21; Пискаревский летописец, 1978: 190–192).

Источники также дают позитивные и негативные оценки определенным *государственническим* шагам Ивана IV, чаще всего коррелируя их с личностными характеристиками фигуры монарха. Для младших современников Иван Васильевич сочетал в себе образы законного царя-собирателя Руси и безумного тирана, мудрого военачальника и слабовольного неумелого стратега.

Внимание большинства авторов в построении образа Ивана-государя обращено, в первую очередь, к наследственно приобретенному правительственному чину Ивана Васильевича, который являлся, по меркам того времени, важнейшим фактором успешного и законного правления (Михайлова, 2010: 66). Согласно источникам, могущественная власть над *«вселенная»* и царское *«небесное благочестие»* достались наследнику московского великокняжеского трона от великих предков, среди которых книжниками упомянуты Василий III, Иван Великий, Даниил Московский, Константин и Владимир Мономах, Владимир Святой, Рюрик и Август Кесарь Римский (Тимофеев, 1907: 13–14; Пискаревский летописец, 1978: 180–181; Шаховской, 1987: 359). Однако при этом РХ 1617 года подчеркивает *неполноту* власти несовершеннолетнего правителя (Славянские и русские летописные статьи, 1869: 182), а Катырев-Ростовский прямо указывает на то, что Иван IV только *«когда достиг совершеннолетия, стал самодержавно владеть скипетром Российского государства и вести войны»* (Шаховской, 1987: 359).

Вторым показателем успешности Ивана-правителя в источниках выступают военные достижения царя. Все авторы безоговорочно подчеркивают значимость побед Ивана-военачальника, характеризуя внешнюю политику этого периода следующими словами: *«И прославил его Бог более всех сородичей его: прежде бывших царей и великих князей в превеликой Москве, и раскинулась держава его на огромном пространстве»* (Там же). Дьяк Иван Тимофеев в этом контексте называет Ивана Грозного *«вторособирателем всея Руския земля»* (Тимофеев, 1907: 192), описывая победоносные походы царя на татарские земли, благородную мстительность российского государя за причиненные русскому народу *«неправды»* и воинскую славу Ивана Васильевича, разошедшуюся по всей Земле (Там же: 21, 192–193). Описание военных успехов правителя конкретизируются в летописном и хронографическом материале: в нем присутствует прославление Ивана-военачальника во время Казанских войн (Пискаревский летописец, 1978: 176–177; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 184–185), Крымского похода 1555 года (Пискаревский летописец, 1978: 189), осады Полоцка (Там же: 190). В этих статьях книжники особенно подчеркивают духовное лидерство Ивана Грозного во время походов, его мотивационное поле внешнеполитического курса, заключавшееся в защите православия от поганых и личные заслуги как стратега и тактика (Там же: 184–190).

При реконструкции оценок внешнеполитической деятельности Ивана IV по рассматриваемому комплексу источников можно выявить и негативную окраску «образа» Ивана-правителя. Наиболее критичными оценками отличаются «Временник» и «Летописная книга», которые прямо указывают на внешнеполитические промахи Ивана Грозного. Осуждению подвергаются, прежде всего, стратегические действия царя во время Ливонской войны: если Катырев-Ростовский говорит лишь о том, что западная кампания — это обрушившаяся на Россию небесная кара за грехи народа, с которой не в состоянии справиться российский государь (Шаховской, 1987: 361), то Иван Тимофеев высказывает прямое порицание Ивану-военачальнику, утратившему благочестие (Тимофеев, 1907: 18). Книжник также сравнивает поражение Ивана Грозного — губительное нашествие Девлет-Гирея на Москву — с трехдневной моровой язвой, посланной народу Иудеи за грехи своего правителя — царя Давида, захватившего Иерусалим. Таким способом дьяк попытался показать прямую ответственность Ивана Грозного за сожженную татарами столицу (Там же: 18–19).

Более ярко выраженное осуждение заметно в описаниях опричной политики Ивана Грозного, которую авторы трактовали как гневное наказание Бога за грехи христианского мира (Шаховской, 1987: 359; Пискаревский летописец, 1978: 190; Тимофеев, 1907: 15–16; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183). Непосредственная вина самого царя в начале политики *«кровопролития и разделения России»* трактуется в книжности по-разному: Катырев-Ростовский и автор Пискаревского летописца видят первопричину опричнины в греховности населения, которая вызвала «небесное» наказание — невероятно развившуюся жестокость царя по отношению к своей пастве (Шаховской, 1987: 359; Пискаревский летописец, 1978: 190); дьяк Тимофеев указывает на то, что виноватым является именно царь, чей несправедливый «слабый дух» допустил самоуправство «варваров» и тем прогневил Бога (Тимофеев, 1907: 15–16); автор РХ 1617 года говорит, что *«предобрая супруга его (Анастасия. — М. М.) не во многихъ летехъ ко Господу отиде, и потом аки чужая буря велия припаде к тишине благосердия его»* (Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183).

Из описаний, относящихся к периоду после 1564 года, можно выделить несколько негативных «образов» Ивана Грозного — прежде всего, это Иван-тиран и Иван-палач.

Источники испещрены упоминаниями личного участия царя в казнях, его беспощадных расправ с населением, раскрывающими образ Ивана-палача: *«Упоиль (царь Иван. — М. М.) всю землю мою кровми, различными муками вся люди моя умучая, не токмо сушу покры, но и водное естество ими загусти»* (Тимофеев, 1907: 17). Встречаются упоминания лично совершенных царем убийств (Тимофеев, 1907: 18; Шаховской, 1987: 361; Пискаревский летописец, 1978: 191; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183) и насильственных действий по отношению к женщинам и младенцам (Шаховской, 1987: 361, 423), источники настойчиво показывают заинтересованность царя, прежде всего, в методах репрессивной политики, а не ее результатах: *«Лета 7078 положил царь и великий князь опалу на многих людей и повеле их казнити розными казньми на Поганой луже. Поставиша стол, а на нем всякое оружие: топоры, и сабли, и копия, ножи да котел на огне. А сам царь выехал, вооружася в доспехе и в шоломе и с копием, и повеле казнили дьяка Ивана Висковатова по суставом резати, а Никиту Фунникова, дьяка же, варом обварити...»* (Пискаревский летописец, 1978: 191).

«Образ» Ивана-палача в книжности тесно примыкает к «образу» правителя-тирана, который развивается и объясняется в едином идейном срезе рассматриваемых сочинениях. Все авторы единогласны в описаниях проявлений опричной политики «царя-тирана» — это разобщение и разделение России, разорение ее областей, массовые убийства — однако при схожести взглядов книжники различны в расстановке акцентов.

«Временник» направляет внимание читателя на массовое ограбление населения, церковной собственности и служилой аристократии во время опричнины, которое происходило, по словам автора, от большой корысти Ивана IV и его советников и привело к разорению страны: *«Кто идеже бе свидетелие симъ, со светилы небо и земля вкупе и со иже въ ней: корысти же вся людий моихъ царь по жребию равно съ рабы роздели»* (Тимофеев, 1907: 17). Вторым акцентом опричного «образа» Ивана IV по «Временнику» становится непосредственно репрессивная политика безумного царя-тирана, обернувшаяся многочисленными казнями и «страхом велием». Автор дает яркий портрет ее исполнителя — опричника, который становится на страницах источника не только палачом, но и знаком террора, умело продуманным жестоким царем: *«Вся отъ главы до ногъ въ черное одеяние облекъ (Иван опричников. — М.М.), сообразны одеждам ихъ и коня имъ своя имети повеле; по всему воя своя вся яко бесподобны слуги сотвори»* (Там же: 16). Третьим акцентом становится упоминание опричного разделения России безумным, находящимся под влиянием «варваров» Иваном IV, что приводит к ослаблению могущества недавно централизованного государства (Там же: 15). Эти же тенденции заметны в описаниях Катырева-Ростовского (Шаховской, 1987: 359-361), чье повествование отличается лаконичностью и отсутствием детализированности в изложении по сравнению с «Временником». Несколько другие акценты расставлены в опричном «образе», созданном на страницах ПЛ: автор обращает внимание на политику тирании Ивана Грозного, прежде всего, с точки зрения борьбы царя с изменами (Пискаревский летописец, 1978: 179, 191, 193). Опалы тракуются книжником как средство борьбы подозрительного, не терпящего нарушение своего самовластия царя, который установил политический надзор за аристократией и *«повеле их речи слушати и писать тайно»* (Там же: 194). РХ 1617 года занимает «центристское» место в комплексе мнений: редактор убежден, что опричнина — борьба царя с мнимой «крамолой», которая привела к хаосу, смутам и децентрализации еще во время правления Грозного (Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183).

Феноменологическую реконструкцию образа по рассматриваемому комплексу источников необходимо дополнить авторскими оценками наследия эпохи Ивана IV, которые стали неким итогом исторического понимания его фигуры младшими современниками.

К положительным результатам правления Ивана Грозного книжники относят достижения царя во внешнеполитическом курсе, которые дали недавно возникшей централизованной России определенный статус и славу на международной арене: *«Смерти же ево (царя Ивана. — М.М.) во странахъ языческихъ, яко о празднице светле, много сотворитися радость, и весело восплескаша рукама»* (Тимофеев, 1907: 193, 20; См. также Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183). Его внешнеполитический курс, несмотря на определенные промахи, по мнению авторов, не только заставил врагов бояться Россию и способствовал освобождению христианского населения от набегов татар, но и сыграл более глобальную роль — Иван Васильевич стал в определенном смысле «собирателем» исторических земель России и создателем огромной державы (Шаховской, 1987: 359, 361; Тимофеев, 1907: 20, 193).

В описаниях внутривластных итогов Ивана-правителя авторы более многословны и не склонны видеть преимущественно положительные результаты. Несмотря на вскользь отмеченное Иваном Тимофеевым укрепление самодержавной власти (Тимофеев, 1907: 192; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183), памятники указывают на значительный внутренний упадок государства, прежде всего, на остро стоящий вопрос о преемстве царской власти.

Проблема политического кризиса находит свое начало в описаниях постоянно возникающей в период правления Ивана IV проблемы престолонаследия¹. В историческом сочинении Ивана Тимофеева присутствуют специально введенные в повествование² упоминания обращений царя к Богу с просьбой о наследнике, царской молитвы о здоровье детей и записи о потерях преемников (Тимофеев, 1907: 24, 28). Несмотря на то, что трагическая гибель царевича Дмитрия и серьезная детская болезнь Ивана Ивановича рассматриваются книжником в контексте Божественной воли (Там же), повествование о дальнейших событиях показывает читателю непосредственную вину Ивана IV в случившемся после его смерти кризисе. «Временник» содержит последовательное описание инициированных царем насильственных пострижений жен наследника престола (Там же: 24), казни самого царевича Ивана Ивановича (Там же: 25), а также Владимира Андреевича Старицкого и его сына, которые являлись потенциальными преемниками престола (Там же: 30-31). Логика мысли книжника показывает безрассудство и безответственность действий Ивана Грозного, не способного пренебречь собственными страхами или разобраться в «наговорах» (Там же: 17, 30-31) ради решения крайне важной государственной проблемы (Там же: 30-31).

Авторы находят еще одну причину политического кризиса³, случившегося после смерти царя — нестабильность государственного аппарата власти, появляющаяся при «слабом духом» Иване Грозном и его самовольных «советниках-варварах». Иван Тимофеев описывает первые дни после смерти Ивана IV следующими словами, возлагая вину за случившуюся ситуацию на умершего: *«Велможя вся, от зазления его стужившие, сии угашениемъ живота ему оскорбишася тогда, печали не истинною, но в тайноприкровении лстивне... помале многи некия от синклит благородныя въ первыхъ, иже мнимыя стопы седины своя помазавше уханми мира...и волю свою творити начаша... о оставшемъ царе же Феодоре небрежше»* (Там же: 20). Однако созданный Иваном Грозный синклит, по предположению автора⁴, не просто начал сеять «которы и раздор» на государственном уровне, но и был причиной смерти самого царя, допущенной милостивым Богом⁵ (Там же: 19-20). Нестабильность политического аппарата после смерти Ивана Грозного отмечена и ПЛ, который не делает отсылку к правлению грозного царя, а говорит лишь о том, что *«ненавистник, враг роду христианскому и добродетелем (Антихрист. — М. М.) человеческим почал в боярех мятеж быти и разделение»* (Пискаревский летописец, 1978: 195).

Помимо политического вопроса «книжный» Иван Грозный оставил после себя еще и социально-экономический кризис: *«Множество людей от мала до велика в царствие свое истребил, многие города свои разграбил, многих священноначальников заточил и смерти жестокой предал»* (Шаховской, 1987: 423). Также уподобляя итоги правления Ивана IV «нашествиям нечестивых» (Тимофеев, 1907: 17), Иван Тимофеев отмечает массовый упадок хозяйства и внутреннюю «некрепость царства», которая со-

---

¹ Этот вопрос выделен только Иваном Тимофеевым, остальные авторы рассматривают проблему опосредованно.

² Тимофеев рассматривает семейную жизнь Ивана IV не описательно, а проблемно — пытаюсь объяснить впоследствии возникший династический кризис.

³ Этот вопрос выделен только Иваном Тимофеевым, остальные авторы рассматривают проблему опосредованно.

⁴ Другие источники рассматриваемого комплекса не дают такого предположения, сам автор рассматривает убийство Ивана Грозного как одну из возможных версий.

⁵ Дьяк двояко относится к смерти Ивана Грозного: с одной стороны, он считает, что прекращение жизни царя-тирана должно было благотворно сказаться для России, с другой стороны — не было достойного преемника для российского трона, что вело в конечном счете к ослаблению государства. Катыврев-Ростовский воспринимает смерть царя как исключительно положительное явление.

хранилась, согласно его наблюдениям, к моменту написания «Временника» (Там же: 16).

Таким образом, младшие современники Ивана Грозного создали образ монарха, сочетающего в себе множество свойств и качеств, порой очень противоречивых. Это построение книжников, прежде всего, двигалось не от идейного поля и не от личных симпатий, оно создавалось на основе авторского анализа. Об этом свидетельствуют присутствующие в сочинениях смысловые акценты на определенных событиях, уникальные трактовки явлений политической и экономической жизни грозненского времени, а также авторский отбор источников.

Необходимо отметить, что в изучаемом комплексе авторские интерпретации¹ действительности не всегда отличаются аргументированностью суждений. Яркие примеры такого явления — характерное отсутствие упоминания причин Новгородского похода во «Временнике»², общие слова Катырева-Ростовского о несправедливом кровопролитии безвинных из-за жестокосердия и корысти царя (Шаховской, 1987: 359-361), безапелляционная эсхатологическая трактовка причин введения опричнины автором «Пискаревского летописца»³. Очевидно, что это приводило к невольному усилению книжного образа обезумевшего и жестокого царя.

Гораздо ярче и основательнее проблескивают авторские интерпретации событий в «концептуальных» описаниях опричнины: как было видно из эмпирической части, каждый источник комплекса дает негативную оценку этой политики царя в целом (Шаховской, 1987: 359; Пискаревский летописец, 1978: 190; Тимофеев, 1907: 15-16), но при этом обосновывает свою трактовку разным набором фактов, среди которых расставляются определенные акценты, зависящие от восприятия книжника и логики его мышления. Такое же явление повторяется в описаниях и внешней политики Ивана Грозного (Шаховской, 1987: 361; Тимофеев, 1907: 18) — например, при оценке стратегического поведения царя по отношению к внешнеполитическому курсу на западном направлении.

Описание итогов правления царя также строится на основе анализа. Однако, в связи с тем, что книжники являются непосредственными современниками событий Смуты, изложение событий попадает под сильное влияние просопографического фактора. Наиболее яркими авторами для иллюстрации этого тезиса выступают дьяк Тимофеев и князь Катырев-Ростовский, активно принимавшие участие в политической жизни «смутного» Царства и пытавшиеся «удержаться» во время смены власти. Этот факт становится одной из причин их детального приоритетного рассмотрения политической нестабильности «постгрозненского» времени, социально-экономическая же сторона вопроса при этом уходит в сочинениях на второй план. Такой акцент устанавливается не только «механическим» путем, но и через авторские интерпретации отдельно взятых фактов исторической действительности, как, например, в случае упоминания Тимофеевым причин смерти царевича Ивана Ивановича (Тимофеев, 1907: 25; Володихин, 2018: 283). Летописный и хронографический источники в силу своей видовой принадлежности не дают ярко выраженной оценки наследия грозненского правления, но и в них прослеживается «завершающий этап» оценивания Ивана IV. ПЛ, чей автор — сторон-

¹ Авторские ретроспективные интерпретации являются главнейшим фактором субъективизации для двойственного образа Ивана IV во всем спектре предикатов, однако обзорность, «очерковость» большинства памятников позволяют порой *только обозначить* этот фактор.

² Стоит отметить, что жизнь Ивана Тимофеева была тесно связана с новгородской землей, поэтому в описаниях новгородского похода автор проявляет определенную пристрастность, которая проявляется в определенном «ужесточении» образа царя.

³ «*Не в кую нощную годину стояше святителю (Макарий. — М. М.) на обычной молитве и глагола великим гласом: "Ох, мне грешному, паче всех человек! ...Грядет нечестие и разделение земли! Господи, пощади, пощади! Утали гнев свой!"*». (Пискаревский летописец, 1978: 190)

ник «партии» Шуйских (Хазанова, 2016: 144-145), и автор Русского Хронографа 1617 года, создававшегося в первые годы правления Михаила Романова, были погружены, так или иначе, в атмосферу политического дележа власти, и потому тесно коррелируют с публицистами в оценках результатов правления Ивана IV (Пискаревский летописец, 1978: 194; Славянские и русские летописные статьи, 1869: 183).

Авторские интерпретации действительности создаются в том числе и с помощью отбора источниковой базы. Из теоретического и эмпирического осмысления отчетливо прослеживается авторская выборка источников в описании личности царя: «до-опричный» период в повествовании исследуемого корпуса основан на заимствованиях из памятников «официального» поля (напр., Воскресенская летопись, Лицевой летописный свод, Никоновская летопись и т. д.), опричный и «пост-опричный» период тяготеет к «оппозиционному» комплексу источников времени правления Ивана IV (напр., История А. Курбского, Псковский свод 1567 года и др.), что отражается, как на общей идейной линии повествования, так и на текстологическом уровне, например:

«Не мога сего терпети от безбожнаго их клятвопреступления... восхоте иди царская его держава сам» (Пискаревский летописец, 1978: 184)

«...приносяще (новые вельможи. — М. М.) ... души его вредъ, телесное паче нездравие и, вкупе же с симъненавидение ему на люди несоша» (Тимофеев, 1907: 15)¹

«Иван Васильевич... глаголит: «...Дерзаю и хощу итти против нечестивых варвар и хощу страдати за веру православную» (Александро-Невская летопись, 2009: 176-177.)

«Так вот они обводят мужа льстивыми словами, так вот они ниспроверяют христианскую душу царя, живущего порядочно и в покаянии» (Курбский, 2015: 121)

Стоит отметить, что в построении первого ретроспективного образа Ивана Васильевича было использовано иллюстрирование и дополнение исторической действительности сюжетами Священного Писания и религиозно-философских сочинений. Особенность этого текстологического явления в изучаемых описаниях, состоит в том, что она использовалась младшими современниками Ивана Васильевича в качестве инструментария — то есть для иллюстрирования моделей поведения, в то время как в более ранней традиции описания царствования Ивана Васильевича характерные штампы становились основой повествования (предикатов и образа) и адаптации действительности под тексты. Например, подробное раскрытие Иваном Тимофеевым и другими книжниками таких качеств Ивана IV, как слабость духа и неспособность противостоять варварам-язычникам (Тимофеев, 1907: 16; Пискаревский летописец, 1978: 190-192), приводивших царя к общему падению праведности, *иллюстрируется* на стихах из Второго Послания апостола Петра коринфянам (2. Кор.11:3) и Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова (Сир. 37:8-9):

«О семь чюдимся много, яко и сред умнымъ се мощи бы разумети, еже не яти веры врагомъ своим во веки; он же толикий въ мудрости (Иван. — М.М.) никимъ побегден бысть, разве слабостию своя совести, яко главу ему свою волею во уста аспида влагати» (Тимофеев, 1907: 15-16)

«Боюся же, да не како, якоже змий Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлеютъ и разумы ваши от простот, яже о Христе» (2. Кор.11:3)

¹*Здесь и далее:* в «таблицах» не обозначены все случаи проявления использования штампов (заимствований, генетических восхождений и т.д.); а представлены *наиболее яркие* примеры для иллюстративности теоретических суждений. Полный источниковедческий анализ видится задачей будущего.

«Увы! Вся внутренняя его въ руку варвар быша, и я же о немъ да сотвориши, лишише не глаголю — сам себе наветник быв. И симъ земли всей великъ расколь сотвори» (Там же)

«От советника храни душу твою и разумей первее, что ему потреба: самъбо себе совещаваешь» (Сир. 37:8-9).

Описание других отрицательных качеств личности царя авторы также дополняют (а также *разъясняют* и *усиливают*) через Священное Писание: подробно раскрытая в источниках склонность Ивана Грозного к сладострастию (Тимофеев, 1907: 15-17, 61; Шаховской, 1987: 423) описывается при помощи Послания апостола Павла к Галатам (Гал. 5:19-21), присущие «книжному» царю безрассудные жестокость (Тимофеев, 1907: 14-15, 30; Шаховской, 1987: 423; Пискаревский летописец, 1978: 191) и корысть (Тимофеев, 1907: 17-18, 30; Шаховской, 1987: 423; Пискаревский летописец, 1978: 191) рассматриваются под призмой библейской легенды про Авеля и Каина (Тимофеев, 1907: 30; Быт. 1-16, 25), а также стихов Первого послания к Тимофею святого апостола Павла (Шаховской, 1987: 423; Тимофеев, 1907: 15, 17, 31; Тим. 6:9) и Книги Притчей Соломоновых, где сказано: *«Глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его»* (Притч. 29:11; Шаховской, 1987: 359).

Не исключением становится и ретроспективный образ Ивана-государя, предикаты которого часто *иллюстрируются* широко известными в древнерусской книжности сюжетами. Например, вопрос влияния советников на государственные решения Ивана Грозного обозначается книжниками через отсылки к библейским описаниям пристрастности, идолопоклонничества, наущничества, что демонстрирует определенную взаимосвязь с «оппозиционным» блоком источников на уровне эксплансума и экспландум. Негативные оценки Ивана Тимофеева в отношении опричнины, которую он трактует как разделение царем государства для удовлетворения корыстных желаний приближенных варваров (Тимофеев, 1907: 17); описания ПЛ кровопролитий, случившихся по умыслу «злых людей» (Пискаревский летописец, 1978: 190-192); указания на фаворитизм (Тимофеев, 1907: 61) придворных лиц тесно коррелируют с сюжетами Нового Завета о лицепрятии (Рим. 2:11; 1. Тим. 5:21).

Однако ретроспективный образ содержит определенные штампы, которые были использованы в качестве идейного базиса суждений, а не иллюстративного материала. Например, доказательство личного «наследственного» благочестия Ивана IV первично основывается на провозглашенной в Священном Писании богоустановленности царской власти (Рим. 13:1). Используя сравнительно-текстологический анализ, можно выявить, что описание этого качества Ивана IV связано и с другим фактором «первичной» субъективизации — предикат выстроен с помощью использования заимствований из религиозно-философских работ, обосновывающих преемство Царств и высокое происхождение династии Рюриковичей: на основе «Сказания о князьях Владимирских» книжниками было создано описание унаследованного Иваном IV благочестия от Августа-Кесаря, Владимира Святого, Константина и Владимира Мономаха (Сказание о князьях Владимирских, 2006: 281-285). Такой толчок от идеи к действительности был обусловлен тяготением описания «до-опричного» периода к официальной модели образа Ивана Васильевича.

Такой же тип субъективизации характерен и для созданного образа христианина-воина (Тимофеев, 1907: 13, 28, 192; Шаховской, 1987: 423; Пискаревский летописец, 1978: 185), первично восходящего к библейским сюжетам (1. Тим. 1:18), а вторично — к древнерусской литературной традиции. Сюжет такого происхождения был позаимствован в описаниях, прежде всего, «духовного мужества» Ивана IV. Давний и хорошо знакомый книжнику «каноничный» образ князя, монаха или простого воина был внед-

рен в это описание личности Ивана IV. В этом сюжете младший современник двигался от идеи и традиции к исторической действительности.

Таким образом, первый ретроспективный образ Ивана Васильевича представляет собой многоаспектную оценку личности и правления монарха, которая приобрела элементы анализа и историчности. Для младших современников Ивана Васильевича, первый царь — фигура противоречивая, сделавшая много великого и множество ужасного. Рассмотренные направления «первичной» субъективизации указывают на то, что такая модель описания была уникальна для литературного образа Ивана Грозного: в ней сочетались старое — стремление к адаптациям, и новое — попытки анализа с элементами иллюстрирования, дополнения и «эмфазы».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров-Невская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М., 2009.
- Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Вишпер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922.
- Володихин Д.М. Иван IV Грозный: Царь-сирота. М., 2018.
- Державина О.А. К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 13. М.; Л. 1957. С. 672-688.
- Зиборов В.К. Повесть книги сея от прежних лет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 52-59.
- Клосс Б.М. О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Т. 26. Л., 1971. С. 246-255.
- Курбский А. История о делах великого князя московского / Под ред. Ю.Д. Рыкова; пер. А.А. Алексеева. М., 2015.
- Михайлова И.Б. И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010.
- Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.
- Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени // Собрание сочинений С.Ф. Платонова. В 6-ти тт. Т. 1. М., 2010.
- Рыбаков Д.А. «Временник Ивана Тимофеева» — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2007. № 2 (28). М., 2007. С. 60–65.
- Сказание о князьях владимирских // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. СПб., 2006.
- Славянские и русские летописные статьи второй редакции Хронографа // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Под ред. А. Попова. М., 1869.
- Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. М., 1997.
- Солодкин Я.Г. По поводу атрибуций Пискаревского летописца // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 387–396.
- Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Тимофеев И. Временник дьяка Ивана Тимофеева // Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб., 1907.
- Хазанова С.И. Пискаревский летописец. Происхождение, источники, авторство. М., 2014.
- Шаховской С.И. Летописная книга. Шаховской С. И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI- XVII века. М., 1987.
- Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

КНЯЗЬЯ ЩЕНЯТЕВЫ — ВОЕВОДЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI В.

Историческая память избирательна. Княжескому семейству Щенятевых в этом отношении явно не повезло: на страницах исторических исследований и научно-популярной литературы представители этого рода появлялись от случая к случаю, их имена упоминались лишь вскользь, как бы ненароком. Несмотря на живой интерес, который историческая наука в последние десятилетия проявляет к истории аристократических родов и воеводскому корпусу XVI в., сколь-нибудь значительной работы о князьях Щенятевых так и не появилось. За прошедшие полтора столетия уровень изученности этой княжеской фамилии не поднялся выше сухих словарных статей¹. Попыткой хотя бы отчасти исправить подобную несправедливость должно стать монографическое исследование, в настоящее время подготавливаемое автором данных строк. Тем не менее, вопрос о воеводском умении Щенятевых, их вкладе в военную историю Московской Руси XVI в. требует отдельного рассмотрения в рамках настоящей статьи.

Княжеский род Щенятевых продержался на исторической арене крайне недолго — в течение жизни двух поколений. Из его рядов вышли лишь трое государственных и военных деятелей: основатель рода Михаил Данилович Щенятев и его сыновья Василий и Петр Михайловичи. Несмотря на это, Щенятевы, несомненно, сослужили большую службу московским государям — Василию III и Ивану IV Грозному, оставив заметный след в истории России XVI столетия. Прежде всего — в военной сфере.

Семейство Щенятевых происходило от выехавшего на Русь в 1408 г. и перешедшего на службу Москве потомка литовского правителя Гедимина — князя Патрикия Наримонтовича. Правнук Патрикия, князь Даниил Васильевич Щеня, был одним из наиболее выдающихся государственных и военных деятелей времени правления Ивана III и Василия III. На его счету числилось немало славных побед: взятие Вятки (1489), Вязьмы (зима 1492/93), Смоленска (1514), походы «на свейские немцы» (1496 и 1501), разгром литовского войска в крупном полевом сражении на Ведроше (1500)². Тактический талант князя Даниила не вызывал у современников ни малейшего сомнения.

Сын Даниила — Михаил Щенятев — не был начисто лишен военного дарования, но и выдающимися полководческими способностями, по-видимому, не обладал. Начиная с 1510 г. Михаил Данилович Щенятев привлекается великим князем Василием III к выполнению важнейших государственных дел и поручений (БАН. Арханг. собр. Д. 193. Л. 442 об., 444; Масленникова, 1955: 193; Иоасафовская летопись, 1957: 159)³. Впервые на поле боя он появляется в мае 1512 г.: при отражении набега крымских «царевичей» на Белевские и Одоевские места Щенятев получает место первого воеводы Большого полка, фактически — главнокомандующего пятиполковой русской армией.

¹ Лишь Н.С. Борисов посвятил военной деятельности князей Щенятевых отдельный краткий очерк в научно-популярной книге о русских полководцах XIII–XVI вв., правда, опираясь при этом практически исключительно на данные Русского биографического словаря 1912 г. (Борисов, 1991: 19–20; Борисов, 1993: 150–153).

² Краткий обзор боевых выходов Щени см.: (Зимин, 1988: 32–33).

³ В ряде частных разрядных книг конца XVI — первой половины XVII вв. М.Д. Щенятев упоминается под 1492 г. как первый воевода полка Правой руки в походе на Вязьму (Разрядная книга, 1977а: 37; СПбИИ РАН. Колл. 115. № 93. Л. 20 об. — 21; РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 4464. Л. 13 об.; РНБ. F.IV.174. Л. 67; РНБ. Q.IV.86. Л. 160). В действительности, эта запись является дублетом позднейшей воеводской росписи, относящейся к марту 1513 г. (Разрядная книга, 1977а: 129–130). В специальном исследовании А.А. Зиминой, посвященном вопросам текстологии «Пространной» редакции разрядных книг, этот дублет не указан (Зимин, 1992: 153–167). Ошибка составителей разрядных книг неоднократно воспроизводилась в исследовательской литературе; не выявил ее на раннем этапе исследования и автор данных строк (Володихин, 2011: 92; Темушев, 2013: 76; Белов, 2019б: 7).

Для первого зафиксированного в источниках боевого выхода это очень почетное назначение! До открытого боестолкновения в тот раз дело не дошло, при приближении государевых воевод татары отступили в степь. По всей видимости, посланное против крымцев войско было невелико — каждый из пяти полков возглавлялся лишь одним воеводой (Разрядная книга, 1966: 45; Разрядная книга, 1977а: 115–116; ПСРЛ, 1853: 252; ПСРЛ, 1904: 15; РГАДА. Ф. 181. Д. 11. Т. 3. Л. 208 об. — 209; РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 365. Л. 50). В этой ситуации оказавшийся во главе Большого полка и всего русского войска и не имевший в «товарищах» более опытных военачальников Михаил Щенятев становился не только формальным, но и реальным руководителем ответственной боевой операции¹. Значит ли это, что у него был какой-то боевой опыт, не нашедший отражения в летописях и разрядных книгах? На этот вопрос ответить наверняка невозможно.

Так или иначе, руководство военного ведомства и лично Василий III доверяли князю Михаилу и не сомневались в его полководческих способностях. С началом очередной русско-литовской войны Михаил Данилович возглавил полк Правой руки в армии своего отца Даниила Щени. В этом качестве он дважды — летом 1513 г. и летом 1514 г. — ходил в поход на Смоленск, участвовал в триумфальном «Смоленском взятии», после которого сразу же получил новое воеводское назначение, взяв под команду Передовой полк. Усиленный смолянами полк Щенятева совершил успешный рейд вглубь литовской территории, в ходе которого власть Москвы безропотно признали города Мстиславль, Кричев и Дубровна (Разрядная книга, 1966: 51–53; Разрядная книга, 1977а: 129–131, 135, 137, 142–144; Иоасафовская летопись, 1957: 164). И если во время похода 1513 г. Щенятеву в «товарищи» был придан опытный воевода князь П.С. Лобан-Ряполовский², то уже в 1514 г. вторым и третьим воеводами в полку Михаила Даниловича значатся совсем неопытные князья Н.В. Хромой-Оболенский и И.Ф. Бородастый-Ушатый³. Не исключено, что внезапное появление Михаила Щенятева на ключевых военных должностях в 1512–1514 гг., а также пожалование ему боярского чина в мае 1514 г. (Корзинин, Штыков, 2017: 332, 336) было напрямую связано со старением его отца Даниила Щени. Василий III словно бы готовил Щене замену, постепенно вводя Михаила в среду высшего генералитета и в Боярскую думу. Со смертью Даниила Щени в 1515 г. Михаил из года в год получает ответственные назначения, однако, насколько известно, в открытых столкновениях с противником более не участвует. Михаила предпочитали держать в качестве городского воеводы или воеводы на Берегу — южном рубеже Московского государства. В 1516 г. князь воеводствует в Вязьме (Разрядная книга, 1966: 59). Осенью 1517 г. во время наступления литовских войск на псковские пригороды он был послан в Серпухов к удельному князю Андрею Старицкому, заменив на боевом посту воеводу князя Д.В. Ростовского (Там же: 61). На следующий год возглавляет пятиполковый заслон на «Берегу», в Серпухове — на случай, если союзный Литве крымский хан вздумает ударить по русским землям с юга (Разрядная книга, 1977а: 158; Разрядная книга, 1989: 143). Весной 1520 г. Щенятев назначается

---

¹ В состав Большого полка вошли также удельные полки князей В.И. Шемячича и В.С. Стародубского — в то время служивые князья регулярно выступали в поле во главе собственных полков. Однако никакого реального участия в управлении всей русской армией они принимать никак не могли — эта задача целиком и полностью ложилась на плечи М.Д. Щенятева. Запись Собакинской разрядной книги однозначно свидетельствует о раздельных действиях удельных князей и государевых воевод в весеннюю кампанию 1512 г.: «и те воеводы до татарсково приходу на одоевские места в Северу ко князем прити не успели» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Д. 110. Л. 27–28 об.).

² Участник похода на Северу, воин с Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским (Разрядная книга, 1966: 22, 33, 35, 37, 39, 43, 46, 49).

³ Для обоих этот поход стал, судя по всему, первым боевым назначением — ранее их имена в разрядах не встречаются.

первым воеводой русских ратей в предстоящем походе на Литву. Полки князя уже были собраны в Дорогобуже, когда из Москвы прибыла весть об отмене экспедиции (Сборник, 1887: 213; Сборник, 1882: 564). В 1520–1521 гг. продолжает прикрывать южные рубежи, стоя во главе полков в Тарусе, а после опустошительного крымского набега 1521 г. — в Серпухове (Разрядная книга, 1966: 66–67; Разрядная книга, 1977а: 173, 177, 180). В мае 1522 г., накануне ожидаемого нападения татар, Михаил Данилович с сотней «лучших» дворян сопровождал Василия III в коломенский военный лагерь, где сам получил назначение вторым воеводой Большого полка, уступив место главнокомандующего молодому князю Д.Ф. Бельскому (учитывая отсутствие у Бельского всякого боевого опыта¹ реальное командование армией в случае отражения крымского набега находилось бы в руках Щенятева) (Разрядная книга, 1966: 68–69; Разрядная книга, 1977а: 182–184). Длительная опала князя в связи с «делом» обосновавшейся в Москве со времен Софьи Палеолог оппозиционной Василию III «греческой партии» похоронила военную карьеру князя. Его неоднократно отправляли в ссылку — на воеводство в захолустные города, серьезных же боевых назначений он более не получал (Белов, 2019б: 8–10). В 1533/34 г. Михаил Данилович скончался, будучи воеводой в Великом Устюге, приняв перед смертью постриг с именем Мисаил (Послужной список, 1791: 26; Вкладная, 2006: 84).

С кончиной Михаила род Щенятевых на протяжении нескольких лет не был представлен ни в среде высшего военного командования, ни в Боярской думе — вероятно, из-за малолетства сыновей Михаила: Василия и Петра. Своим возвышением братья были обязаны всеильному временщику князю И.Ф. Бельскому, в 1541 г. занявшему первенствующее положение в правительстве при малолетнем Иване IV².

Василий Михайлович на военном поприще успел сделать совсем немного. Во время обороны окских рубежей от войск крымского хана Сахиб-Гирея в июле 1541 г. князь возглавлял «запасной» отряд дворян из числа членов Государева двора, стоявший на р. Пахре и должный в случае необходимости оказать поддержку основным силам русского войска на том или ином участке обороны. К счастью, уstraшенный численностью противостоявшей ему армии и в особенности — московской артиллерией Сахиб-Гирей «побеже» прочь (Разрядная книга, 1977б: 296; ПСРЛ, 1859: 297; ПСРЛ, 1904: 139; Книга глаголемая, 1850: 41). Непосредственно в боевых операциях Василий не участвовал: в 1546 г. он возглавлял Передовой полк в Коломне (в «товарищах» — довольно-таки опытные князь Ю.И. Темкин-Ростовский, позднее — Ф.С. Воронцов³), а затем воеводствовал в Смоленске (Разрядная книга, 1966: 109, 112; Разрядная книга, 1977б: 318, 322). В октябре 1547 г. он, будучи отставленным от службы из-за тяжелой хвори, скончался (Назаров, 1975: 45, 52; Послужной список, 1791: 34; Вкладная, 2006: 83).

Младший брат Василия Петр Михайлович Щенятев в военном деле достиг куда больших высот. Достаточно лишь вкратце перечислить его боевые заслуги. Будучи воеводой в Муроме, в марте 1549 г. он успешно отбил набег казанцев, вторгшихся на «Муромские места»: отряд в 140 татарских конников принял бой у р. Кудьма и был «разбит наголову» (Шмидт, 1951: 296). В декабре 1550 г. совместно с князем Д.И. Микулинским разгромил пришедшее в Мещеру 8-тысячное войско ногайских татар (ПСРЛ, 1904: 161; Разрядная книга, 1966: 130; Разрядная книга, 1977б: 396–397; Посольские книги, 2006: 54; РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 183. Л. 182 об.; РГБ. Ф. 205.

¹ Ранее в 1519/20 г. он лишь воеводствовал в Кашире (Разрядная книга, 1966: 67).

² И.Ф. Бельский был женат на сестре братьев Щенятевых Ксении. Петр Щенятев стал наиболее близким «первосоветником» Бельского, Василий получил ряд почетных воеводских постов (Вкладная, 2006: 53–54; ПСРЛ, 1965: 42; Разрядная книга, 1977б: 296; ПСРЛ, 1859: 297).

³ О них см.: (Разрядная книга, 1966: 68, 72, 74, 76, 79, 80, 83, 84, 88, 89, 93, 95, 100–102, 107).

Собр. ОИДР. № 183. Л. 116). В июне 1552 г. вместе с князьями И.И. Пронским, М.И. Воротынским, Д.И. Немым-Оболенским стремительным марш-броском отогнал от Тулы большое войско крымского хана Девлет-Гирея (Разрядная книга, 1966: 136; Разрядная книга, 1978: 414–415; ПСРЛ, 1965: 83–84; Насонов, 1962: 15–16; Курбский, 2015: 30, 32). Летом-осенью 1552 г. во главе полка Правой руки Щенятев участвовал в походе на Казань и в грандиозном «Казанском взятии», в ходе которого лично принял участие в сече, стремительной кавалерийской атакой предотвратив прорыв части татарского гарнизона у Елбугиных ворот (Курбский, 2015: 48, 52–60; ПСРЛ, 1853: 313; Разрядная книга, 1978: 438; ПСРЛ, 1965: 107; ПСРЛ, 1904: 215, 218). Во время русско-шведской войны 1554–1557 гг. зимой 1555/56 г. князь Петр возглавил поход пятиполковой русской армии в шведскую Финляндию. Благодаря успешным действиям передовых отрядов авангард шведов удалось сходу «втоптать» в Выборг, сам Выборг был осажден, шедшие на выручку обороняющимся подкрепления из Стокгольма наголову разбиты, окрестности города — страшно опустошены (Разрядная книга, 1966: 154; РНБ. Q.IV.89. Л. 174; ПСРЛ, 1965: 243; ПСРЛ, 1904: 264; Ниенштедт, 1883: 7; Новицкий, 1956: 58–59). Успех похода обеспечил столь необходимый царю Ивану мир: уже летом того же года уstraшенный русским нашествием король Густав I инициировал мирные переговоры, а 21 марта 1557 г. между Москвой и Стокгольмом был заключен договор о 40-летнем перемирии (Сборник, 1910: 23–55; РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 4. Л. 1–2 об.). Щенятев справился с боевой задачей сполна. И ему было чем гордиться: в 1495 г. знаменитый дед Петра Щенятева воевода Даниил Щеня также ходил под Выборг, но, потеряв немалое число ратников, вынужден был отступить (Алексеев, 2009: 340–344). Петр Михайлович смог некоторым образом «реабилитировать» тактическую оплошку своего предка. На рубеже 1550–1560 гг. П.М. Щенятев несет службу на Оке, воеводствует в Свияжске (Разрядная книга, 1966: 160, 162, 167, 177; Разрядная книга, 1982а: 4, 60, 85; Разрядная книга, 1975: 81). В Полоцком походе 1562/63 г. он командует Сторожевым полком — в непосредственном подчинении Петра Михайловича находились 720 всадников поместной конницы из Боровска и Твери (Филюшкин, Кузьмин, 2017: 149–150; Петров, 2004: 43). Непосредственно в боях за Полоцк полк Щенятева не участвовал — во время осады он стоял против города, за рекой Двиной, «противу Богоявленского взвозу», очевидно, прикрывая царскую армию от возможного удара с тыла и ведя артиллерийский обстрел городских стен (ПСРЛ, 1906: 354).

Вскоре после взятия Полоцка Щенятев вновь оказывается на южной Украине Руси — во главе трехполковой рати охраняет от крымских татар подступы к Туле (Разрядная книга, 1966: 202–203; Разрядная книга, 1975: 123). В 1564 г. князь служит воеводой в новоприсоединенном Полоцке, успешно обороняет его от литовской армии Н.Ю. Радзивилла, за что удостоивается царской награды — «золотого карабленого» (Разрядная книга, 1966: 205, 211; Буганов, 1969: 220; ПСРЛ, 1906: 390; ПСРЛ, 1965: 340; Kronika, 1846: 414; Разрядная книга, 1975: 135, 137–138; Разрядная книга, 1982б: 163–164). В весенне-летние месяцы 1565 г. князь Петр служит «в приставах» у татарского «царя» Симеона, расположившегося со своим отрядом в пограничном с Литвой Ржеве, затем — возглавляет трехполковую «легкую» рать, собравшуюся в Торопце «по озерецким вестям» (Разрядная книга, 1966: 220; Разрядная книга, 1975: 149; Разрядная книга, 1982б: 191–193; Разрядная книга, 1974: 37). Всего же на литовском «фронте» Петр Михайлович пробыл более трех лет. Это был пик его военной карьеры: престижное полоцкое воеводство, командование самостоятельными воинскими подразделениями и полное одобрение со стороны царя — несомненный успех. Последней боевой экспедицией князя Петра стала Болховская посылка октября 1565 г., в ходе которой русскому войску удалось отогнать войско крымского хана Девлет-Гирея, внезапно обрушившееся на южные границы Московского государства и подступившее к крепости

Болхов. В этой экспедиции П.М. Щенятев возглавлял Передовой полк и в числе прочих воевод получил от довольного исходом дела Ивана IV наградной золотой (ПСРЛ, 1965: 348; Разрядная книга, 1966: 223–224). Жизнь Петра Щенятева завершилась трагично. Удачливый воевода, один из руководителей Земской Боярской думы выступил против опричных расправ царя Ивана, зимой 1565/66 г. самовольно приняв постриг в ростовском Борисоглебском монастыре с именем Пимен. Монашеский клобук не спас Щенятева: в ходе расследования «дела» И.П. Федорова-Челяднина Грозный вспомнил об иноке Пимене, приказал его схватить и подвергнуть страшным пыткам. 5 августа 1568 г. П.М. Щенятев испустил дух (Курбский, 2015: 142, 144; Послание, 1922: 41; Послужной список, 1791: 49; Книги расходные, 1910: 96; РНБ. Собр. Титова. № 4520. Л. 29)¹. Петр Михайлович, как и его старший брат Василий, был бездетен, а потому с его смертью род Щенятевых пресекался.

Как же можно оценить результативность службы трех князей Щенятевых: Михаила, Василия и Петра? И каков их вклад в военные победы России XVI столетия? Михаил Данилович имел большой воеводский «стаж», однако из всех его многочисленных назначений собственно боевыми выходами можно считать лишь три: участие в двух Смоленских походах 1513 и 1514 гг. и в вооруженном рейде по литовским землям, состоявшемся сразу после взятия Смоленска в 1514 г. Только последняя из перечисленных экспедиций князя Михаила может считаться его самостоятельной боевой операцией, впрочем, осуществленной им весьма и весьма успешно. Василий Щенятев хотя и получил ряд ответственных назначений, но в боевых действиях, как уже говорилось выше, участия не принимал. А вот его брат Петр Михайлович был, по-видимому, прирожденным полководцем. В его послужном списке числятся победа над казанскими татарами на р. Кудьма (1549), отражение ногайского набега (1550), разгром передовых крымских частей под Тулой (1552), деятельное участие в Казанском взятии (1552), успешный Выборгский поход, приведший к заключению мирного договора со Швецией (1555/56), оборона Полоцка (1564), участие в победоносном марш-броске к Болхову (1565). И это не считая многочисленных воеводских назначений на южную, восточную и западную границы страны. Князь Петр не входил в число первейших стратилатов Московского царства. Но его боевые качества, несомненно, были чрезвычайно высоки. Царь Иван доверял ему ответственные боевые посты и — ни разу не прогадал. Серьезных боевых проступков за Щенятевым не числилось. Он являлся воеводой второго порядка, но — одним из лучших! Стяжавший на полях сражений боевую славу князь Петр Михайлович, безусловно, заслужил светлую память потомков. Как заслужил ее и весь небольшой род князей Щенятевых, верой и правдой служивших на благо России в течение более чем 55-ти лет.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- БАН. Архангельское собр. Д. 193 (Сборник М.Я. Медоварцева, 1520–1530-е гг.).
РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 4 (Русско-шведский мирный договор 25 марта 1557 г.).
РГАДА. Ф. 181. Д. 11. Т. 3 (Летописный свод 1560 г.).
РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 365 (Троицкий летописец 1530 г.).
РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Д. 110 (Собакинская разрядная книга).
РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 4464 (Разрядная книга 1478–1603 гг., Колюбакинский список).
РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР. № 183 (Разрядная книга Болтиных).
РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 183 (Разрядная книга 1487–1577 гг.).
РНБ. F.IV.174 (Разрядная книга 1478–1603 гг., Сокращенная редакция).

¹ Подробнее об обстоятельствах и времени казни Щенятева см.: (Белов, 2019а: 185–188).

РНБ. Q.IV.86 (Разрядно-родословный сборник, посл. четв. XVII в.).
РНБ. Q.IV.89 (Разрядная книга 1478–1603 гг., Основная редакция).
РНБ. Собр. Титова. № 4520 (Вкладная книга Ростовского Борисоглебского монастыря 1586/87 г.).
СПБНИИ РАН. Колл. 115. № 93 (Башмаковская разрядная книга).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб., 2009.
- Белов Н.В. Антиопричное выступление князя Петра Михайловича Щенятева // *Novogardia*. 2019. № 1.
- Белов Н.В. Михаил Медоварцев и князя Патрикеевы (К вопросу об источниках некоторых статей сборника БАН. Арханг. Д. 193) // *Вестник «Альянс-Архео»*. Вып. 28. М.; СПб., 2019.
- Борисов Н.С. Государевы большие воеводы: малоизвестные русские полководцы // *Подвиг: героико-патриотический литературно-художественный альманах*. Вып. 38. М., 1991.
- Борисов Н.С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993.
- Буганов В.И. «Взятие полоцкое Литовские земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // *Записки отдела рукописей*. Вып. 31. М., 1969.
- Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подг. к печ. А.И. Алексеев // *Вестник церковной истории*. 2006. № 3.
- Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011.
- Зимин А.А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // *Исторические записки*. Т. 103. М., 1979.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
- Зимин А.А. Текстология Пространной редакции Разрядных книг (за 1475–1537 гг.) // *Архив русской истории*. Вып. 2. М., 1992.
- Иоасафовская летопись / Под ред. А.А. Зимина. М.; Л., 1957.
- Книга глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского // *Временник Общества истории и древностей Российских*. Кн. 5. М., 1850.
- Книги расходные казначея Пимена, ноябрь 1567 г. — декабрь 1568 г. // *Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века*. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910.
- Корзинин А.Л., Штыков Н.В. Состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III // *Былые годы*. 2017. Vol. 44. Is. 2.
- Курбский А. История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев. М., 2015.
- Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.
- Назаров В.Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // *Общество и государство феодальной России*. Сб. статей, посвященный 70-летию академика Л.В. Черепнина. М., 1975.
- Насонов А.Н. Новые источники по истории Казанского «взятия» // *Археографический ежегодник за 1960 год*. М., 1962.
- Ниенштедт Ф. Ливонская хроника // *Сборник материалов и статей, относящихся к истории Прибалтийского края*. Т. 4. Рига, 1883.

- Новицкий Г.А. Русско-шведские отношения в середине XVI века и война 1554–1557 годов // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1956. № 2.
- Петров К.В. Книга Полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). СПб., 2004.
- Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922.
- Послужной список старинных бояр и дворецких... // Древняя российская вивлиофика. Ч. 20. М., 1791.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006.
- Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
- ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
- ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Ч. 1. СПб., 1904.
- ПСРЛ. Т. 13. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. Ч. 2. СПб., 1906.
- ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1982.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989.
- Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975.
- Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.
- Сборник РИО. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. СПб., 1882.
- Сборник РИО. Т. 53: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии, 1516–1520 г. СПб., 1887.
- Сборник РИО. Т. 129: Памятники дипломатических сношений России со Швецией. СПб., 1910.
- Темушев В.Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013.
- Филюшкин А.И., Кузьмин А.В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М., 2017.
- Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. 7. М.; Л., 1951.
- Kronika polska, litewska, zmódzka i wszystkiój Rusi Macieja Stryjkowskiego. Т. 2. Warszawa, 1846.

СПОРНЫЕ ДЕЛА КАК САМОЦЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОМПЛЕКСА МАТЕРИАЛОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ

Спорные дела Генерального межевания нечасто становились темой специального исследования в исторической науке. Дореволюционные исследователи Генерального межевания, сосредоточившиеся на правовых аспектах этого мероприятия, к спорным делам не обращались (Иванов, 1846; Герман, 1914; Рудин, 1915). В работах, где спорные дела вскользь упоминались среди прочих межевых материалов (Милов, 1965: 34–35; Самошенко, 1989: 52; Бухерт, 1997: 50), эта документация расценивалась преимущественно как источник по истории землевладения и землепользования различных групп населения. Такой же подход свойственен и исследованиям, источниковой базой которых послужили непосредственно спорные дела (См., например: Акманов, 2015: 417; Басманцев, 2017: 141–142, 152). Такие исследования посвящены, как правило, землевладению в отдельно взятых регионах России.

Л.В. Милов выделил две большие группы межевых документов: 1) касающиеся отдельных дач: планы дач, межевые книги, полевые записки землемеров; 2) материалы сводного характера: Генеральные уездные планы, Экономические примечания к ним, губернские карты и табели (Милов, 1965: 33–34). Надо сказать, спорные дела не попали ни в один из них. Вероятно, это связано с тем, что при такой классификации спорные дела занимают промежуточное положение: в них могло быть вовлечено несколько дач одного или нескольких уездов, в том числе относящихся к разным губерниям (наместничествам, провинциям), но об обобщении материалов на уровне административно-территориальной единицы речи идти не может. Для ученого спорные дела представляли интерес исключительно в качестве материалов, которые могут помочь при выяснении обстоятельств составления и уточнения датировки Экономических примечаний к планам Генерального межевания (Там же: 34). Спорные дела не являются материалами сводного характера. Это значит, что отдельно взятый документ не содержит информацию о спорах в пределах целой административно-территориальной единицы. Однако в данном случае спорные дела тяготеют к выполнению исследовательских задач, предполагающих обобщение сведений о земельном фонде на уездном уровне. Очевидно, реализовать это несложно: достаточно поставить в соответствие дачам из Генеральных уездных планов и Экономических примечаний территории, охваченные спорами. Вне зависимости от того, задействована в споре дача, ее часть или несколько дач, такое соотнесение возможно, тем более с учетом того, что в Экономических примечаниях могли делаться отметки о земельных спорах (Там же: 74–75). Последнее, впрочем, есть далеко не во всех Экономических примечаниях¹.

Спорные дела Генерального межевания могут выступать как важный вспомогательный источник. В частности, они могут быть задействованы при анализе проблем заселения и землепользования в региональном и всероссийском масштабе. Невозможно недооценивать значение спорных дел в этом смысле. Однако хотелось бы рассмотреть спорные дела Генерального межевания под другим углом: охарактеризовать их структуру и содержание, оценить их достоверность и информационный потенциал, обозначить возможности для раскрытия на материалах спорных дел тех или иных проблем

---

¹ Так, например, работая с Экономическими примечаниями по Аткарскому, Петровскому, Саратовскому, Сердобскому, Хвалынскому уездам Саратовской губернии, мы не обнаружили отметок о спорах, несмотря на безусловное наличие спорных дел по поводу территорий, к этим уездам принадлежащих (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1260, 1263, 1329, 1331, 1338, 1339, 1344, 1345, 1351, 1352, 1365, 1366, 1369, 1372, 1373, 1330, 1340, 1342, 1371).

отечественной истории последней трети XVIII в. — первой половины XIX в., иными словами, описать спорные дела как самостоятельный исторический источник. Эта задача и решается в настоящей статье.

Несмотря на имеющиеся региональные особенности, которые могли быть связаны с социальным и этническим составом населения, исторически сложившейся спецификой хозяйственной деятельности, административно-территориальными преобразованиями, разницей в сроках начала межевания и т.д., разрешение земельных споров не могло осуществляться в противоречии с общероссийским законодательством. В первую очередь речь идет о Межевой инструкции 25 мая 1766 г., где среди прочего приведен перечень возможных доказательств по межевым делам (ПСЗ. Собр. 1. Т. 17. № 12659). Если учесть значение законодательной базы, представляется возможным понять механизм разрешения споров и получить общее представление о спорных делах как историческом источнике на базе изучения спорных дел по нескольким уездам пусть даже одной губернии (провинции, наместничества). Межевому законодательству с момента начала Генерального межевания свойственны попытки на практике все же принимать во внимание местную специфику, что порождает всевозможные дополнения и оговорки, опять же, не противоречащие общим правилам (Там же. № 12519; Т. 24. № 17989; Т. 25. № 18625). Спорные дела, в свою очередь, содержат ссылки на законодательство, подчас весьма обстоятельные (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 1914: 122; № 2006: 12; № 2321: 118об), и это упрощает исследовательскую задачу. Следует отметить, что спорные дела в составе фондов Межевого отдела РГАДА обособлены именно по территориальному принципу.

Нам удалось ознакомиться со спорными делами по Аткарскому (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2178, 2185, 2186, 2197, 2221, 2254), Петровскому (№ 2270, 2271, 2272, 2321, 2325, 2402, 2424, 2431, 2432, 2443, 2453, 2454, 2465, 2469, 2479, 2520, 2551, 2325), Сердобскому (№ 2569, 2570, 2583, 2592), Саратовскому (№ 1, 5, 9, 13, 15, 21, 27, 38), Хвалынскому (№ 1725, 1738, 1914, 1931, 2006, 2029, 2035, 2036) уездам Саратовской губернии¹. Был частично охвачен также Чебоксарский уезд Казанской губернии (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Ч. 1. № 1324, 1327, 1347)². Учитывая приведенные выше соображения и отдавая себе отчет в том, что, помимо базовых, непеременимых структурных элементов, могут иметь место частности, свойственные документации только отдельно взятого региона (регионов) в строго определенный промежуток времени, мы все же считаем возможным оттолкнуться от этого опыта для того, чтобы предпринять первую относительно существующих исследований попытку составить представление о спорных делах Генерального межевания как историческом источнике и возможностях их использования для решения тех или иных исследовательских задач.

Специфика фондообразования такова, что опись, как правило, помимо непосредственно спорных дел, в качестве отдельных единиц хранения содержит полевые записки, межевые книги и специальные планы, соответствующие делам. В редких случаях специальный план вложен в спорное дело³ и, соответственно, не имеет собственного номера в описи (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2185). Встречаются и дела, пред-

¹ Саратовская губерния учреждена в 1797 г., следовательно, применительно к более раннему времени речь идет о территориях, относящихся к Саратовской провинции, затем к Саратовскому наместничеству Астраханской губернии. Сомнительно, что в данном случае территориальные преобразования как-либо отразились на коллекции: в спорные дела по Саратовской губернии успешно попали документы второй половины 1760–х гг., невзирая на то, в тот момент и не существовало никакой Саратовской губернии. Что касается фонда по Астраханской губернии, в его соответствующей описи дела по тем же территориям не зафиксированы (РГАДА. Ф. 1298. Оп. 2).

² Дела по Чебоксарскому уезду, рассматриваемые в настоящей статье, начаты в 1794–1795 гг., очевидно, де-юре относясь в тот момент к территориям в составе Казанского наместничества.

³ Не подшит, а именно вложен, и, что примечательно, не включен в нумерацию листов.

положительно попавшие в фонд по ошибке: среди спорных дел мы обнаружили документ, где содержится сводная по губернии информация о владельцах казенных земель после указа о приостановлении их продажи (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 13).

Структура спорных дел вариативна, однако по меньшей мере один из следующих элементов содержится в каждом деле: прошения землевладельцев или их поверенных; рапорты землемеров; резолюции местных межевых учреждений, преимущественно межевых контор. В спорных делах также может содержаться техническая документация землемеров (описания специальных планов, исчисления удобных и неудобных земель, краткие геодезические журналы и т.д.), переписка местных межевых учреждений между собой, выписки (например, из купчих крепостей), перечень применимых к делу законодательных актов и др. Налицо беспрецедентное информационное богатство, причем за счет выписок из старых документов можно извлечь информацию, связанную еще с доекатерининскими временами.

Прошение подается в местное межевое учреждение, но составляется всегда на имя императора. После *inscriptio* с устойчивым формуляром указывается имя и социально-правовая характеристика просителя. Им мог быть как землевладелец, так и поверенный. Кроме того, просителем могло стать любое другое лицо, если оно в силу обстоятельств оказалось задействовано в спор: допустим, является опекуном малолетнего правопреемника покойного землевладельца (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 15: 102). Объясняется, на каких правах землевладелец или его представитель обладает той или иной территорией и в чем суть конфликта с другой стороной. Необязательный, но возможный элемент прошения — отсылка к конкретным пунктам законодательства (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2006: 11об–12). Обязательным же элементом является формулировка, что именно просит автор документа, например: «учинить рассмотрение и из усиленного владения предписанную мою крепостную купленную землю с угодьи по оной купчей от предписанных деревни Терешки и протчих татар отобрав возвратить мне к законному владению означа в плане и в межевых книгах удостоить меня по словам закона впредь по оной купчей оной земле владетелницею, а с теми татарами за усиленное их чужую землю владение поступить как Вашего Императорскаго Величества о размежевании земель законы повелевают» (Там же: 12).

По утверждению Л.В. Милова, доношения землемеров о спорах не сохранились (Милов, 1965: 34). Мы можем с уверенностью заявить, что такие доношения существуют в большом количестве по крайней мере в составе спорных дел. Типичный рапорт — небольшой документ отчетного характера. Если рапорт землемера открывает дело, то он будет содержать прежде всего краткую фактическую информацию о начавшемся споре, отчасти аналогично прошению, но от третьего лица. В ином случае главная цель рапорта землемера — позволить ему отчитаться о работе, сообщить, какую территорию он обмежевал и какие документы составил: как правило, речь идет о специальных планах, межевых книгах, полевых записках (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2254: 15–15об).

Спор мог произойти по разным схемам: землевладелец — землевладелец; государственные (казенные) поселяне — государственные (казенные) поселяне; землевладелец — поселяне; землевладелец — государство; поселяне — государство. Зачастую дело начинается либо с прошения землевладельца или поверенного (от землевладельца или поселяна), либо с рапорта землемера. И прошения, и рапорты направлялись в губернскую межевую контору для последующего рассмотрения. Новые прошения — в связи с изменением обстоятельств или вовлечением других участников в процесс — могли поступать в ходе рассмотрения дела: так, например, спорное дело по селу Покровскому Аткарского уезда (1798–1806 гг.) включает в себя 20 прошений (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2197: 5–5об, 9–9об, 27–28, 37–37об, 39–39об, 41–41об, 53–53об, 71–

72, 74–74об, 76–76об, 78–79, 80–80об, 82–82об, 84–84об, 91–93, 115–115об, 126–127, 128–128об, 135–135об, 156). Межевая контора разрешала дело преимущественно собственными усилиями, но отчитывалась перед центральными органами — Межевой канцелярией, межевым департаментом Сената; в некоторых случаях могла и спрашивать мнение по особо важным вопросам (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 21: 51). Переписка местных и центральных межевых учреждений в состав спорных дел не включена. К делу могут быть приложены рапорты, отправленные из межевой конторы в Межевую канцелярию и Межевой департамент Сената, что перепиской, конечно, не является (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 1738: 156–161об).

В существующей научной литературе можно встретить утверждение, что из спорных дел сохранились «только те <...>, которые доходили до высших межевых органов — Межевой канцелярии и «Межевой при Сенате экспедиции»» (Милов, 1965: 34). Наш опыт работы со спорными делами подтверждает данное положение. В связи с этим нужно понимать, что, по-видимому, существовало какое-то количество ныне недоступных исследователям дел, до высших инстанций не добравшихся. Возникает потребность задаться вопросом, почему одни дела удаивались чести быть обсужденными на высшем уровне, а другие нет. На данный момент этот вопрос остается открытым. В ходе дальнейших исследований было бы небесполезно проанализировать журналы и протоколы Межевой канцелярии и межевых контор, где «главное место <...> занимает разбор спорных дел» (Там же: 35). Теоретически можно выяснить, каков был критерий отправки или неотправки документации по спорным делам в высшие межевые органы.

Вопрос, касающийся достоверности, крайне сложен. Строго говоря, спорное дело рождается посредством сшивания и сплошной нумерации¹ самых разноплановых документов, которые объединяет в основном лишь то, что они посвящены одному и тому же случаю. Получается, что спорное дело при желании можно рассматривать как совокупность разных источников, где с разных ракурсов показана одна и та же ситуация. Сравнивая эти составные части — допустим, прошения сторон и рапорты землемеров на нескольких этапах спора — можно внести уточнения в обстоятельства дела. Это важно, потому что несоответствия могут возникнуть отнюдь не вследствие умысла (хотя и такой вариант полностью исключать не следует), но вследствие человеческого фактора. Возможен вариант банальной описки. Кроме того, судя по спорным делам, канцеляристы могли запросто сбиться в подсчетах применительно к количеству ревизского населения и причитающейся ему площади земли² или даже перепутать топонимы (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2443: 14–14об; № 2431: 74). Вопрос с топонимами имеет большое значение, потому что опыт работы с Генеральными уездными планами, равно как с алфавитами дач и владельцев Экономических примечаний, показывает, что в пределах одного уезда, в целом даже вне зависимости от региона, зачастую встречаются похожие, а иногда и одинаковые названия совсем разных населенных пунктов, которые географически запросто могут соседствовать. Это может иметь принципиальное значение в тех спорах, где задействовано большое количество дач или их частей. Тот факт, что рано или поздно случайные ошибки могли обнаружить и скорректировать, как и случилось в вышеуказанных делах, не должен обнадеживать исследователя,

---

¹ Известен, однако, случай, когда нумерация дела (в какой-то момент, правда, вполнину перечеркнутая и объединенная) распадается надвое: РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 1931.

² В Межевой инструкции от 25 мая 1766 г. заявлено (без строгой привязки к региону) о возможности распределении бывших казенных земель между владельцами с учетом нормированного количества единиц площади на ревизскую душу. На практике норма стала воплощаться в жизнь в основном с 1798 г. в Саратовской, Симбирской, Оренбургской губерниях. Эта норма варьировала: могла составлять, например, 8, 15, 20 десятин.

так как большинство ошибок, скорее всего, не было найдено. А если первоисточник ошибки находится за пределами дела, то она тем более может «протащиться» через все дело, и никакое сопоставление частей между собой не поможет. Тогда, в случае возникновения сомнений, остается внимательно смотреть, на что ссылаются составители документов: в частности, в случае уточнения количества ревизских душ в населенном пункте, вне зависимости от того, делают это сами землевладельцы или должностные лица межевой конторы, соответствующую ведомость предоставляла местная казенная палата (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2479: 130об). Далее остается только искать либо сам документ, если повезет, либо другое его упоминание. Иными словами, это открывает путь для специального исследования и работы с самыми неожиданными и еще более малоизвестными и малоизученными, нежели спорные дела, межевыми материалами.

Репрезентативность спорных дел Генерального межевания зависит от исследовательской задачи, в рамках которой мы их анализируем. Можно рассматривать спорные дела в уже привычном в связи с материалами Генерального межевания русле исследования социально-экономических вопросов, то есть с точки зрения изучения истории землевладения, землепользования различных групп населения. В таком случае использование спорных дел позволяет проследить содержательную сторону процесса формирования землевладения вслед за текущей документацией по ходу земельных споров. Кроме того, с опорой на аргументы сторон, можно получить представление о состоянии землевладения не только во время споров, но и в предшествующие периоды. В частности, речь идет о конце XVII в. — первой половине XVIII в. Спорные дела имеют большое значение в этом смысле, поскольку Экономические примечания к планам Генерального межевания и материалы ревизий, на наш взгляд, отражают скорее положение дел в момент составления, нежели динамику. Репрезентативность, впрочем, невысока: сведения о землевладении легче найти в других, более традиционных источниках. Однако уровень репрезентативности повышается, если рассматривать спорные дела в другом аспекте, а именно в правовом. Применительно к правовой сфере жизни российского общества последней трети XVIII в. — первой половины XIX в. спорные дела невозможно игнорировать. Разумеется, есть вариант в духе дореволюционных исследований Генерального межевания: ознакомиться с большим количеством законодательных актов, касающихся процедуры межевания, и на этом остановиться. Однако спорные дела наглядным образом демонстрируют, как законодательство работало и интерпретировалось в местных реалиях, как действовали стороны и должностные лица в местных межевых учреждениях в случаях, для которых четкого алгоритма не обнаруживалось. В материалах, обработанных нами, в частности, такой «пробел» в законодательстве выявился в связи с механизмом учета женщин как правопреемниц в вопросе землевладения в случае, если мужчины умирают между ревизиями (РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2431: 74, 75–75об). Мы полагаем, что на стыке правовой и социальной сфер с опорой на спорные дела можно задать вопрос, насколько тесно была связана с социальным статусом степень вовлеченности участников спора в процесс, их реальная роль в нем и возможность повлиять на итоговое решение. Таким образом, правовой ракурс изучения спорных дел придает им статус уникального источника. Наконец, земельные споры было бы бесполезно рассмотреть и применительно к изучению культурных практик. Спорные дела дают широкие возможности для исследования поведения людей, разумеется, далеко не полностью поддающегося законодательному регулированию, менталитета. Ощутимо реже, чем прошения, но все же встречаются жалобы сторон, которые могут дать весьма богатый материал на этот счет (См., например: РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Ч. 1. № 1347: 1–3). Разумеется, спорные дела будут лишь одним из многочисленных источников по данной проблематике.

Подводя итог, следует дать ответ на вопрос, в чем именно состоит основная ценность спорных дел в комплексе материалов Генерального межевания. В спорных делах отражена не только и не столько ситуация на момент начала и конца споров, сколько сам процесс их разрешения. Если дело тянулось два–три десятилетия, велика вероятность обнаружить в нем более или менее подробный срез документации по каждому или почти каждому календарному году. Такая ситуация позволяет с опорой на спорные дела: 1) проследить динамику процессов правоприменения в сфере землевладения и землепользования; 2) извлечь информацию по тому или иному узкому вопросу, отнюдь не обязательно связанному напрямую с земельной собственностью. Как бы то ни было, взгляд на спорные дела исключительно как на инструментальное дополнение при работе с Экономическими примечаниями, как нам представляется, несправедлив. Спорные дела действительно могут послужить полезным дополнением в таком случае, однако здесь возможности их применения в исторических исследованиях не заканчиваются, а только начинаются.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

РГАДА. Ф. 1298. Оп. 2. Л. 1–73.
РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Ч. 1. № 1324.
РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Ч. 1. № 1327.
РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Ч. 1. № 1347.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 1.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 5.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 9.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 13.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 15.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 21.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 27.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 38.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 1725.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 1738.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 1914.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 1931.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2006.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2029.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2035.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2036.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2178.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2185.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2186.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2197.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2221.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2254.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2270.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2271.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2272.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2321.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2325.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2402.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2424.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2431.

РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2432.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2443.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2453.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2454.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2465.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2469.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2479.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2520.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2551.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2325.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2569.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2570.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2583.
РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Ч. 1. № 2592.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1260.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1263.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1329.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1331.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1338.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1339.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1344.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1345.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1351.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1352.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1365.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1366.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1369.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1372.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1373.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1330.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1340.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1342.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 1371.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акманов А.И. Решения спорных дел Генерального межевания земель Верхоуральского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII — XIX вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 417–421.
- Басманцев Д.В. Землевладение в Чувашском крае во второй половине XVI–XVIII веке: обзор документальных материалов по спорным делам генерального межевания // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2017. №12. С. 140–160.
- Бухерт В.Г. Архив Межевой канцелярии (1768–1918). М., 1997.
- Герман И.Е. История русского межевания. 3 изд. М., 1914.
- Иванов П.Г. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846.
- Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 17. № 12519.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 17. № 12659.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 24. № 17989.

Рудин С.Д. Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. 19 сентября 1765 г. — 1915 г. Пг., 1915.

Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989.

Сведения об авторах и аннотации статей

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры.

Поэтические фрагменты о «Начале земли Русской» в Начальном летописном своде

В статье рассматриваются два поэтических фрагмента из главы киевского Начального летописного свода о «Начале земли Русской», помещенной под 6362 (854) г. — сказания о Кие и Рюрике. Реконструируется стихотворная структура текста, его просодические особенности. Автор приходит к выводу, что тексты обоих сказаний представляют собой записанные по памяти и обработанные летописцем фрагменты устного историко-генеалогического эпоса. Наиболее вероятно, что поэтическое сказание о Рюрике стало известно летописцу как часть генеалогического предания новгородской боярской семьи Остромировичей. Сказание же о Кие сложено на основе местных топонимических преданий по образцу династической легенды, на что указывает стилистический и сюжетный параллелизм. Оба фрагмента сложены «смешанным» стихом, сочетающим периоды разных типичных для славянского эпоса стихотворных размеров. Это роднит их и еще некоторые отрывки летописи с позднейшим литературным эпосом Древней Руси («Слово о полку Игореве»). Вместе с тем фрагменты (как и «Слово») показывают и зарождение традиционного для эпической поэзии нового времени тонического «былинного» стиха. Сравнительно скромное отражение повествовательной поэзии в древнейших памятниках славянской литературы в сравнении с другими этническими традициями Европы объясняется в первую очередь особенностями славянского литературного процесса, в основе которого лежали традиции переводной прозы.

Ключевые слова: летописание, устная традиция, эпос, Начальный свод, Древняя Русь.

Володихин Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Копейный «ездец» на монетах московских государей

В статье делается предположение, согласно которому в московском «ездеце» следует видеть вариант западноевропейской иконографии св. Георгия. Этот вариант, возможно, был принесен северо-итальянскими денежными мастерами, услугами которых в Москве пользовались неоднократно, в том числе и при Иване III Великом.

Ключевые слова: Русское централизованное государство, московский «ездец», Генуя, Трапезундская империя, княжество Феодоро, монеты, нумизматика.

Богданов Андрей Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Баснословие о заговоре Милославского и Софьи во время «Хованщины»

В статье рассмотрено формирование мифов об участии придворных в разжигании бунта в Москве в 1682 г. Кратко отметив баснословие о «Хованщине», изобретенное правительством царевны Софьи осенью 1682 г., автор подробно рассматривает деятельность А.А. Матвеева и его учителя Л.И. Поборского, которые в то же время начали распространять среди иностранцев свою версию, об интригах Милославского, врага убитого восставшими боярина А.С. Матвеева. Анализируется содержание и причины успеха этого баснословия в иностранных сочинениях, которые уже в XVII в. начали переводиться на русский язык. Отмечено отличие баснословий от реальных сведений о самостоятельном выступлении стрельцов, солдат и др. служилых по прибору людей в

1682 г. в текстах профессиональных иностранных агентов и путешественников в Москве до конца XVII в.

Ключевые слова: Хованщина, заговор Милославского, царевна Софья, А.С. Матвеев, А.А. Матвеев, Л.И. Поборский, В.В. Голицын, Ф.Л. Шакловитый.

Агейчева Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

И.Д. Ковальченко. «Хотя история мне очень нравится»

Статья посвящена молодым годам будущего российского и советского историка, доктора исторических наук, профессора МГУ, академика Ивана Дмитриевича Ковальченко, выбору им жизненного и профессионального пути.

Ключевые слова: И.Д. Ковальченко, историография, Московский государственный университет.

Микитчук Марина Дмитриевна — бакалавр истории, преподаватель Школы юного историка исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Образ личности и правления Ивана IV в историческом нарративе его младших современников

В статье рассматривается первый ретроспективный взгляд на фигуру Ивана IV в источниках русского происхождения. Феноменологическая реконструкция образа царя и ее теоретическое осмысление обозначают особенности восприятия фигуры Ивана Грозного младшими современниками, выявляя основные факторы «первичной» субъективизации.

Ключевые слова: книжный образ, ретроспективность оценки, авторские интерпретации, аналитическое восприятие, Иван Грозный, деятели Смуты.

Белов Никита Васильевич — магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Князя Щенятевы — воеводы Московского государства XVI в.

В статье рассматривается военно-служилая деятельность княжеской семьи Щенятевых: их вклад в военную историю России XVI в., место в воеводском корпусе Московского государства, динамика служебных назначений, результативность боевых выходов.

Ключевые слова: русская военная элита, воеводы, военная история, Государев двор, Щенятевы, Гедиминовичи, Василий III, Иван IV Грозный.

Охлопкова Виктория Александровна — студентка исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Спорные дела как самоценная составляющая комплекса материалов Генерального межевания

В статье дана характеристика спорных дел Генерального межевания как самостоятельного исторического источника. Обозначено место спорных дел как в комплексе межевой документации последней трети XVIII в. — первой половины XIX в., так и в целом среди делопроизводственных источников, с опорой на которые можно изучать проблемы социально-экономической истории России указанного периода.

Ключевые слова: Генеральное межевание, спорные дела, земельные споры, межевое законодательство, межевые учреждения.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков (за исключением случаев, предварительно согласованных с редакцией в персональном порядке). Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Ссылки даются в скобках в тексте с указанием фамилии автора или первых слов названия публикации и ее страниц: (Иванов, 1984: 656) или (Исторический сборник, 1967: 341). В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться приставный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: iporadeta@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович